

УДК 81-11
ББК 81
Г12

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ССЭИ РЭУ им. Г.В. Плеханова*

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент *Н. Н. Горина*
кандидат филологических наук, доцент *А. П. Кудряшова*

Гаврилова А. А.

Г12   **Метатекстовые элементы в научном тексте.** – Саратов :
Саратовский социально-экономический институт (филиал)
РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – 180 с.
ISBN 978-5-4345-0387-7

Настоящая монография охватывает широкий круг вопросов, освещающих процесс создания текста с учетом экстралингвистических факторов. Предельное внимание уделяется структурированию научного текста с точки зрения управления процессом понимания в сознании читателя с помощью метатекстовых средств.

Вопрос употребления в научном тексте метатекстовых компонентов рассматривается на материале русского и немецкого языков. Кроме того, на основе анализа специальной литературы отмечается специфика употребления в научном тексте терминологии и графических средств его оформления, облегчающих восприятие.

Монография может быть полезна исследователям текстообразования, студентам и аспирантам филологических специальностей.

**УДК 81-11
ББК 81**

ISBN 978-5-4345-0387-7

© А. А. Гаврилова, 2017
© Саратовский социально-
экономический институт (филиал)
РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. МЕТАТЕКСТОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ.....	8
1.1. Дискурс и текст как объекты лингвистики.....	8
1.2. Специфика структуры и функционирования научного текста.....	16
1.3. Понятие метаязыка и метатекста.....	24
1.4. Метатекстовые элементы в научном тексте.....	31
1.5. Термины в научном тексте.....	37
1.6. Символично-графические компоненты научного текста....	42
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТАТЕКСТОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ.....	50
2.1. Употребление метатекстовых средств дополнительной интерпретации в русских научных текстах.....	50
2.2. Роль вспомогательных метатекстовых средств в управлении процессом понимания в сознании читателя (на материале русских текстов).....	78
2.3. Употребление метатекстовых средств дополнительной интерпретации в немецких научных текстах.....	97
2.4. Роль вспомогательных метатекстовых средств в управлении процессом понимания в сознании читателя (на материале немецких текстов).....	112
2.5. Сочетание метатекстовых компонентов дополнительной интерпретации и вспомогательных метатекстовых средств.....	131

2.6. Использование символично-графических средств в русских и немецких научных текстах.....	135
2.7. Употребление метатекстовых средств в русских и немецких научных текстах: сопоставительный анализ	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	149
<i>БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....</i>	<i>154</i>
<i>ПРИЛОЖЕНИЯ .....</i>	<i>169</i>
Приложение 1. Мини-словарь вспомогательных метатекстовых средств на материале русских научных текстов.....	169
Приложение 2. Мини-словарь вспомогательных метатекстовых средств на материале немецких научных текстов.....	173
Приложение 3. Рекомендации для написания реферирования, аннотации, научной статьи на немецком языке.....	178

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография посвящена проблеме текстообразования. Создавая научный текст, автор структурирует его таким образом, чтобы текстуальная информация была предельно ясна читателю. Обращенность к читателю должна стоять в центре прагматических интересов автора, который ориентирован на читателя как на самостоятельную и активную познающую личность.

Изложение научной информации невозможно представить без авторских пояснений отдельных понятий и целых суждений. При раскрытии научной проблемы автором преследуется конкретная цель – всестороннее, детальное объяснение проблематики текста. С этой целью он использует в процессе научного изложения не только текстовые компоненты, но и те средства, которые помогают читателю понять основную научную информацию. Данные средства называются метатекстовыми и представляют собой действенный способ привлечения внимания читателя к тому или иному явлению.

Метатекст традиционно понимается как текст, знакомство с которым необходимо реципиенту для понимания какого-либо другого текста. При этом не исключается возможность выделения метатекстовых компонентов в самом тексте, другими словами, разграничения в тексте двух уровней – собственно текстового и метатекстового. Такое широкое понимание метатекста позволяет рассматривать в качестве метаэлементов научного текста достаточно широкий спектр вербальных и графических средств, многие из которых составили объект смежных исследований метатекста в научном тексте [Шварцкопф 1970; Котюрова 1983; Лобачев 1983; Красавцева 1984; Воробьева 1985; Кожина 1986; Рябцева 1992; Кириллова 1993 и др.].

Что практически осталось за пределами внимания исследователей – это средства дополнительной интерпретации фрагментов научного текста, содержащих как отдельные понятия, так и целые суждения. Между тем, значимость метаязыковых операций в процессе коммуникации подчеркивал еще Р. Якобсон, указывая, что в качестве средств толкования слов как единиц кода могут выступать синонимы и перифразы [Якобсон 1985: 362]. Более детальное описание метатекстовых средств дополнительной интерпретации сказанного ранее предлагает О.Н. Шаповалова [Шаповалова 2000; 2001; 2003; 2006; 2007; 2014], но на материале русской диалогической речи

в экспериментальной ситуации, моделирующей обыденное общение. В то же время систематическое описание метатекстовых средств дополнительного толкования в научном тексте еще не проводилось.

Таким образом, объектом внимания являются метатекстовые компоненты, с помощью которых автор научного текста пытается обеспечить понимание за счет дополнительной интерпретации других компонентов текста. Многие из средств дополнительной интерпретации уже были описаны в лингвистике как синонимические замены, перифразы, сравнения, метафоры и т. д., однако практически не рассматривалась такая функция этих средств как управление процессом понимания в сознании читателя, т. е. не учитывалась функция дополнительного толкования уже затронутой в тексте информации.

Кроме того, восприятие научного текста облегчается с помощью некоторых вспомогательных метатекстовых компонентов, например, структурирующих текст, указывающих на смысловую эквивалентность двух компонентов или на связи авторского текста с иными текстами (ссылки). Наконец, в область анализа вовлечены графические средства (различные виды шрифтов, таблицы и т. д.). Все названные средства выполняют единую прагматическую функцию: за счет предельной конденсации языкового выражения помочь читателю адекватно воспринять научную информацию.

Необходимо отметить, что целью данной работы не является полный охват всех метаэлементов научного текста, а ставится задача выделения тех средств, которые наиболее активно используются авторами научных текстов для достижения понимания в сознании реципиента.

В качестве предмета исследования выделяется зависимость употребления метатекстовых средств от коммуникативных задач, которые решает автор текста. Материалом исследования служат русские и немецкие научные тексты (прежде всего статьи, а также главы из монографий, учебников и учебных пособий известных ученых). Для количественного анализа, а именно, подсчета частоты метатекстовых средств, проанализированы 25 русских и 25 немецких текстов. С целью достижения адекватности интерпретации анализируемого текстового материала отбирались работы, написанные в области гуманитарных дисциплин, прежде всего, лингвистики.

Необходимым представляется определение инвентаря метатекстовых средств управления пониманием в сознании реципиента в научном тексте и выявление функций этих средств. На данном материале проводится систематическое исследование метатекстовых средств, прежде всего, средств дополнительной интерпретации, способствующих достижению понимания в научных текстах.

Представленная в минисловарях номенклатура русских вспомогательных метатекстовых средств может использоваться молодыми учеными при написании диссертационного исследования и научных статей. Наконец, представляется возможным применять аналогичный список средств на немецком языке при обучении студентов как филологических, так и неязыковых специальностей реферированию немецких научных текстов.

Что касается методов исследования, к ним относятся общий филологический метод – интерпретация текста, метод лингвистического моделирования, контекстуальный анализ, описательный метод, а также количественные методы.

В рамках данной монографии предлагается многоуровневая модель метатекста в научном тексте, используемого автором для достижения понимания, включающая разнообразные средства дополнительного толкования сложных текстовых фрагментов, а также уровень вспомогательных метаэлементов и уровень графического оформления научного текста.

Любое произведение является целенаправленным. Поэтому коммуникативное намерение направлено не просто на оптимальное построение высказывания, оно устремлено и на достижение понимания содержания статьи реципиентом. Так, О. Н. Шаповалова подчеркивает, что «успешная коммуникация немыслима без достижения понимания. Автор речевого высказывания пытается сформировать в сознании реципиента определенное концептуальное содержание...» [Шаповалова 2014: 166].

Изучение текстообразующих факторов является одной из актуальных проблем лингвистики: такой сложный феномен, как текст, и такая важная проблема, как проблема производства речевых высказываний (в том числе, в письменной форме), постоянно привлекают внимание лингвистов.

Необходимость и интерес к исследованию инвентаря и функций метатекстовых средств управления пониманием в сознании реципиента при восприятии им научного текста обусловлены бурным развитием науки и потребностью современного общества в эффективной трансляции научных знаний.

Глава 1

Метатекстовые элементы в научном тексте

1.1. Дискурс и текст как объекты лингвистики

Наряду с термином «текст» в лингвистике принято употреблять термин «дискурс». В настоящем разделе необходимо представить четкое разграничение данных понятий, так как коммуникация в научной сфере может протекать как в письменной, так и в устной форме.

Разногласия в подходах к определению понятий «дискурс» и «текст» обусловлены как историей становления научной отрасли, объектом которой является текст, так и сложностью, многогранностью коммуникативных единиц высшего ранга. Вопрос разграничения или отождествления понятий «текст» и «дискурс» очень сложен и неоднозначен, что подтверждается огромным количеством трудов в этой области и существованием двух различных направлений исследования анализа дискурса и лингвистики текста.

По справедливому замечанию К. Ф. Седова, «...четкого и общепризнанного определения "дискурса", охватывающего все случаи его употребления, не существует...» [Седов 1999: 6]. В настоящее время предлагаются различные подходы к пониманию дискурса. В большинстве работ отечественных и зарубежных ученых [Барботько 1981; Дейк 1989; Арутюнова 1998, 1990; Падучева 1985, 1996; Кибрик 1992; Карасик 1998; Макаров 1998; Почепцов 1998; Седов 1999; Fairclough 1995; Girth 1996; Sinclair, Coulthard 1996; Fraas 1997; Hoffman 1997 и др.] сложилась традиция, в рамках которой под словом «дискурс» понимается целостное речевое высказывание в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций. Так, Н. Д. Арутюнова предлагает следующее определение дискурса: «Дискурс – связанный текст в совокупности и с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие,

как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь...» [Арутюнова 1990: 136–137]. Другими словами, дискурс обозначает конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном коммуникативном пространстве.

Еще один подход к пониманию дискурса развивается в работах ряда французских лингвистов [Фуко 1977; Деррида 2000; Кристева 2004], которые используют это понятие при обозначении общественно-исторически сложившихся систем человеческого знания. По М. Фуко, дискурс выступает как часть «дискурсивной практики» – совокупного множества разнообразных сфер человеческого познания. При этом дискурс имеет историческую обусловленность, это – социально-историческая информация. Поэтому в отличие от классической герменевтической традиции дискурсивный анализ ищет ответ не столько на вопрос «Что было действительно сказано в том, что сказано?», сколько: «Почему имеет место данное высказывание, и никакое другое на его месте?» [Фуко 1977: 233–235].

Идеи М. Фуко стали стимулом и предпосылкой для последующих разработок в этом направлении. В публицистике, например, дискурс почти приравнивается стилю. В этом понимании дискурс отображает своеобразие речи объекта социального действия, выявляет индивидуальность речевых высказываний. По словам Ю. Кристевой, «дискурс отражает реальность» [Кристева 2004: 40]. Данная позиция поддерживается в работах Т. А. ван Дейка: дискурс рассматривается как существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерной чертой которого являются интересы, цели и стили [Дейк 1989: 53]. В этом смысле удобно говорить о научном дискурсе как совокупности устной и письменной форм речевой продукции, отображающей научные знания определенного общества конкретной эпохи.

Опровержением концепции М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, говорящих о дискурсе как о совокупности знаний о целом мире вообще, выступает концепция немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса. С его именем связано отождествление понятия «дискурс» с понятием «дискуссия». В данном случае дискурс рассматривается как особый вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации [Хабермас 2000: 167]. Однако, опираясь на понимание дискурса как «речи, погруженной в жизнь» [Арутюнова 1990: 136–137], постулат Ю. Хабермаса можно опровергнуть, поскольку дискурс напрямую связан с коммуникативным актом.

Дж. Р. Серль указывает на факторы, воздействующие на характер протекания дискурса. К ним относятся социальные характеристики говорящего и слушающего, их «выраженное психологическое состояние», цель общающихся, а также другие аспекты социальной ситуации [Серль 1986: 173]. Этот тезис находит подтверждение в работах Э. Бенвениста, который определяет дискурс как «речь, присваиваемую говорящим» и противопоставляет дискурс объективному повествованию [Бенвенист 1974: 123]. Таким образом, дискурс, имея субъективный характер, обозначает только речетворческий процесс, речевое произведение, произносимое в данный момент.

Предполагается, что дискурс не отделяется от обстоятельств, условий, в которых проходит речевое общение: он как бы вбирает в себя все присущие им характеристики. Кроме того, следует иметь в виду, что адекватная интерпретация высказывания в рамках дискурса требует знания предшествующего контекста. При этом важное значение в процессе восприятия сообщения имеют фреймы и сценарии, сформировавшиеся в сознании реципиента и выступающие в роли базисных элементов. Здесь уместно привести слова И. Беллерт: «Дискурс – такая последовательность высказываний, в которой семантическая интерпретация каждого высказывания зависит от интерпретации высказываний» [Беллерт 1978: 175]. Сходное мнение выражает А. Р. Лурия, подчеркивая, что фразы не являются изолированными звеньями единой цепи: каждая последующая фраза включает в себя значение предыдущей [Лурия 1998: 302]. Этот феномен Л. С. Выготский называет «вливанием» или еще «вливанием» смыслов [Выготский 1956: 50–51], что оказывает существенное воздействие на понимание основного содержания речевого высказывания.

Принимая во внимание определения дискурса, становится очевидным, что это понятие весьма расплывчато. Однако можно считать дискурс в широком смысле слова комплексным коммуникативным событием, образующим совокупность с социальными, культурными, психологическими и многими другими факторами и связанным с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора.

Наряду с понятием «дискурс» следует рассмотреть понятие «текст». В современной лингвистике существует множество определений текста. Так, Т. М. Николаева предлагает следующую дефиницию: «Текст (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Николаева 1990: 507].

Данная точка зрения поддерживается многими лингвистами. По утверждению И. Р. Гальперина, связность и цельность являются

основными свойствами текста [Гальперин 1981: 74]. М. Ю. Федосюк подчеркивает, что «текст является целостным сообщением, которое можно сравнить с одним рисунком, состоящим из разных деталей» [Федосюк 1982: 64]. На связность текста указывает В. П. Лунева, отмечая, что «связность основывается на смысловом единстве текста, на общей теме текста» [Лунева 1982: 87]. И. Беллерт подчеркивает, что цельность текста зависит от «внутренней семантической глубинной связи всех смыслов, из которых состоит фрагмент текста» [Беллерт 1978: 170–184].

Все концепции текста в современной лингвистике обычно подразделяются на следующие группы (см., в частности, [Харламова 2000: 8]): грамматические [Бухбиндер, Розанова 1975; Левицкий 1978; Лосева 1980; Москальская 1981], коммуникативные [Васильева 1981; Новиков 1982; Мецлер 1984; Колшанский 1984; Скребнев 1985; Крылова 1992; Баранов 1995; Сулимов 1995] и концепции, вбирающие положения первых двух [Матвеева 1990; Золотова, Онипенко, Сидорова 1998; Красных 1998; Schirpan 1972].

Грамматическая концепция рассматривает текст как результат речевой деятельности без учета как самого процесса порождения и развертывания речи, так и участников этого процесса. При этом текст представляется как «сообщение, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи и имеющее определенный модальный характер и прагматическую установку» [Гальперин 1974: 72]. Сходное определение предлагает М. Л. Лосева, описывая текст как «сообщение в письменной форме, характеризующееся смысловой и структурной завершенностью и выражающее определенное отношение автора к сообщаемому» [Лосева 1980: 5].

Представители синтаксического подхода к описанию текста считают, что, несмотря на некоторые особенности сочетаний предложений в тексте, текст все же не образует специфической структуры, свойства которой превосходили бы сумму свойств составляющих его предложений [Булыгина 1969]. Такой взгляд на текст, по справедливому замечанию И. Р. Гальперина, представляет «некий изоморфизм структуры предложения и структуры текста, что неправомерно потому, что текст не является лишь суммой свойств предложений» [Гальперин 1981: 9].

Вторую группу концепций лингвистики текста представляют работы, в которых текст рассматривается как процесс речевой деятельности с учетом всего стилистического многообразия речи. Отправным пунктом анализа текста, как отмечает Т. В. Харламова, является «не его синтаксическая или семантическая структура,

а практическая коммуникативная деятельность, лежащая в его основе» [Харламова 2000: 10]. Рассмотрение содержания текста в целом и его компонентов с учетом коммуникативного аспекта является большим достоинством этой группы концепций.

Как отмечает И. В. Арнольд, чтобы дать общее определение текста, отличающее его от других фактов речи, необходимо дать ответ на следующие вопросы: 1) что является конституирующим фактором текста; 2) каковы границы текста; 3) какими могут быть размеры текста и чем они определяются; 4) является ли фиксация на письме обязательным признаком текста; 5) каковы взаимоотношения текста и других уровней языка [Арнольд 1991: 37]. Конституирующим фактором текста, подчеркивает автор, является то обстоятельство, что он предназначен не только для передачи, но и для хранения информации. Границы текста определяются замыслом автора и маркируются графически. Для текста свойства выделимости и цельнооформленности обеспечиваются множеством средств. Внешняя целостность текста сигнализируется материально помещением в отдельной книге или на отдельном листе, наличием заглавия, указанием имени автора, указанием в оглавлении другими традиционно закрепленными средствами, которые с течением времени могут меняться. Признак целостности и структурированность придает особый смысл даже тексту, состоящему из абсурдных слов, в том случае, если он построен по определенным стихотворным и грамматическим правилам [Арнольд 1991: 38–39].

Существует множество трактовок и определений текста, которые предлагают изучать текст в различных аспектах – с учетом его грамматических характеристик и коммуникативных функций. Так, О. Б. Сиротина говорит о возможности рассмотрения текста как сознательно организованной речи и как реальной реализации речевого замысла: «С первой точки зрения, большинство фактов письменной речи является текстами. В устной речи ослабление текстовой организации зависит от степени ее подготовленности. При втором понимании текста его границы очень расширяются, текстами признаются и разговоры, но даже при таком понимании остаются факты, не укладывающиеся в понятие текста» [Сиротина 1999: 105–106].

Перечисленные подходы отражают развитие лингвистики текста в целом, фиксируют различные этапы исследования текста на протяжении существования данной науки – от структуры к коммуникативному фактору и, наконец, к обобщению этих факторов, рассмотрению их взаимовлияния.

Как же соотносятся понятия «дискурса» и «текста»? В лингвистических работах представлена точка зрения, что для лингвиста существуют только тексты или только дискурсы, при этом существование

промежуточной категории исключается. Так, Ю. Кристева утверждает, что «текст – это не коммуникативная речь. Он участвует в преобразовании реальности, которую он застаёт в данный момент в ее незамкнутости» [Кристева 2004: 35]. Текст, по мнению автора, заново продумывает язык, иными словами, перераспределяет языковой порядок. «Текст – это не дискурс того или иного субъекта», – пишет автор [Кристева 2004: 35].

Существует мнение, что термин «текст» синонимичен «дискурсу». По словам М. Л. Макарова, текст является воплощением, даже носителем коммуникативной деятельности. Так как текст выступает в качестве опредмеченной, превращенной формы речи, будучи записанным либо на бумаге, либо на магнитофонной ленте, то данное понятие является непосредственным синонимом к понятию «дискурс» [Макаров 1990: 7]. Подобного мнения придерживается К. Кожевникова, подчеркивая деятельностные качества текста. Автор говорит о статусе текста как основной или высшей коммуникативной единицы [Кожевникова 1979: 66].

В то же время многие исследователи разграничивают текст и дискурс, отмечая значительные различия между письменным текстом и устной речью. Высказывается мнение, что текст – это лишь письменное произведение [Гальперин 1981: 18; Тураева 1986: 11], иногда добавляется требование литературности или нормативности, правильной оформленности [Зарубина 1981: 11]. Четкое разграничение устной и письменной речи проводит А. Р. Лурия, подчеркивая, что устный текст включен в ситуацию [Лурия 1998: 274–276].

При таком понимании дискурс и текст протекают по различным правилам, в том числе грамматическим. Устная речь включена в ситуацию, сопровождается жестами, интонацией, семантическими паузами, допускает сокращения. Письменная речь по своему строению, как правило, есть речь в отсутствии собеседника, потому обладает достаточной грамматической полнотой. По справедливому замечанию А. Р. Лурии, письменная речь не имеет почти никаких внеязыковых дополнительных средств выражения: жестов, мимики, интонации, пауз. Таким образом, вся информация, выраженная в письменной речи, должна опираться лишь на достаточно полное использование развернутых грамматических средств языка [Лурия 1998: 269–276].

К признакам дискурса относятся синтаксическая простота, меньшая длина предложений. Письменный текст, наоборот, отличается сложной синтаксической структурой и полнотой. В устной речи часть текстовой информации может быть опущена, говорящий в процессе речи может сбиваться, ошибаться, корректировать свою речь. Безусловно, для научного дискурса это характерно в меньшей степени.

Следует учитывать тот факт, что между устной и письменной речью возможны различные виды отношений. В устной словесности по ее отношению к письменной Ю. В. Рождественский выделяет три области, или три типа:

1) устная словесность, уже имеющая определенный письменный прототип;

2) устная словесность, которая не может иметь письменного прототипа и лишь в определенных случаях подвергается письменной фиксации;

3) устная словесность, которая может иметь письменный текст в качестве прототипа.

Такое деление связано с категорией «предварительной подготовленности или планирования дискурса» [Рождественский 1979: 16]. Автор говорит о трех аспектах предварительной подготовленности дискурса: предварительное обдумывание, планирование и организация языкового материала для оптимального выражения идей. Однако предварительная подготовленность может коснуться не всего дискурса, а лишь какой-то его части, к тому же не все типы дискурса допускают предварительной подготовленности.

Противопоставляя подготовленный письменный текст устной речи, А. И. Новиков отмечает, что «результатом предварительного обдумывания текста является то, что он характеризуется большой развернутостью, последовательностью, связностью, законченностью» [Новиков 1983: 22]. Действительно, текст, подвергшийся предварительному обдумыванию, приобретает многие качества именно письменного текста. Примером этого могут послужить материалы научного дискурса, например, доклады на конференциях и т. д.

С учетом приведенных уточнений, классическим следует признать определение И. Р. Гальперина, в соответствии с которым «текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда основных единиц, объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 19].

Проведенный анализ существующих концепций позволяет сделать вывод, что многие исследователи понимают под дискурсом производство устных сообщений, а под текстом – продукт письменной речи. Представляется, что отношения между понятиями «дискурс» и «текст» сложнее. Дело в том, что сам процесс производства письменного текста – с учетом экстралингвистических факторов его

порождения – может быть описан как дискурс, другое дело, что у исследователей не всегда есть основания судить об этих факторах и, следовательно, реконструировать процесс производства текста. С другой стороны, любая речевая продукция, порожденная в устной форме, может быть потенциально зафиксирована и оформлена как письменный текст (скрипт). Именно это, очевидно, и имеет в виду М. Л. Макаров, когда справедливо говорит о тексте как превращенной форме речи. В то же время такой текст будет построен по «законам» производства устной речевой продукции, т. е. обладать синтаксическими и отчасти лексическими характеристиками устной речи. Позиция М. Л. Макарова, согласно которой термины «текст» и «дискурс» синонимичны, представляется нам не совсем последовательной, поскольку нецелесообразно обозначать одним термином процесс речевой деятельности и ее продукт.

С учетом этих соображений нам ближе позиция В. Е. Чернявской, которая указывает на то, что дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной структуры – текста. По мнению автора, становится очевидным разделение понятий «текст» и «дискурс» и, соответственно, задач анализа текста и дискурса. «Если анализ текста направлен в первую очередь на внутренние – внутритекстовые – отношения высказываний между собой, взаимоотношения текстового целого и его частей», – отмечает автор, – «то анализ дискурса характеризует внешние по отношению к тексту особенности коммуникативного процесса». Дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности на формирование языковых закономерностей конкретного произведения [Чернявская 2004: 20].

В целом, принимая точку зрения В. Е. Чернявской на соотношение понятий «дискурс» и «текст», отметим, что при анализе научного текста учитывается также экстралингвистический фактор, т. е. желание автора, чтобы потенциальный читатель понял содержание его текста. Поэтому, несмотря на то, что в монографии анализируется текст, мы не ограничиваемся анализом внутритекстовых отношений.

Итак, в данной работе представляется целесообразным употреблять термин «научный дискурс» для обозначения совокупности письменной и устной форм речевой продукции, отображающей научные знания, что восходит к идеям М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристевой. Наряду с этим необходимо использовать понятие «научный текст», рассматривая его как письменно зафиксированное речевое произведение соответствующей тематики, составленное с учетом жестких стилистических требований.

1.2. Специфика структуры и функционирования научного текста

Поскольку материалом настоящей монографии являются научные тексты, в данном разделе необходимо рассмотреть специфику их структуры и функционирования.

Язык научной литературы необычайно богат и разнообразен и вместе с тем чрезвычайно конкретен. Однако это многообразие организовано в четкую единую систему. По мнению Е. А. Рейман, «единство предмета языкового изображения заключается в том, что всякое научное произведение представляет собой результат научного исследования – индивидуального или коллективного, группы людей или нескольких поколений. Отсюда постоянство целого ряда элементов содержания в текстах различных наук: упоминания о целях, задачах исследования, предпосылках, исходных данных, используемых методах, вспомогательных средствах, достигнутых результатах и т. д.» [Рейман 1976: 178]. Поэтому в отношении научного функционального стиля особенно справедливо определение, предложенное В. В. Виноградовым: «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 73].

В современном языкознании проведена огромная работа по исследованию научных текстов. Особое внимание уделяется задачам и структурным особенностям данного вида текста.

На передний план выдвигается важная проблема исследования композиционно-смысловой организации научных текстов. Значимость этой задачи признает К. Гаузенблаз, отмечая необходимость «систематического анализа и описания явлений, обозначенных терминами стиль, жанр, жанровая форма, стилистический тип речевого произведения... с должным учетом различных способов организации их структур» [Гаузенблаз 1978: 65].

В наиболее общем виде задача всякого текста сводится к попытке отправителя каким-то образом оказать влияние на качественные и количественные характеристики информации, которая является достоянием воспринимающего. При создании научного текста его автор стремится изменить взгляды реципиента на предмет или же увеличить объем известной ему информации [Гальперин 1977: 524].

Более детально задачи научного текста рассматривает Т. М. Дридзе, выделяя следующие из них:

1) раскрытие определенного подхода к уже известному объекту анализа, способа его рассмотрения, т. е. проведение определенной научной концепции;

2) демонстрация того или иного конструктивного решения научной задачи, конструирование нового предмета исследования;

3) осуществление критического анализа и целевого обзора имеющегося теоретического знания или практического опыта в целях систематизации, осмысления и интерпретации какой-либо концепции на основе соответствующих доводов [Дридзе 1984: 230].

Решение автором научного текста указанных задач оказывает влияние на ряд характеристик научного текста. Именно поэтому, по мнению В. С. Чулковой, одной из основных областей применения положений прагматики текста является рассмотрение структуры научного текста [Чулкова 1980: 38]. Действительно, практически весь научный текст, все его параметры, композиционная структура, элементы упорядочиваются отправителем таким образом, чтобы создать максимально гибкую и информационно богатую структуру, которая, постепенно разворачиваясь перед реципиентом, влияет на его научную концепцию.

Основным свойством научного текста является однонаправленность, нацеленность на «навязывание читающему определенной точки зрения» [Чулкова 1980: 39]. Как отмечает В. С. Чулкова, только единство научного текста позволяет автору реализовать свою изначальную прагматическую установку. Текст, который не представляет собой монолитного единства, не позволит исследователю создать аргументированное доказательство того или иного научного изложения [Чулкова 1980: 39].

Общепризнанно, что научный текст характеризуется логичностью изложения. Н. М. Разинкина указывает, что «...логическая строгость, объективность, последовательность и точность – свойства, которые считаются идеалом научной прозы» [Разинкина 1972: 28]. Научный текст предполагает также объективность и некатегоричность, точность и ясность, взвешенность и соразмерность оценок. Данной точки зрения придерживаются многие авторы [Лаптева 1968; Ризель 1974; Ризель, Шендельс 1975; Кожина 1972, 1986; Швецова 1975 и др.]. Речь ведется об отсутствии непосредственного контакта между автором и читателем, что и порождает требование повышенной точности и аргументированности изложения [Лаптева 1968; Троянская 1978; Сенкевич 1984]. Кроме того, лингвисты, говоря о строгости изложения в научном тексте, нередко подчеркивают, что научный

текст носит деперсонализированный характер [Троянская 1979: 185; Котюрова 1986: 48]. Это явление отражается в том, что нередко автор предпочитает безличные и обобщенно-личные предложения, что также сказывается на характере научного текста.

Однако М. Я. Цвиллинг отмечает то, что научный текст может в какой-то степени проявлять персонализацию [Цвиллинг 1989: 32]. Как особый случай персонализации изложения можно рассматривать те случаи, когда автор заменяет собственное высказывание цитатой другого автора, когда при совпадении мнений сохраняется видимая безличность. Основным показателем персонализации или «авторизации», по мнению В. Е. Чернявской, является местоимение первого лица единственного числа. Автор добавляет, что в этой функции выступает также местоимение первого лица множественного числа как расширенное обозначение отправителя речи. Подчеркивается, что такие средства часто употребляются в комплексе и, дополняя и усиливая друг друга, создают в соответствующем текстовом отрезке явственный образ автора [Чернявская 2004: 101–102].

Особое значение в настоящем исследовании приобретает когезия текста, под которой принято понимать явление, служащее текстообразованию. Большое внимание уделяет понятию «когезия» И. Р. Гальперин, предлагающий следующее определение: «Когезия – это особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность (темпоральную или пространственную), взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и т. д.» [Гальперин 1981: 74]. Безусловно, эта категория важна не только для процесса производства текста – она во многом определяет и его восприятие реципиентом, на что справедливо указывают многие исследователи [Гальперин 1981; Беллерт 1978; Дресслер 1978; Котюрова 1988 и др.]. Когезия тесно связана с такими категориями текста как связность и цельность. Понятие связности охватывает описание лексических и грамматических средств выражения связности, т. е. средств связи между собой компонентов «поверхностной структуры» текста; понятие цельности относится к описанию «глубинных», содержательных отношений в тексте, лежащих в основе поверхностной структуры текста [Бухбиндер 1983]. В самом начале продуцирования текста определяющими являются коммуникативно-прагматические факторы. По мере развертывания текста они диктуют выбор того или иного лингвистического средства. К факторам создания когезии научного текста обычно относят авторскую интенцию, прагматическую направленность текста и пресуппозицию [Якобсон 1975: 195]. Остановимся подробнее на этих понятиях.

При рассмотрении авторской интенции в рамках теории текста подчеркивается особое стремление создателя текста к тому, чтобы

достичь своим высказыванием определенной цели, т. е. воздействовать на реципиента. Существование той или иной цели безусловно, так как любое речевое поведение является целенаправленным [Якобсон 1975; Серль 1978; Дридзе 1980; Наер 1985; Стронсон 1986 и др.]. Коммуникативное намерение автора направлено не просто на оптимальное построение высказывания, оно устремлено и на достижение понимания содержания статьи реципиентом. Прояснение характера своего высказывания и прояснение намерения является частью поставленных исследователем задач [Стронсон 1986: 142]. Авторская интенция, другими словами, намерение автора, является одним из наиболее существенных параметров иллокутивного / речевого акта. Дж. Р. Серль уделяет большое внимание смыслу / цели высказывания, подчеркивая, что «...смысл, или цель, описания – в том, чтобы представить некоторое положение вещей» [Серль 1978: 172].

Говоря о целевой установке автора, немецкий теоретик лингвистики текста В. Шмидт указывает на то, что она определяет «содержательную и формальную структуру высказывания и от нее зависит употребление языковых средств» [Schmidt 1971: 15]. Это мнение о статусе авторской интенции разделяет А. А. Леонтьев. Он утверждает, что «есть какая-то неречевая задача, для выполнения которой и осуществляется речевая деятельность и которая решается языковыми средствами. Высказывание или текст есть процесс решения такой задачи».

Авторская интенция во многом определяет последовательность решения отдельных коммуникативных задач. Реализация авторского замысла обуславливает реальную завершенность коммуникативного акта, т. е. создание научной статьи, обладающей определенной структурой, которая отвечает коммуникативной компетенции реципиента. Как отмечает Т. М. Дридзе, «... если реципиент усвоил, для какой цели порожден текст, что именно хотел сказать автор помимо всех использованных средств, мы можем сказать, что он интерпретировал текст адекватно» [Дридзе 1980: 183].

Таким образом, авторская интенция становится одним из важнейших текстообразующих факторов, обуславливающих выбор лингвистических средств при передаче научной информации.

Рассмотрим прагматическую направленность научного текста.

Прагматику текста можно определить как особый раздел лингвистики текста, изучающий отношения между отправителем текста и его получателем. Так, В. Л. Наер понимает под прагматической направленностью намерение автора, его конкретную цель при порождении высказывания, при создании текста [Наер 1985: 16]. Прагматическая направленность текста находит свое выражение в достаточно четкой сегментации текста научной статьи, ее наглядном

графическом оформлении. Во всех статьях обнаруживается четкая делимость текстовой информации. Налицо обилие подзаголовков, выделяемых разным шрифтом, часто встречается смена кегля (расстояние между передней и задней сторонами литеры, определяющее видимый размер знака). Она сливается с текстом, материализуется в нем и только из него может быть понятна, «...ибо в конечном счете не важно, что автор хотел сказать и какое он намеревался оказать воздействие, важно, что он сказал и какое воздействие он оказал...» [Наер 1985: 16]. Автор отмечает, что прагматическая направленность текста реализуется также через средства диалогизации [Там же].

Следующим коммуникативно-прагматическим фактором, определяющим создание когезии научного текста, является пресуппозиция. Данное понятие было заимствовано из логики и интерпретировано в основном усилиями ученых Г. Фреге, П. Стросона, Дж. Остина [Фреге 1957; Стросон 1986; Остин 1985]. Они понимают под пресуппозицией комплекс условий, соблюдение которых необходимо, чтобы высказывание было понятно.

Такое широкое понимание пресуппозиции конкретизируется голландским ученым Т. А. ван Дейком, трактующим ее как референциальный акт, при котором говорящий принимает какие-либо допущения об информации, имеющейся у слушателя. Она служит «базой, условием для той информации, которая будет сообщена далее и явится сердцевинной всего речевого акта» [Дейк 1989: 245]. Это положение необходимо учитывать при анализе нашего материала, так как именно опасения автора, что какой-либо термин или тезис может быть неверно истолкован, побуждают создателя научного текста дополнительно пояснять текстовые фрагменты.

Так или иначе, пресуппозиция признается одним из уровней коммуникации, когда у отправителя текста есть «определенные представления о фактах, знаниях, возможностях получателя текста, что и находит соответствующее выражение в сообщении» [Кифер 1986: 364]. Ценность пресуппозиции заключается «в возможности более экономного синтаксического описания и предсказания некоторых синтаксических явлений на основании определенных характеристик семантического представления» [Серль, Вандервекен 1986: 255].

Таким образом, пресуппозиция научного текста соотносит фоновые знания автора и реципиента, их коммуникативную компетенцию, она осуществляет снятие многозначности некоторых научных фактов и является важным связующим фактором.

Следует обратить внимание и на некоторые другие текстовые категории, с нашей точки зрения, не менее важные для текстообразования. Так, И. Р. Гальперин, наряду с уже перечисленными когезией,

интенцией, прагматической направленностью и пресуппозицией выделяет такие категории текста, как членимость, континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция, проспекция и модальность [Гальперин 1981]. Т. В. Матвеева причисляет к категориям текста тему, цепочку хода мысли, тональность, оценочность, темпоральность, локальность и композицию [Матвеева 1990].

Особое внимание следует уделить членимости и модальности (тональности и оценочности в трактовке Т. В. Матвеевой), так как перечисленные категории непосредственно реализуют текстообразующую функцию. Именно эти категории можно отнести к метатекстовым, так как они позволяют автору оказывать влияние на процесс восприятия информации читателем.

Членимость предполагает возможность членения текста прежде всего на сверхфразовые единства. Как правило, текст рассматривается как максимальная языковая единица, состоящая из более мелких внутритекстовых единиц [Бархударов 1974; Гальперин 1981; Скребнев 1985]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что в потоке речи предложения (высказывания) группируются тематически, структурно, интонационно и образуют особую синтаксическую единицу – сверхфразовое единство [Реферовская 1983], или в другой терминологии – сложное синтаксическое целое [Лосева 1977], суперсинтаксическую единицу [Бондаренко 1976], прозаическую строфу [Солганик 1961]. За основу можно принять определение, предложенное А. И. Дородных. Под сверхфразовым единством понимается отрезок, «состоящий более чем из одного самостоятельного предложения, обладающий смысловой целостностью в контексте связной речи и выступающий как часть завершенной коммуникации» [Дородных 1987: 68]. В данном исследовании категория членимости текста имеет особое значение, так как дает возможность выделения смысловых отрезков, которые состоят из подлежащих дополнительному толкованию понятий или суждений и интерпретирующих их фрагментов.

Перейдем к рассмотрению синтаксико-грамматических средств.

Данные средства способствуют, как и лексические, когезии текста научной статьи. К ним можно отнести использование во всем тексте статьи одного грамматического времени, одного наклонения и залога; употребление предложений, построенных по одной и той же синтаксической модели и имеющих одну и ту же длину, а также один и тот же способ выражения главных и второстепенных членов предложений. Все это придает тексту определенную ритмичность и динамику.

Единая временная система имеет немаловажное значение для синтаксического рисунка научной статьи. «Временные формы глаголов участвуют в создании сложного интегрированного единства текста

этого жанра, поскольку временная система глагола выполняет одновременно несколько функций в тексте научной статьи:

- 1) упорядочивают временной континуум текста;
- 2) интегрируют отдельные смысловые фрагменты текста в единство;
- 3) сегментируют текст на сложные компоненты» [Бех, Тарасова 1991: 209].

Временная система выражает логическое отношение следований во времени, предшествования и одновременности. Характерно последовательное чередование фактов информации во времени. Уместно сказать о чередовании временных планов (прошедшее – настоящее – будущее). Это вызвано необходимостью всестороннего обоснования предмета исследования. Смена временных форм непосредственно вызывает членение, сегментацию смысловых фрагментов текста, раскрывающих ту или иную подтему. Одна сегментация, выполняя определенную и целенаправленную функцию упорядочивания информации в смысловых фрагментах, выполняет и объединяющую функцию – дать реципиенту наиболее полное и упорядоченное представление об объекте.

Одной из специфических черт научного стиля является подчеркнутая логичность, которая достигается при помощи синтаксиса. В современных исследованиях, где затрагивается специфика научного текста, упоминается явление синтаксический параллелизм. Синтаксический параллелизм обладает не менее действующей силой, чем единая временная система. Он охватывает целый фрагмент текста, ряд абзацев. В целях ясности и логичности изложения научной информации ученый-автор нередко прибегает к форме однотипного, одноструктурного построения абзацев, в которых различные подтемы приобретают примерно одинаковую форму репрезентации [Вейхман 1989; Федосюк 1982; Дресслер 1978; Лунева 1982; Колшанский 1984; Москальская 1981; Разинкина 1972 и др.].

Синтаксический параллелизм выполняет в научной статье следующие функции: перечисление ряда равнозначных логических суждений автора; развитие и уточнение мысли в ходе научного доказательства; создание ритмической организации текста в целях достижения связности отдельных его фрагментов. В результате текст получает мощную движущую силу – временной континуум, отражающий последовательность фактов содержательной информации.

Наряду с одноструктурным построением абзацев текста научной статьи встречается и изменение традиционного порядка слов, что принято называть инверсией. «Инвертированный порядок слов является реализацией потенциально возможного» [Лосева 1980: 76].

Встречается довольно часто, особенно в текстах гуманитарного направления. Главной целью введения предложений с инверсией является привлечения внимания реципиента к факту научной информации, выдвигание этого факта из ряда подобных. Используя данное средство, автор предлагает реципиенту как бы присоединиться к его мнению о важности и особенности факта информации. При этом инверсия придает особый смысл тому или иному фрагменту текста, стилистически окрашивает его. Снимая однообразные научные изложения, инвертированные предложения часто передают авторскую оценку выделяемой информации. Подобное выделение одного факта из ряда других способствует сопоставлению смысловых фрагментов текста, их соотношению по степени значимости содержательной информации.

Следующим способом привлечения внимание реципиента является такое явление, как вопросительное предложение. Оно не должно отождествляться с риторическим вопросом, оно является синтаксической конструкцией, служащей в основном актуализатором внимания для реципиента, находится в определенных смысловых отношениях с последующим контекстом. Оно требует ответа на запрошенную информацию, открывая тем самым перспективу дальнейшего изложения научной информации.

Модальность выражает отношение говорящего к высказываемому. Содержание высказываемого может мыслиться как реальное или нереальное, возможное или невозможное, желательное или нежелательное [Шведова 1960; Розенталь, Теленкова 1976; Солганик 1981; Василенко 1984; Fairclough 1992]. Любое высказывание по своей природе субъективно [Бенвенист 1974; Колшанский 1974]. Таким образом, помимо смысловой и структурной связи, высказывания объединяются и посредством соответствия субъективно-модальных значений. Так, по мнению Г. Я. Солганик, «единство субъективно-модального значения – один из законов и важнейшее условие текстообразования» [Солганик 1984: 185–186]. Модальность высказывания является для данного исследования важным параметром в изучении структуры научного текста, поскольку автор нередко выражает отношение к сказанному и для выражения этой оценки употребляет определенные метатекстовые средства (см. разделы 2.2 и 2.4).

Наконец, следует отметить, что текстовые категории обычно настолько переплетаются, что подчас трудно отделить одну категорию от другой [Змиевская 1984].

Итак, научный текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью. В связи с тем, что данная разновидность текста обладает такой особенностью как функциональная

направленность, т. е. научный текст ориентирован на воплощение какой-то заранее намеченной цели сообщения, неоспоримым является тот факт, что структура текста подчинена строгим законам построения, суть которых заключается именно в упорядочении лексических, а также грамматических средств. Научный текст характеризуется определенными свойствами, относящими его именно к разряду научных текстов, а именно – логичностью, четкостью, строгостью изложения. При исследовании композиции научного текста особое внимание уделяется коммуникативно-прагматическим факторам, диктующим выбор тех или иных лексических средств. Перечисленные выше категории текстообразования научного текста необходимы для более четкого представления тех механизмов речи, которые помогают автору «донести» до читателя необходимую информацию.

1.3. Понятие метаязыка и метатекста

Ключевыми понятиями данного исследования являются метаязык и метатекст. Их раскрытие необходимо для того, чтобы перейти к рассмотрению метатекстовых компонентов, которые использует автор научного текста в целях достижения понимания.

Метаязыком называют язык, предназначенный и используемый для описания другого языка. Греческий префикс «мета-» означает «другой», «после» и довольно часто употребляется в научном стиле. Термин «метаязык» все чаще используется в различных областях лингвистики, в первую очередь – в исследованиях языка науки, в терминоведении, лексикографии и смежных областях [Киселевский 1977; Локомцев 1983; Гвишиани 1986; Никитина 1987]. В этом случае различаются язык, «который является предметом обсуждения и для которого мы намереваемся сформулировать дефиницию истины, и язык, на котором эта истина должна быть сформулирована. Первый называется языком-объектом, второй – метаязыком» [Тарский 1972: 140].

По замечанию И. А. Кирилловой, лингвистические термины с приставкой «мета-» «отражают разнообразные проявления рефлексии над собственной и чужой речью, начиная с уровня обыденного сознания и кончая уровнем ученого-лингвиста, исследующего язык в его речевой данности» [Кириллова 1993: 13]. Говоря о роли метаязыка, Р. Якобсон подчеркивает, что это не только необходимый инструмент исследования, применяемый логиками и лингвистами: все говорящие неосознанно применяют метаязык в своей повседневной жизни [Якобсон 1975: 201–202].

Как известно, Р. Якобсон выделяет следующие функции языка:

1) референтивную (денотативную, когнитивную), означающую ориентацию на контекст;

2) эмотивную (экспрессивную) функцию, которая сосредоточена на адресанте;

3) конативную функцию, связанную с установкой на адресата;

4) фатическую функцию, направленную на контакт, поддержание коммуникации;

5) поэтическую функцию, направленную на сообщение ради самого сообщения;

6) метаязыковую функцию, связанную с толкованием.

Затрагивая метаязыковую функцию, Р. Якобсон отмечает, что именно ее «лингвистика принимает к сведению как одну из основоположных словесных функций» [Якобсон 1978: 168]. При этом автор обращает внимание на код, которым могут пользоваться говорящий и слушающий, и на ситуации, когда предметом речи становится именно этот код, т. е. толкование сказанного [Якобсон 1975: 198-202]. Метаязыковые операции, составляющие «важную и неотъемлемую часть нашей речевой деятельности», позволяют, по справедливому замечанию Р. Якобсона, «обеспечить полноту и точность общения между собеседниками» [Якобсон 1978: 163].

О метаязыке говорит Р. Барт, обозначая этим термином язык символов. Автор указывает на разграничение понятий «язык-объект» и «метаязык», где язык-объект является предметом логического исследования, а метаязык – тем неизбежно искусственным языком, на котором ведется такое исследование [Барт 1989: 131]. Речь идет о двойственности литературы, а также о том, что слову намеренно приписываются множественные смыслы. Кроме того, отмечается то, что литература разрушается как язык-объект и сохраняется лишь в качестве метаязыка, где сами поиски метаязыка в последний момент становятся новым языковым объектом [Барт 1989: 132].

В данной работе исследуются авторские пояснения в научном тексте, через которые реализуется метаязыковая функция языка, выделяемая Р. Якобсоном. Необходимо отметить, что в качестве метаязыка в научных текстах гуманитарного содержания выступает главным образом все тот же естественный язык и лишь в незначительной степени – формулы, графики и другие средства. По утверждению Н. Б. Гвишиани, «метаязык лингвистики консубстанционален с языком-объектом, т. е. имеет тождественную с ним субстанцию, или материальное выражение» [Гвишиани 1986: 24].

Ю. С. Степанов вводит термины «метаимена», или «метазнаки», непосредственно связанные с термином «метаязык». Автор выделяет

особый класс слов, «не отражающих никакого объективного множества, но обслуживающих потребности самой лексической системы (таких, например, как слово «совокупность»). Эти слова и обозначаются как «метаимена»/«метазнаки». Роль слов «совокупность», «множество», «группа», «предмет» и т. п. – служить «посредниками в определениях», так как они являются средствами внутриязыковой классификации, служат целям самого языка в сфере лексики и призваны обеспечивать ее существование как системы [Степанов 1981: 95–96]. Подобного рода слова представляют собой «метаязыковые вкрапления в языковой системе» [Степанов 1981: 96]. Безусловно, слова типа «совокупность» относятся к метаязыку научного описания, однако в настоящем исследовании нас интересует не метаязык научных текстов как таковой (это, главным образом, все тот же естественный язык), а метаязыковые операции толкования отдельных понятий и целых суждений и языковые средства их реализации.

Следующим важным понятием является «метатекст». Поскольку оно является достаточно широким, существует множество его толкований. Так, И. Д. Арнольд метатекстом называет всякий текст, дополняющий и сопровождающий основной текст [Арнольд 1991: 86]. Сюда можно отнести глоссарии, ссылки, библиографический аппарат. Метатекст очень удобен для читателя, так как в него включаются информация, термины, которые представляются автору наиболее важными, которые он хочет в большей мере подчеркнуть в целях доведения до реципиента основных мыслей [Арнольд 1991: 86].

Говоря о метатексте, Ю. М. Лотман употребляет понятие «зашифровка». Автор говорит о зашифрованном тексте, зашифровка которого состоит из двух уровней: первая зашифровка – система естественного языка, которая дана заранее, и адресант с адресатом свободно ею владеют. Дешифровка на этом уровне производится автоматически. Однако этот же текст зашифрован еще каким-то другим образом. Его зашифровывает сам отправитель информации многократно и разными способами, поэтому данная информация должна содержать сигналы, обращающие внимание на его организацию [Лотман 1973: 21–25]. Кроме того, автор подчеркивает неоднородность литературы, отмечая, что литература является не только организацией, но и самоорганизующимся механизмом. На самой высокой ступени организации она выделяет группу текстов более абстрактного уровня, т. е. метатекстов. Эти метатексты представляют собой нормы, правила, теоретические трактаты и критические статьи [Лотман 1973: 25].

Ю. М. Лотман обращает внимание на две основные функции текстов: адекватную передачу значений и порождение новых смыслов.

Первая функция выполняется наилучшим образом при наиболее полном совпадении кодов говорящего и слушающего и, следовательно, при максимальной однозначности текста. С учетом своей второй функции текст представляется как «мыслящее устройство», и его основным структурным признаком является внутренняя неоднородность. Затрагивая структуру текста, автор ведет речь о трансформации внешнего текста и образовании таким образом новых сообщений, причем вводит понятие «субтексты», синонимичное понятию «метатекст» [Лотман 1981: 3–7].

Подобной точки зрения придерживается П. Х. Тороп: «Текст становится бесконечным, допускающим множество разных прочтений в пространстве интертекстуальности» [Тороп 1981: 33–36]. Автор использует термин «интертекстуальность», понимая под ним все то, что лежит вне поверхности текста. Текст сопоставляется с некоторым внетекстовым (интертекстуальным) пространством и рассматривается как акт порождения смысла, т. е. как определенный дискурс среди других дискурсов. Первичный текст становится тем самым прототекстом, на основе которого создан другой текст. Ю. М. Лотман в этом случае применяет обозначение «текст в тексте» и приводит пример романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Лотман 1981: 16–17]. Именно интекст является семантически насыщенной частью текста, смысл и функция которой определяется, по крайней мере, двойным описанием. П. Х. Тороп отмечает, что «в этом случае текст является двутекстом» [Тороп 1981: 39].

Существование метатекста признается также М. М. Бахтиным, который подчеркивает, что каждый текст считается в том случае текстом, если за ним стоит еще один язык. Автор называет метатекстом текст о тексте, «подразумеваемом текстом» [Бахтин 1979: 281–283].

Идея выделения метатекстовых компонентов в устном высказывании принадлежит А. Вежбицкой. Она отмечает, что говорящий часто комментирует собственное сообщение, так что «высказывание о предмете может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании». В результате возникает своеобразный «двутекст», состоящий из сообщения о предмете речи и комментария к нему [Вежбицка 1978: 403–404].

Необходимо указать, что М. М. Бахтин, П. Х. Тороп, Ю. М. Лотман исследуют тексты художественной литературы. Материалом настоящего исследования служат научные тексты. П. Х. Тороп справедливо отмечает, что текст научной статьи не должен допускать «множества разных прочтений» и «порождения новых смыслов» [Тороп 1981: 33–36]. Автор стремится добиться понимания читателем содержания научного текста, и помимо компонентов, непосредственно описывающих

предмет речи, использует дополнительные пояснения, интерпретацию, конкретизацию наиболее сложных фрагментов текста.

Внутри научного стиля, представленного различными свойственными ему жанрами, типами изложения и конкретными видами научных текстов, различающихся в плане структуры, композиции, объема, существуют различия метатекстового уровня. Так, по мнению М.М. Бахтина, существуют три свойства, характеризующие текст или отдельное высказывание, – тематическое содержание, стиль и композиционное построение, которые одинаково определяются спецификой данной сферы общения [Бахтин 1979: 237]. Каждая такая сфера использования языка (в том числе и научная) вырабатывает свои «относительно устойчивые типы высказываний», называемые исследователем «речевыми жанрами» [Там же]. Стиль, по М. М. Бахтину, «неразрывно связан с определенными тематическими и... композиционными единствами: с определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения (к слушателям и читателям)... к чужой речи и т. п.» [Бахтин 1979: 242].

М. М. Бахтин подчеркивает, что «говорящий (или пишущий) очень часто в пределах своего высказывания ставит вопросы, сам на них отвечает, возражает себе самому и сам же свои возражения отвергает» [Бахтин 1979: 251]. Автор видит в этом «условное разыгрывание речевого общения и первичных речевых жанров» [Там же]. По утверждению ученого, «в каждом высказывании мы охватываем, понимаем, ощущаем речевой замысел или речевую волю говорящего, определяющую целое высказывание, его объем и границы» [Бахтин 1979: 256]. Именно речевой замысел, по его мнению, определяет и выбор предмета, и выбор жанровой формы. Этим в свою очередь диктуется и конкретная форма воплощения замысла, а он в значительной степени определяет особенности метатекста научной речи.

Очевидно, особенности и текста, и метатекста научной речи также связаны с фигурой адресата, с тем, каким он представляется автору текста. Для данного исследования очень важна мысль М. М. Бахтина, что «жанры популярной научной литературы адресованы определенному кругу читателей с определенным апперцептивным фоном ответного понимания, другому читателю адресована специальная учебная литература и уже совсем другому – специальные исследовательские работы» [Бахтин 1979: 276]. По словам И. А. Кирилловой, можно с большой степенью достоверности предположить, что «классификация метатекста "от автора" определяется, в том числе, и учетом коммуникативной направленности, уровнем подготовленности данной аудитории (к которой обращено данное научное произ-

ведение: учебник, словарь, монография и т. д.)» [Кириллова 1993: 76]. Т. В. Радзиевская указывает в связи с проблемой адресата на равенство и коллегиальность, присущие участникам научной коммуникации. По мнению автора, «научный текст строится в расчете на такого же специалиста, на адресата с теми же возможностями» [Радзиевская 1984: 5].

Несколько иначе оценивает позиции отправителя и получателя речи с точки зрения исходных знаний участников коммуникативного акта, представленного в научном тексте, Е. С. Троянская. По её замечанию, «хотя в принципе "горизонт" отправителя и получателя, а также их психический склад и их восприятие мыслятся как одинаковые, в настоящее время вследствие все возрастающей специализации научных знаний даже специалисты одной и той же науки не всегда полностью понимают друг друга» [Троянская 1978: 68]. Е. С. Троянская справедливо подчеркивает, что «пишущий, тщательно изучивший свою проблему и получивший какие-либо новые результаты, должны иметь более высокий «горизонт» по сравнению с адресатом, в противном же случае вообще не имело бы смысла писать» [Там же].

В данной работе, вслед за Ю. А. Васильевым, жанр определяется «как тип целостного речевого произведения, характеризующийся общей целеустановкой и композицией – определенной последовательностью структурно-семантических звеньев, реализующих поэтапно эту установку» [Васильев 1978: 76].

Е. С. Троянская подразделяет все жанры научного стиля на ядерные и периферийные. В роли ядерных жанров научного стиля «выступают статьи и монографии, и именно в них стандарт стиля нашел свое наиболее яркое выражение» [Троянская 1985]. Жанр научной рецензии автор относит к периферийным жанрам научного стиля, перечисляя те элементы, которые могут подвергаться в рецензии на научное произведение качественной оценке: язык произведения, его композицию, а также иллюстративные и наглядные материалы (рисунки, графики, примеры и т. д.), техническое оформление книги, т. е. все то, что может помочь читателю как получателю информации извлечь ее из текста [Троянская 1985]. Это уже метатекстовый аппарат научного произведения, причем не только вербальный, но и невербальный. Показательно, что он вычленяется Е. С. Троянской как требующий специального анализа и оценки в рецензии на научное произведение, т. е. рецензия подвергает анализу не только различные стороны самого текста, но и его метатекстовые элементы.

Среди наиболее распространенных письменных жанров научной литературы исследователи называют монографию, статью, учебник (учебное пособие), разные виды справочных изданий, рецензию,

тезисы докладов [Васильев 1978; Лаврентьева 1993; Магеррамов 1986; Мальчевская 1976; Троянская 1985]. Очевидно, особый наиболее стандартизированный жанр, свойственный только научному стилю, представляют собой кандидатские и докторские диссертации, хотя они часто оформляются в виде монографий.

Касаясь особенностей композиционного построения научных произведений, нельзя не затронуть проблему стандартов или стереотипов, присущих письменной речи. По мнению Н. М. Разинкиной, понятие стереотипности в отборе языкового материала распространяется не только на лексико-морфологический уровень, но и на «общую композиционную упорядоченность текстов, принадлежащих к той или иной жанровой разновидности» [Разинкина 1985: 35]. Традиционные, как их называет Н. М. Разинкина, «жесткие» элементы композиционной организации соотносятся с «типизированным содержанием и тематической ограниченностью, тогда как свободное варьирование в композиционной схеме построения научного текста привносит в них варьируемое содержание. Само же чередование жестких и нежестких элементов композиционной упорядоченности... определяется жанровой принадлежностью текста» [Разинкина 1985: 36].

Исследуя микрокомпозицию научных технических текстов, понимаемую как организация и способы деления смысловой информации на микроэлементы, А. Р. Медведев выделяет внутренние и внешние ее элементы. Ко внутренним он относит экскурс, тематическое отступление и авторские оценки. К внешним, или рамочным, принадлежат заглавие, резюме, введение, параграф, глава и заключение [Медведев 1975]. Все это – разные типы метаэлементов научной речи. Таким образом, вся рамочная композиция оформляется метатекстовыми средствами организации научного текста.

Итак, под метатекстом в данной работе будет пониматься совокупность фрагментов научного текста, облегчающих понимание текста читателем за счет либо дополнительной интерпретации отдельных понятий и целых суждений, либо за счет иных метаэлементов, не имеющих непосредственного отношения к предмету речи (их инвентарь описан в разделах 2.2 и 2.4), например, средств структурирования текста. Под метаязыком в данном исследовании будет в дальнейшем пониматься язык научного описания, с помощью которого формулируется дополнительный комментарий, поясняющий сложные фрагменты текста. Кроме того, к метаязыку в рамках исследования возможно отнесение различных графических средств, например, таблиц, графиков и т. п., являющихся также метаэлементами в пределах научного текста.

1.4. Метатекстовые элементы в научном тексте

Во многих работах представлено детальное описание метатекстовых компонентов научного текста, облегчающих его восприятие, прежде всего, за счет структурирования излагаемого материала и выделения значимых текстовых фрагментов. Однако, как представляется, речь идет о средствах организации текстовой структуры, в то время как средства дополнительной интерпретации сказанного ранее, как правило, остаются за пределами внимания исследователей метатекста.

В данном разделе необходимо представить основные работы, посвященные исследованию метаэлементов научного текста, и уделить особое внимание метафоре как одному из средств дополнительного толкования сложных текстовых фрагментов.

К проблеме изучения метаэлементов в научной речи, чаще всего не используя соответствующей терминологии, обычно обращаются лингвисты, исследующие отдельные стороны текста, в том числе научного: диалогичность и коммуникативность текста, выражение авторской оценки и шире – авторского «Я» в тексте, различного рода комментарии, а также «вспомогательный аппарат текста»: заголовки, рубрикации, оглавление и т. п. [Воробьева 1985; Кожина 1986; Котюрова 1983; Котюрова, Колесникова 1982; Красавцева 1984; Лобачев 1983; Ляпон 1989; Магеррамов 1986; Мецлер 1987; Погудина 1983; Рябцева 1992; Тельнова 1991; Шварцкопф 1970 и др.].

Стилисты обычно приписывают языку науки монологический характер, однако отмечают попытки выявления в научных текстах свойств, типичных для диалога. Под диалогичностью понимается «лингвистическое выражение в тексте установки на адресата и отражение в нем признаков диалога...» [Кожина 1986: 3; см.: Кожина, Дускаева 1987: 146]. По замечанию М. Н. Кожиной, необходимо учитывать диалогичность и средства ее выражения не только в публицистической или эстетической, но и в научной сфере общения, осуществляемой в письменной форме. Говоря о существовании научной речи в форме непосредственного общения ученых, реализуемого в диалоге, Л. В. Славгородская указывает на «проникновение в стиль научной литературы отдельных элементов диалога, становящихся таким образом характерным для нее стилистическим приемом» [Славгородская 1978: 109]. Элементы диалога, по мнению исследователя, появляются прежде всего там, где автор видит в своем читателе не пассивного реципиента, а потенциального партнера, активно участвующего в осмыслении информации [Славгородская 1978: 109].

Привлечение читателя к информации, или, по словам В. Е. Чернявской, «категория адресованности», реализуется в научном тексте через систему формально-содержательных средств. Основным средством адресованности к потенциальному читателю считается обращение к нему как участнику диалога [Чернявская 2004: 103]. Исследователь справедливо считает, что данное обращение выполняет контактоустанавливающую функцию.

О диалогизации научного текста говорят также М. Н. Кожина и П. Р. Дускаева, отмечая, что «диалогичность свойственна любым научным текстам, научной речи вообще» [Кожина, Дускаева 1987: 146]. В данном исследовании этот тезис приобретает особую важность, поскольку диалогичность реализуется через метатекстовые средства, не только привлекающие внимание читателя к значимым фрагментам научного текста, но и позволяющие структурировать информацию (см. разделы 2.2 и 2.4).

Затрагивая средства выражения диалогичности в русских научных текстах, М. Н. Кожина выделяет следующие: вопросительные предложения, направленные на активизацию внимания читателя, привлечение его к сомышлению; чужую речь в виде прямой цитаты, а также косвенную речь при пересказе чужого мнения; императивы как обращения к читателю («возьмем», «рассмотрим»); конструкции и обороты связи, эксплицирующие для читателя ход изложения, его композицию, переход от одной мысли и темы к другой, а также акцентирование определенных моментов содержания; вводные слова, словосочетания и конструкции в их определенных функциях – уточнительной, объясняющей, ссылочной, оценочной, добавочного сообщения [Кожина 1986: 76–84; см.: Мецлер 1987; Долгова 1978]. М. Н. Кожина добавляет, что «собственно текстовыми, при этом свойственными именно научной речи, являются ссылки и сноски как средство компрессированного выражения двухмерности текста» [Кожина 1986: 84].

Очевидно, специфика метатекстовых средств научной речи также в значительной степени обусловлена названными особенностями научной речи, ее функциями и важнейшими экстралингвистическими признаками.

Согласно А. Вежбицкой, «представляется, что количественный и качественный вклад метатекста в текст является одним из существенных показателей стилистических различий» [Вежбицка 1978: 421].

Изучению различных видов текстовых комментариев посвящены многие работы [Разинкина 1988; Арнольд 1984]. К средствам метатекста И. А. Кириллова, например, относит также «различные способы персонализации научного текста, т. е. прямого выражения

авторского "я", включающего и выражение авторской оценки» [Кириллова 1993: 40]. Кроме того, эти средства рассмотрены в ряде работ [Воробьева 1985; Котюрова, Колесникова 1982; Лобачев 1983; Ляпон 1989; Погудина 1983; Тельнова 1991; Шварцкопф 1970].

С проблемой метатекстовых элементов научных текстов связано исследование ментальных перформативов. Н. К. Рябцева утверждает, что в речевом акте можно выполнить не только социальное действие, но и ментальное, например, выдвинуть гипотезу, ввести понятие, обосновать теорию, дать определение и т. п. [Рябцева 1992: 12]. Очевидно, что эти и подобные ментальные перформативы лежат в основе любого научного текста, в том числе и лингвистического. По мнению Н. К. Рябцевой, «подобные ментальные действия должны быть вписаны не в социальное поведение, а в когнитивное, т. е. в рассуждение, в интансиональный (эпистемический) контекст» [Там же]. Н. К. Рябцева говорит о необходимости анализа «воплощения в научном тексте мыслительных действий познающего субъекта» [Там же].

Необходимость в использовании диалогических средств возрастает в тексте «для преодоления барьера, возникающего между отправителем и получателем речи в результате введения новых понятий» [Славгородская 1986: 120]. Поэтому важным фактором, по замечанию Т. В. Харламовой, является «...умение говорящего определенно настроиться на партнера по коммуникации, т. е. при создании текста адресант должен учитывать апперцепционную базу и уровень коммуникативно-языковых навыков адресата...» [Харламова 2000: 23]. При этом автор активно использует лексические средства при адресованности к реципиенту, с помощью которых намеренно привлекает внимание читателя к информации. М. Н. Кожина указывает в качестве источника диалогизации научной прозы отражение в научном тексте самого процесса мышления, «имитации» этого процесса, диалогического по своей сути, поэтому диалогичности письменной научной речи дается двойное обоснование: коммуникативное и когнитивное [Кожина 1986].

И. А. Магеррамов вводит более широкое, чем диалогичность у М. Н. Кожиной и Л. В. Славгородской, понятие «коммуникативности» научного текста, под которым понимается «реализуемая в различных средствах выражения способность научного текста устанавливать контакты с другими родственными или неродственными текстами, в которых отражены смежные факты и явления действительности... Средства выражения, делающие текст "контактноспособным" (коммуникативным), многочисленны: это и цитация, и ссылки в тексте, и пересказ чужого мнения» [Магеррамов 1986: 47]. Названные средства, безусловно, являются проявлением метатекста научной речи.

Понятие диалогичности научного текста, как считает И. А. Красавцева, тесно переплетается с понятием прагматичности текста, которая является не направленностью текста читателю, а достижением запланированного эффекта воздействия на адресата с целью изменения его «смыслового» поля [Красавцева 1984]. Среди средств диалогичности И. А. Красавцева называет вводные слова, ссылки, цитацию, сноски, вопросно-ответные комплексы, т. е. те же средства, которые в работах М. Н. Кожиной и Л. В. Славгородской являются организующими и структурирующими текст научного сообщения.

Итак, к метатекстовым компонентам научного текста относятся прежде всего элементы, активизирующие внимание читателя, конструкции и обороты связи, эксплицирующие для читателя ход изложения, акцентирование определенных моментов содержания, вводные слова. Все эти метаэлементы приобретают в исследовании особую важность и рассматриваются как вспомогательные метатекстовые компоненты (см. разделы 2.2 и 2.4).

Не меньшую роль, как уже указывалось выше, играет дополнительное пояснение автором научного текста сложных фрагментов, представляющее собой метаязыковую операцию толкования, ориентированную на код сообщения (по Р. Якобсону). Следует иметь в виду, что метатекстовые компоненты научного текста могут быть построены не только на основе буквального употребления, но и на основе метафорического переноса значения. Представляется, что рассмотрение представленных в лингвистических концепциях точек зрения на сущность метафоры и ее роль в научном тексте является важной теоретической предпосылкой анализа функционирования метатекстовых средств дополнительной интерпретации.

Проблема наличия и роли элементов эмоционально-субъективной оценки в научном стиле речи вызвала много споров в лингвистической литературе. В этом споре довольно четко отразились две противоположные точки зрения. Одни исследователи считают, что поскольку язык научной прозы призван четко и логично излагать нечто конкретное, то он должен быть лишен всяких эмоционально-оценочных элементов [Разинкина 1972; Воробьева 1971; Троянская 1976]. Другие полагают, что элементы субъективного отношения к высказываемому не могут быть полностью исключены из языка научной прозы, ибо именно в них заключается определенная оценочная характеристика излагаемого предмета [Кожина 1966; Калмыкова 1969].

М. Н. Кожина говорит о том, что мышление и его языковое выражение не могут быть совершенно лишены оценочности, воображения, интуиции и экспрессии [Кожина 1971: 188]. Данную позицию

подтверждает А. Н. Лук: «Значительно лучше, скорее и прочнее запоминаются те сведения, которые эмоционально окрашены, вызывают живые, яркие чувства» [Лук 1972: 38].

Образные средства обладают широкими возможностями семантической интерпретации, вызывают дополнительные ассоциации, например, «когнитивизм интересуется», «...приходит ментализм», «новая парадигма широко применяет», «зарождение этой дисциплины», «господство механизма и бихевиоризма», «поворотом в судьбе когнитивизма неизбежно должна была стать его «социализация»...»; «хроническая сосредоточенность этого направления»; «неудовлетворенность семантики и прагматики» и т. д.

Л. В. Славгородская упоминает о том, что авторы научных сочинений часто прибегают к способу выражения мысли, основанному именно на образности [Славгородская 1981: 169]. Образность имеет также существенную «семантическую нагрузку», раскрывая, дополняя и уточняя существующие понятия. Отвечая задачам научного повествования, образное словоупотребление является носителем информации, действенным средством возбуждения мыслительной деятельности и воображения читателя [Кудасова 1967: 24].

Образность научного текста представлена прежде всего таким стилистическим средством как метафора. Рост теоретического интереса к метафоре был стимулирован увеличением ее присутствия в различных видах текста, начиная с поэтической речи и публицистики и заканчивая языками разных отраслей научного знания. Распространение метафоры во многочисленных жанрах заставляет авторов обращать внимание не столько на эстетическую ценность метафоры, сколько на предоставляемые ею практические преимущества [Телия 1977; Петров 1985; Гак 1988; Блэк 1990; Гудмен 1990; Девидсон 1990; Лакофф, Джонсон 1990; Ортега-и-Гассет 1990; Ричардс 1990; Арутюнова 1999 и др.]. А. Ричардс отмечает, что «в основе метафоры лежит заимствование и взаимодействие идей и смена контекста» [Ричардс 1990: 47]. Автор подчеркивает, что сама мысль метафорична, она развивается в языке через сравнения, и отсюда возникают метафоры в языке, поэтому метафора может быть свойственна даже научному тексту [Там же].

Некоторые лингвисты подчеркивают необходимость наличия метафоры в научном тексте. Например, Х. Ортега-и-Гассет видит в метафоре едва ли не единственный способ улавливать и содержательно определять объекты. Метафора может не только формировать представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления. Употребление метафоры в научной литературе исследователь объясняет тем, что наука, используя метафору, начинает

с полного отождествления двух объектов, заведомо различных, чтобы прийти к утверждению их частичного тождества, которое и будет признано истинным. Научная метафора развивается от более сильного утверждения к более слабому, при этом метафора является необходимым орудием мышления, формой научной мысли [Ортего-и-Гассет 1990: 74–75].

Говоря о функции метафоры, Н. Д. Арутюнова отмечает: «Метафора – это прежде всего способ уловить индивидуальность конкретного предмета или явления, передать его неповторимость» [Арутюнова 1979: 149]. Иначе говоря, метафора, выявляя и называя ту или иную сторону предмета или лица, как бы анализирует, вычленяет наиболее индивидуальное. «Обобщая наиболее типичное, характерное, метафора синтезирует новый образ» [Калмыкова 1974: 84].

В литературе выделяется несколько типов метафор, играющих существенную роль в научном познании. Так, Н. Д. Арутюнова различает номинативную, образную, когнитивную и генерализующую метафору [Арутюнова 1996: 359–366]. Суть номинативной метафоры сводится к замене одного значения другим. Такого типа метафора наглядна, она апеллирует не к интуиции, а к зрению. Выполняя номинативную функцию, метафора исчезает. Образная метафора является ресурсом, к которому прибегают в поисках образа, способа индивидуализации или оценки предмета. Апеллируя к интуиции, метафора этого типа оставляет адресату возможность творческой интерпретации. Когнитивная метафора является источником лексики, обслуживающей мир идей, событий, процессов. Снимая ограничения на сочетаемость, данный тип метафоры ведет к созданию обобщенных предикатов, способных соединяться с разнотипными субъектами. Генерализующая метафора стимулирует возникновение логической полисемии за счет стирания в лексическом значении слова границ между логическими порядками [Арутюнова 1996: 359–366]. Теоретически метафора любого из указанных типов может использоваться в процессе разъяснения научных концепций и усвоения их в процессе обучения [Там же].

Говоря о научных метафорах, В. В. Петров подчеркивает, что их важнейшая особенность заключается в их незавершенности. Назначение таких метафор – наведение исследователей на еще неизвестные подобия и аналогии. «Именно незавершенность метафор порождает необходимость их введения для указания на те фундаментальные свойства реальности, которые предстоит выявить» [Петров 1985: 198]. Таким образом, если метафоры необходимы благодаря своей способности обеспечить какое-то новое «видение», то так называемый буквальный язык кажется слишком ограниченным, ибо

он это видение обеспечить не может. Именно возможность формирования новых идей, в том числе научных понятий, относится к определяющей характеристике научных метафор [Там же].

В то же время отмечается, что синонимы, метафоры и антонимы все-таки в какой-то степени могут затруднить понимание научного текста. Например, Н. Д. Арутюнова пишет, что рано или поздно метафора исчезает. Ее функция – вызывать образы, представления, индивидуализировать, а не сообщать информацию [Арутюнова 1979: 168]. Кроме того, в процессе становления научного стиля эмоционально-оценочные слова постепенно угасали, утрачивали свою выразительность. Это свертывание и угасание эмоциональности является одним из признаков ригоризации научного стиля речи, т. е. чем меньше субъективно-оценочных элементов, тем строже манера изложения [Швецова 1975: 6].

Итак, материалом исследования, представленного в данной монографии, являются русские и немецкие научные тексты (статьи, отдельные разделы монографий и учебников). Выбор этих жанров обусловлен тем, что они являются самыми распространенными в научной литературе. Исследование направлено на изучение не всего метатекста в целом, а только метатекстовых компонентов, используемых авторами научного текста с целью дополнительной интерпретации отдельных текстовых фрагментов (см. разделы 2.1, 2.3). Кроме того, внимание уделяется вспомогательным метатекстовым средствам, в частности, тем, с помощью которых автор структурирует содержание научного текста с целью актуализации того или иного научного факта (см. разделы 2.2, 2.4). В рамках исследования к метатексту также относится и внешнее оформление научного текста (см. разделы 1.6, 2.6).

1.5. Термины в научном тексте

Говоря о метаязыке лингвистики, И. В. Арнольд относит к нему терминологию, общенаучную лексику, свойственную научной литературе вообще в любой отрасли знания, буквенную символику и графику [Арнольд 1991: 84]. В связи с этим остановимся в настоящем и следующем разделах на проблеме употребления в научном тексте терминов и символично-графических средств.

В то же время необходимо сделать одно принципиальное замечание. Безусловно, терминологию и общенаучную лексику можно рассматривать как важные компоненты метаязыка, используемого в научных текстах. Однако объектом проведенного исследования

является не метаязык научного описания, а метатекст в научном тексте, образованный в первую очередь фрагментами, дополнительно поясняющими другие фрагменты того же текста. Терминология представляет для нас интерес в двух случаях: 1) когда интерпретируется термин, 2) когда метатекстовый компонент представляет собой лексическую единицу терминологического характера или включает термин. Поскольку оба случая имеют место в научном тексте, представляется целесообразным рассмотреть понятие термина и представить его характеристику.

Важную роль терминологии в научном тексте отмечает, в частности, И. В. Арнольд [Арнольд 1973: 69]. Терминологичность является общепризнанной отличительной чертой научной речи, поскольку «термины составляют главную специфику лексики языка науки» [Даниленко 1977: 19].

В связи с ростом пласта терминологической лексики, вызванного развитием науки, постоянно увеличивается число работ, в которых рассматриваются особенности терминологической лексики, а также терминосистем в сравнении с общеупотребительной лексикой и другими терминосистемами. Изучается широкий круг проблем, связанных с определением термина, критериями выделения терминов, исследуются лингвистические характеристики терминов. Но, несмотря на большое количество работ, посвященных вопросам терминологии [Винокур 1939; Виноградов 1947; Реформатский 1961; Ахманова 1966; Канделаки 1970; Слюсарева 1979; Казыро 1980; Соловьева 1980; Табанакова 1982; Омеляненко 1983; Никитина 1978; Белова 1993; Тимофеева 1997; Хижняк 1998 и др.], еще нет общепризнанного определения термина. Как справедливо заметила З. И. Комарова, «если подытожить все исследования по терминологии, то можно прийти к выводу, что нет единицы более многоликой и неопределенной, чем термин» [Комарова 1979: 3]. Действительно, «выработка точного и достаточного определения термина затруднена не только сложностью самого понятия, но и неоднородностью терминологической лексики, в которой можно выделить научный, общетехнический, профессиональный слои и, кроме того, собственно термины...» [Омеляненко 1983: 90].

Многие исследователи придерживаются той точки зрения, что термин представляет собой слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания и деятельности [Климовицкий 1967; Канделаки 1970; Васильева 1990 и др.].

Классическое определение термина дано Г. О. Винокуром: «...термин – это не особое слово, а только слово в особой функции, функции наименования специального предмета или явления» [Винокур 1939: 5].

Данное определение уточняется В. П. Даниленко, который понимает под термином «слово (или словосочетание) специфической сферы употребления, являющееся наименованием специфического понятия и требующее дефиниции» [Даниленко 1977: 15]. В данном случае уместно замечание С. Е. Никитиной о том, что «термин – это знак специальной семиотической системы, обладающей номинативно-дефинитивной функцией» [Никитина 1987: 28].

Термин прежде всего выделяется спецификой своего значения. Это выражается в том, что «термин обозначает только существенные отличительные признаки специального понятия. Поэтому можно сказать, что понятийная определенность, которая задается терминологической системой, выступает отличительной чертой терминологии» [Соловьева 1980: 164]. По справедливому замечанию А. Н. Васильевой, «именно определенность системно-обусловленного логико-понятийного содержания в принципе отличает термин от не-термина» [Васильева 1976: 58].

Это положение подтверждается словами Д. С. Лотте: «...Отдельно взятый термин сам по себе есть фикция. Он существует только в системе терминов, т. е. наряду с другими терминами, с которыми он связан определенными отношениями» [Лотте 1969: 135].

При рассмотрении признаков термина ведущими признаются прежде всего следующие: 1) системность; 2) наличие дефиниции; 3) тенденция к моносемичности термина в пределах своего терминологического поля (системы); 4) отсутствие экспрессии; 5) стилистическая нейтральность [Васильева 1990: 508].

Что касается первого свойства, существенным является замечание А. А. Реформатского о «внутриположенности терминов терминологическому полю и внеположенности контексту» [Реформатский 1961: 53]. Также важно отметить, что под терминологической системой обычно понимается сложная система семантических отношений между терминами [Никитина 1987: 48]. Поэтому описание терминосистем, по мнению С. Е. Никитиной, связано «с разработкой классификаций не только самих терминов, но и классификаций отношений» [Там же]. Что касается второго свойства, дефинитивности термина, можно утверждать вслед за С. Е. Никитиной, что термин «замещает дефиницию в своем употреблении, являясь по отношению к ней вторичным образованием. В этом смысле отношение пары дефиниция-термин прямо противоположно отношению пары слово-дефиниция» [Никитина 1987: 28].

Очевидно, содержащееся в утверждении С. Е. Никитиной противопоставление термина и слова, так же как и высказывание А. А. Реформатского о «внутриположенности термина терминологическому

полю и внеположенности контексту» и отграничивают термин от слова общелитературного языка, хотя при этом термин и сохраняет основные признаки любой единицы языка соответствующего уровня. Не случайно В. Н. Лейчик рассматривает научный термин как многослойное образование, состоящее из: 1) языкового субстрата; 2) логического субстрата, связанного с обозначенным данным термином понятием; 3) терминологической сущности термина, включающей концептуальную, функциональную и формальную структуру, представленную терминологическими элементами [Лейчик 1991: 28].

Раскрытие значения термина носит метаязыковой характер, так как предметом речи становится в этом случае сам код. Любое определение термина является метавысказыванием, так как составляет комментарий ко всему тексту. Как говорит В. Н. Карпович, «определение есть некоторое соглашение, вводящее в теорию новый символ и устанавливающее его значение через его уже известные символы... в формальную теорию новый символ может быть введен... при помощи некоторого метаязыкового соглашения» [Карпович 1978: 6–7].

Автор научного текста сообщает читателю дополнительную информацию о языке изложения, облегчая восприятие и понимание основной информации, связанной с излагаемым материалом. Если же термин применяется ученым со специфическим, нетрадиционным значением или представляет собой авторский неологизм, то он тем более требует дополнительного комментария [Гвишиани 1986; Кукля 1989; Никитина 1978; Ступин 1984 и мн. др.].

Поскольку материал настоящего исследования составляют прежде всего работы в области лингвистики, необходимо отметить специфические свойства, выделяющие лингвистическую терминологию среди прочих терминосистем. Одной из особенностей лингвистической терминологии является ее связь с заимствованием лингвистикой терминологии смежных наук, занимающихся исследованием языка. По мнению Н. А. Слюсаревой, «использование термина в чуждой для него области приводит к утрате понятийной четкости» [Слюсарева 1979: 69]. В терминологии, не только лингвистической, закрепляется «результат познавательного процесса в данной области знания», лингвистическая же терминология, по мнению Н. А. Слюсаревой, обладает двойственным характером, так как «помимо того, что в ней закрепляется результат познания, она является также инструментом познания» [Слюсарева 1979: 72]. Лингвист утверждает, что «двойственность лингвистической терминологии объясняется тем, что метаязыковая функция тесно переплетается и с коммуникативной, и с познавательной функциями, а язык как объект реального мира неотделим от предмета науки о нем самом» [Слюсарева 1979: 76].

Существуют различные попытки классифицировать лингвистическую терминологию. Н. А. Слюсарева предлагает разграничить: а) термины, которыми именуются феномены объекта; б) термины, которыми именуются феномены предмета, выделенного из объекта; в) термины, которые используются в качестве инструмента анализа. Н. А. Слюсарева отмечает, что термины, относящиеся к объекту исследования, «как правило, с трудом поддаются определению, хотя наличие обозначаемых единиц осознается и говорящими, и изучающими свойства данного объекта» [Слюсарева 1983: 21]. Кроме того, выделяются три группы терминов: 1) универсальные, которые могут быть применимы к описанию явлений самых различных языков; 2) уникальные, именующие явления, специфические для какого-либо языка; 3) авторские, ориентированные на использование лишь в пределах одной теории [Слюсарева 1983: 23].

Д. С. Шелов предлагает разделить всю языковедческую лексику на четыре большие класса, внутри которых возможно дальнейшее деление. К первому классу автор относит функциональную лексику, куда входят все словесные обозначения понятий, связанных с языком как общественно-историческим явлением. Вторая группа включает структурную лексику, куда входят все словесные обозначения, связанные с языком как сложнейшим структурным образованием. Третья группа включает в себе наименования лингвистических направлений, школ, название течений, методов, принципов. Четвертая группа представляет собой список общенаучных проблем языкознания, например, «литературный язык», «язык и мышление» [Шелов 1976: 24–28]. Сходную классификацию предлагает Г. Н. Казыро [Казыро 1980: 10]. По мнению данного исследователя, связь термина с теорией осуществляется через дефиницию, которая и отсылает термин к стоящей за ним теорией. О связи терминологии и теории в общепhilosophическом смысле пишет П. Фейерабенд: «появление новой теории изменяет взгляд как на наблюдаемые, так и ненаблюдаемые свойства мира и вносит соответствующие изменения в значение даже наиболее фундаментальных терминов используемого языка» [Фейерабенд 1986: 30].

Представляется, что в научных текстах будут предлагаться, прежде всего, дефиниции авторских терминов (по И. А. Слюсаревой), вероятнее всего, отображающих в первую очередь функциональные и структурные свойства языка.

Онтология термина разделяется на две сферы: «так называемую сферу фиксации – словари, госты, энциклопедии» и «сферу функционирования – научное и профессиональное общение, прежде всего тексты» [Прохорова 1983: 4]. В настоящем исследовании нас интере-

сует вторая сфера, т. е. функционирование терминов в научных текстах.

Таким образом, научный стиль характеризуется определенным набором лексических средств, которые употребляются авторами с целью достижения логичности и последовательности изложения. Рассмотрение той или иной научной проблемы невозможно без применения терминов, так как они позволяют четко очертить объем рассматриваемых понятий.

1.6. Символико-графические компоненты научного текста

В данном разделе речь пойдет о графических средствах, используемых автором при написании научного текста. Как известно, в акте речевой коммуникации все лингвистические, паралингвистические и экстралингвистические факторы тесно переплетены и направлены на достижение воздействия на реципиента. Целью этого воздействия может быть само сообщение каких-либо сведений или формирование эмоционально-оценочного отношения читателя к написанному.

Для успешного осуществления своих замыслов автор подвергает высказывание соответствующей обработке, используя языковые и внеязыковые способы, приемы и средства. При этом, как отмечает В. Н. Комиссаров, «отправитель речи вступает в два ряда прагматических отношений: с описываемыми событиями и со слушающим. В первом случае говорящий высказывает свое отношение к этому сообщению; во втором он выражает свое отношение к слушающему и стремится оказать на него определенное воздействие» [Комиссаров 1982: 10].

Научная лингвистическая парадигма XX–XXI вв., постановка новых вопросов, проблема речевого воздействия повлияли на распространение тех явлений, которые тесно связаны с передачей и восприятием информации. В современном мире на первый план выдвигаются задачи всестороннего исследования языка во всем его многообразии.

По справедливому замечанию исследователей, «Этот синтезирующий виток в диалектической спирали истории науки о языке был предопределено неизбежен. Он связан с обращением лингвистики к проблеме коммуникации в полном объеме, что и предполагает синтез языковых средств общения с неязыковыми, исследование их организации в едином процессе и тексте как его результате» [Бернацкая 2000: 45].

За последние годы в рамках современной лингвистики интерес к проблемам речевого воздействия в процессе текстообразования

чрезвычайно вырос. Лингвистов все больше привлекают невербальные средства коммуникации, так называемой «визуальной информации», которая играет непосредственную роль в процессе восприятия текстуальной информации. Это находит свое подтверждение в большинстве научных работ, посвященных не традиционной лингвистике текста, а лингвистике семиотически осложненного, «нетрадиционного», видеовербального, составного, поликодового, креолизованного текста [Большаянова 1986; Сорокин, Тарасов 1990; Анисимова 2003; Бойко 2006; Кирилов 2006 и др.]. Так, например, М. А. Бойко отмечает, что «всё большее внимание в рамках изучения языка средств массовой информации лингвисты уделяют организации так называемых креолизованных текстов» [Бойко 2006].

Графическим стилистическим средствам в письменной речи принадлежит немаловажная роль в достижении коммуникативно-прагматического эффекта. С целью облегчения восприятия информации, по мнению В. И. Чепурных, автору необходимо правильно сегментировать текст, распределять информацию по степени значимости, выделять наиболее важные места [Чепурных 1988: 148]. В письменной речи этот принцип относится прежде всего к синтаксическому построению и графическому оформлению текста. Существенную роль при этом играют знаки препинания и графические стилистические средства. Благодаря графическому выделению, автор получает дополнительные возможности акцентуации, подчеркивания наиболее важных элементов в тексте, что способствует целенаправленному воздействию на адресата речи.

Стремительный рост визуальной информации в современной коммуникации вызвал закономерный интерес языковедов к паралингвистическим, то есть невербальным, средствам, сопровождающим письменную речь, в частности к графическому оформлению текста. Влияние графического изображения научной статьи на восприятие реципиента чрезвычайно велико. Оно носит интернациональный характер и рационально использует возможности адекватной передачи научной информации. Посредством графического изображения выделяются тематические ведущие элементы текста статьи, оформляются цитаты и сноски. В работах лингвистов подчеркивается, что графика является прагматически обусловленным содержательным компонентом текста, несущим большую долю содержательной информации и вносящим определенный вклад в создание ее структурно-семантического единства [Наер 1985; Чепурных 1988]. Графика включает сноски, примечания, различные шрифтовые средства, разное начертание, разный шрифт, курсив, жирность и другие модификации знака, в частности, разный набор, смену цвета

печати, кавычки, скобки. Совокупность вербальных и невербальных компонентов имеет в процессе структурирования научного текста огромный потенциал воздействия. Умение использовать визуальную информацию в текстообразовании текста определяет степень воздействия автора на реципиента.

Остановимся на рассмотрении такого графического средства, как ссылка. Бесспорно, библиографические ссылки являются одним из самых распространенных графических средств в научном тексте. Однако необходимо сделать замечание, что сами по себе библиографические ссылки не являются графическими средствами, а лишь подлежат графическому оформлению, и мы их относим к вспомогательным метатекстовым средствам указания межтекстовой связи (см. 2.2, 2.4). Так, В. А. Маркусова полагает, что «библиографическое описание способствует функционированию механизма социального контроля за приоритетностью и научной ценностью полученных результатов» [Маркусова 1983: 73–74]. Автор считает, что не случайно среди миллионов ссылок, ежегодно появляющихся в научных журналах, подавляющее большинство отсылает читателей к одним и тем же немногим исследователям, чей вклад в науку наиболее значителен. По справедливому замечанию В. А. Маркусовой, «библиографические ссылки есть не просто попутное упоминание имен других авторов и названий их работ, но чрезвычайно сложный процесс соотнесения (сопоставления) собственного исследования, собственного опыта с уже существующим корпусом научных данных» [Там же]. Библиографические ссылки позволяют быстро выявить связи данной научной работы с предшествующими исследованиями, охарактеризовать источниковедческую базу исследования и в определенной степени научные позиции автора.

Для рассмотрения роли библиографических ссылок в организации научного текста особое значение приобретает разработанный И. Р. Гальпериным «метод суперлинейного анализа», согласно которому высказывание анализируется с точки зрения смежных и дистантных связей с элементами, ассоциативно или формально относящимися друг к другу [Гальперин 1974: 31].

Так, например, существуют ссылки, использование которых представляет собой наиболее очевидный случай и, как следствие, имеет обязательный характер. Это происходит, когда в тексте упоминаются имена исследователей, работающих в той же, что и автор статьи, или в смежной области исследования. В таком случае, по словам Н. М. Разинкиной, «...фамилия упоминаемого автора становится эксплицитным сигналом нетекстовой ссылки...» [Разинкина 1986: 117]. При этом очень удобны ссылки, содержащие инициалы автора, что в дальнейшем поможет найти другие работы упоминаемого автора.

Немалый интерес для изучения организации научного текста представляют библиографические ссылки, в которых автор ссылается на свои собственные ранее опубликованные работы. Как говорит В. А. Маркусова, «любой исследователь вправе сослаться на собственные предшествующие работы, порою это просто необходимо» [Маркусова 1983: 74]. Ссылки на свои работы играют существенную роль в организации научного текста. По мнению В. А. Кухаренко, автор ссылается на собственные работы в связи с тем обстоятельством, что его точка зрения является одной из основных центростремительных сил, созидающих текст как таковой, именно единство темы и авторской позиции обеспечивает многоаспектную связность текста – логическую, семантическую, формально-грамматическую [Кухаренко 1985: 57].

Ссылки на собственные научные работы нередко сопровождаются в тексте самой статьи дополнительными сведениями, комментариями. Так, Н. М. Разинкина к таким дополнительным сведениям относит: а) объяснение сути того или иного метода, хотя читатель мог бы узнать об этом из работы, приводимой в ссылке; б) указание на то, что работа, упоминаемая в соответствующей ссылке, представляет собой первую в серии статей автора по данному вопросу; в) информация о дальнейших планах автора, касающихся публикации его работ [Разинкина 1986: 120–121].

Таким образом, библиографические ссылки способствуют созданию тесных синонимических отношений между текстом статьи, приводящей ссылку, и той работой, на которую эта ссылка указывает. Уяснение этих отношений будет способствовать более глубокому осмыслению внутренней организации научного текста.

Рассмотрим графические средства слововыделения (к ним относятся, например, курсив, жирный шрифт, разрядка и т. п.). По мнению И. П. Распопова, курсив, разрядка, жирный шрифт являются «письменными средствами ремовыражения» [Распопов 1970: 43]. В то же время функции курсива и других графических способов выделения слова не ограничиваются только ремовыражением. Как отмечает В. В. Осокин, курсивом может выделяться любое слово, словосочетание или группа слов – носитель не только ремы, но и темы [Осокин 1968: 98].

Предварительный анализ показал, что очень часто авторы используют курсив, разрядку или жирный шрифт для выделения темы в начале нового абзаца, заменяя заглавие нового раздела, а также для большей четкости выделения какого-либо фрагмента в тексте. Следует также заметить, что в курсиве часто даются слова на иностранном языке. В научной литературе это могут быть латинизмы, а также некоторые термины, заимствованные из других наук.

В лингвистической литературе в курсиве даются обсуждаемые понятия. Как заметила В. Е. Шевякова, «в научной литературе авторы часто выделяют курсивом слова с модальным оттенком предположения, подчеркивая тем самым некатегоричность и проблематичность излагаемых положений или их фактическую недействительность» [Шевякова 1979: 193].

Использование курсива, жирного шрифта и подобных графических средств варьируется в зависимости от конкретного автора. Одни авторы широко используют графические средства слововыделения даже в тех случаях, когда, казалось бы, нет необходимости в их использовании. Другие не выделяют отдельные слова даже тогда, когда этого требует изложение материала [Шевякова 1979: 199–200; Арнольд 1991: 98].

К факторам внешней организации текста научной статьи относятся также таблицы, графики, схемы, рисунки, фотографии, условные обозначения и многие другие. По словам Ю. А. Сушкова, одной из доминирующих особенностей этих средств является их абсолютная условность, искусственность. Среди символических средств выражения специальных понятий или их отношений автор выделяет однозначные общенаучные символы типа математических $=$, $\leq$, $\geq$ и семантические пустые символы с возможностью дальнейшего наполнения конкретным содержанием в конкретных науках: А, В, С и т. д. [Сушков 1975: 248].

Для суммирования экспериментальных данных широко используется таблица. Данное визуальное средство иллюстрирует полученные результаты психологического эксперимента, химического опыта, математического доказательства. Таблица графически выделяется из общей текстовой ткани, как правило, к ней прилагается сопроводительный текст, комментирующий данные. Весьма часто, описав эксперимент, авторы вносят полученные результаты в таблицу, к которой прилагается выделенный курсивом текст. Интерпретация результатов исследования производится в специальном разделе статьи, расположенном под таблицей. В ходе их обсуждения накапливается содержательно-фактуальная информация, которая продолжает детализацию темы статьи. По справедливому замечанию И. Д. Арнольд, «таблица должна быть связана с текстом и прокомментирована в нем, но она должна быть более или менее понятна и без текста» [Арнольд 1991: 99].

Таким образом, таблица является органическим элементом текста научной статьи, несущим большую долю информации и, следовательно, необходимым средством компрессии полученных результатов. Все это говорит о том, что таблица объединяет и соотносит

информацию отдельных частей текста, чем способствует когезии всего текста статьи.

Схемы, рисунок, фотографии представляют собой визуальное изображение, иллюстрацию процессов научного исследования. Они служат обычно наглядным пояснением или дополнением к основному тексту статьи. Они органически связаны с ним, обобщая или конкретизируя факты информации научной статьи. Часто сочетание иллюстраций в виде схем, рисунков, фотографий и поясняющего текста передает суть описываемого в статье научного вопроса. И. Д. Арнольд указывает на то, что многие авторы пользуются собственными схемами для того, чтобы сделать абстрактное положение более наглядным и запоминающимся, хотя в литературе существуют уже некоторые закономерности, например, изображение связи между какими-либо объектами с помощью треугольника. Важным достоинством всякой схемы, и треугольника в том числе, является ее простота, поскольку только простая схема может быть наглядной [Арнольд 1991: 97].

График, диаграмма представляют собой геометрическое изображение линейной функциональной зависимости при помощи линии или плоскости. Это своего рода иллюстративная визуальная связь отдельных фрагментов текста, поскольку с их помощью передается суммарная характеристика нескольких сторон одного объекта исследования. Они также снабжены комментирующим их текстом. «График полезен только тогда, когда автор его анализирует и комментирует» [Арнольд 1991: 99].

И. Д. Арнольд обращает внимание на то, что условные обозначения, номенклатурные знаки являются непременной принадлежностью текста. Кроме метаязыковой системы знаковых выражений, общепринятых в каждой отрасли науки, авторами научных статей нередко вводятся свои собственные условные обозначения, номенклатурные знаки и аббревиации. Они являются одной из форм кодирования научной информации и наряду с полными терминами могут быть номинативными единицами текста статьи. Читатель научную статью должен обладать большим объемом знаний, иначе текст научной статьи не будет полностью им воспринят. Иногда авторы в этих целях пояснения отсылают реципиента к специальному списку условных обозначений. И. Д. Арнольд отмечает, что такие условные обозначения, как аббревиатуры, удобны и полезны, так как экономят время и место. Между тем, при обилии таких сокращений восприятие текста значительно затрудняется. Читателю приходится тратить время на то, чтобы вспомнить или разыскать их объяснение. Поэтому такие сокращения следует применять только для немногих, особенно часто встречающихся сложных терминов, обязательно пояснять

их при первом употреблении и указывать в общем списке принятых сокращений [Арнольд 1991: 96].

Таким образом, графическим средствам в научном тексте принадлежит немаловажная роль в достижении коммуникативно-прагматического эффекта, т. е. максимального, целенаправленного и сознательного воздействия на адресата речи. Прагматическое назначение графических средств заключается прежде всего в том, что автор, ориентируясь на читателя, при помощи графического выделения повышает или стремится повысить вербальную действенность своего текста. Влияние графического изображения научной статьи на восприятие реципиента чрезвычайно велико. Оно носит интернациональный характер и рационально использует возможности адекватной передачи научной информации. Посредством графического изображения выделяются тематические ведущие элементы текста статьи, оформляются цитаты и сноски. Последние представляют собой экономичные локально-временные показатели и образуют совместно с основным текстом локально-временной континуум.

Символика и графика являются прагматически обусловленным содержательным компонентом текста, несущим большую долю содержательной информации и вносящим определенный вклад в создание ее структурно-семантического единства.

Влияние графических изображений на внимание реципиента неоспоримо. Оно носит интернациональный характер, автор, прибегая к графическим средствам, рационально использует возможности адекватной передачи научной информации. Посредством графического изображения выделяются тематические ведущие элементы текста статьи, оформляются цитаты и сноски. Последние представляют собой экономичные локально-временные показатели и образуют совместно с основным текстом локально-временной континуум.

Проведенный анализ специальной литературы по проблеме исследования позволяет сделать следующие ниже выводы.

В данной работе употребляется термин «научный дискурс», под которым понимается совокупность письменной и устной форм речевой продукции, отображающей научные знания. Наряду с этим, с оговорками, приведенными выше, используется понятие «научный текст», который представляет собой письменно зафиксированное речевое произведение соответствующей тематики, составленное с учетом жестких стилистических требований.

Вслед за И. Р. Гальпериним текст целесообразно рассматривать как «...произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа: произведение,

состоящее из названия (заголовка) и ряда основных единиц, объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 19].

Что касается специфики научного текста, необходимо отметить его подчеркнутую логичность, точность изложения, объективность, последовательность. Данные черты научного текста влияют на принципы его построения. Кроме того, важными текстообразующими факторами являются авторская интенция, прагматическая направленность, а также пресуппозиция.

Совокупность фрагментов научного текста, облегчающих понимание текста читателем за счет либо дополнительной интерпретации отдельных понятий и целых суждений, либо за счет иных метаэлементов, не имеющих непосредственного отношения к предмету речи, рассматривается как метатекст в научном тексте. Под метаязыком в данном исследовании понимается язык научного описания, с помощью которого формулируется дополнительный комментарий, поясняющий сложные фрагменты текста. Кроме того, к метаязыку в рамках исследования возможно отнесение различных графических средств, играющих значительную роль в достижении коммуниктивно-прагматического эффекта. Можно предположить, что авторы нередко прибегают к пояснению лексических единиц терминологического характера, которыми насыщен научный текст.

Таким образом, метатекст в научном тексте представляет собой многоуровневую систему, включающую метатекстовые средства дополнительной интерпретации, вспомогательные метаэлементы, в частности, структурирующие текст, а также символично-графические компоненты.

Глава 2

Функционирование метатекстовых элементов в научных текстах

2.1. Употребление метатекстовых средств дополнительной интерпретации в русских научных текстах

В настоящем разделе дается описание особенностей функционирования метатекстовых компонентов (МТК) в научных текстах. Данные средства служат для дополнительной интерпретации сказанного ранее, пояснения слова (или словосочетания) или предложения. Материал исследования составляют 25 русских научных текстов, содержащих в общей сложности 123 231 словоупотребление и используемых для количественных подсчетов. При описании исследования в авторских высказываниях выделяются понятия или суждения, поясняемые с помощью МТК. Эти компоненты в исследовании называются интерпретируемыми фрагментами (ИФ), в приведенных примерах ИФ выделены жирным шрифтом, толкования – курсивом.

При анализе мы опирались на классификацию метатекстовых компонентов, предложенную О. Н. Шаповаловой, которая, в частности, предлагает различать: 1) метаязыковые компоненты речевых высказываний, под которыми понимаются фрагменты текста, интерпретирующие отдельные понятия, уже выраженные в сообщении (как правило, на языковом уровне поясняемым понятиям соответствуют отдельные лексические единицы или их сочетания); 2) метафразовые компоненты, поясняющие целые мысли, высказанные ранее (на языковом уровне интерпретируемым мыслям соответствуют одно или несколько предложений) [Шаповалова 2002: 29].

На основании критерия соотношения содержания интерпретируемого фрагмента и метаязыкового или метафразового компонента

возможно выделение следующих средств: 1) более или менее адекватно отражающих содержание ИФ (это, главным образом, синонимические замены, антонимические выражения с отрицанием и перифразы); 2) указывающих на виды, входящие в род, обозначенный в ИФ (конкретизация); 3) указывающих на род, в который входит вид, заданный в ИФ (генерализация); 4) обозначающих предметы, обладающие тем же признаком, что и объект, обозначенный в ИФ (сравнение) [Шаповалова 2002: 34–35]; 5) дополняющих содержание ИФ (метатекстовый комментарий) [Шаповалова 2006: 123–124].

Следует отметить, что МТК исследованы О. Н. Шаповаловой на материале неподготовленной диалогической речи в экспериментальной ситуации общения, однако можно предположить, что в научных текстах метатекстовые компоненты характеризуются определенной спецификой их употребления и функциональной нагрузки.

Рассмотрим функционирование метаязыковых и метафразовых средств в научных текстах.

Синонимические замены

Употребление синонимов в письменном научном тексте не настолько частотно, как, например, в художественном, хотя применение широкого спектра терминологии в научной литературе объясняет применение синонимов. Авторы в некоторых случаях через синонимы поясняют понятия.

Пояснения через синонимические замены могут употребляться как метаязыковое средство. Под синонимами принято понимать «слова одной и той же части речи... имеющие полностью или частично совпадающие значения» [Языкознание 1998: 447].

Во многих лингвистических работах подчеркиваются широкие возможности синонимии, так как она позволяет автору многогранно отразить в своих работах предмет исследования [Васильева 1968; Прохорова 1971; Чупилина 1969]. По мнению данных авторов, практика перевода научно-технической литературы показывает, что довольно часто синонимия имеет место в научном тексте.

Следует заметить, что, несмотря на важность синонимии в пределах научной статьи, употребление синонимов ограничивается. Так, например, для «сухой» манеры изложения научных тезисов не характерно использование стилистических синонимов. Научный текст допускает лишь языковые и контекстуальные синонимы.

Таким образом, под синонимическими заменами понимаются в данной работе толкования через языковые и контекстуальные синонимы. Употребляя подобные толкования, автор разворачивает характеристику какого-либо явления, уточняет свое высказывание.

Употребление синонимических замен происходит с целью всесторонней характеристики предмета, указания его различных качеств и признаков. Такая всесторонняя характеристика осуществляется наиболее эффективно при использовании контекстуальных синонимов (122 случая толкований); языковые синонимы встретились, но в гораздо меньшей степени (15 случаев толкований). Таким образом, в материале исследования в общей сложности были выявлены 137 случаев употребления синонимов. Приведем примеры толкований с помощью контекстуальных синонимов.

...Термин «информация» употребляется **в двух значениях: общепринятом (бытовом) и терминологическом**... [Гальперин 1981: 26].

В данном примере интерпретируемый фрагмент «в двух значениях» поясняется через конкретизацию, которая в свою очередь содержит толкование компонента «общепринятом» через синонимическую замену (контекстуальную) – «бытовом».

...Информация в таком понимании обычно отождествляется с номинацией, смыслом, содержанием (Гальперин 1981: 26).

В этом примере компонент «обычно» снимает категоричность утверждения. Компоненты «с номинацией, смыслом, содержанием» являются контекстуальными синонимами к слову «информация».

...Эти идеи проверяются **на достоверность** или *истинность* (Горелов 1987: 145).

«Достоверность» и «истинность» представляют собой пример контекстуальных синонимов, что нередко можно встретить в научной статье.

Рассмотрим толкования с помощью языковых синонимов:

Такое понимание психолингвистики и других «пограничных» областей... было связано с **неточным, приблизительным** представлением о системе наук... (Леонтьев 1997: 6).

В данном примере автор употребляет языковые синонимы «неточный, приблизительный». Уточнение одного компонента «с неточным» → «с приблизительным» помогает автору обратить внимание на данный смысловой отрезок. Автор подчеркивает причину неверного понимания науки (в данном случае психолингвистики), употребляя синонимы.

...Сдвиг, смещение грамматического знака либо по омонимической, либо по синонимической линии можно если не предвидеть, то по крайней мере зафиксировать... (Карцевский 2001: 80).

...Исторически сложившаяся структура именного **двусоставного** (или *двучленного*) предложения варьируется в зависимости от состава сказуемого, которое может быть выражено разными именными категориями... (Виноградов 2001: 204–205).

ИФ в этом примере является прилагательное «двусоставный», которое объясняется автором языковым синонимом «двучленный». Подобное толкование обращает на себя внимание и облегчает понимание всего высказывания.

В двух последних примерах авторы употребляют толкования терминов, что является отличительной чертой научного стиля.

К частному случаю синонимических замен возможно также отнесение расшифровки аббревиатур, встретившихся в исследованном корпусе текстов, например:

...С появлением в научной речи компрессии и реализации здесь тенденции к наибольшей точности выражения связана в известной степени эволюция употребления *вводных и вставных конструкций (ВВК)*... (Кожина, Котюрова 1978: 10).

...Вот почему интеллект сохраняет за собой только самую общую, но универсальную функцию управления – это кодирование в виде *универсального предметного кода (УПК)*... (Жинкин 1982: 88).

Как видно из приведенных примеров, авторы сначала употребляют название какого-либо понятия, а затем с целью языковой экономии приводят сокращение этого понятия, заключая аббревиатуру в скобки. При дальнейшем изложении информации автор применяет главным образом аббревиацию этого понятия. Это возможно рассматривать как достаточно редкий случай постпозитивного употребления ИФ.

Таким образом, употребление синонимов возможно в научном письменном тексте с целью более подробной характеристики явления, понятия, какого-либо признака. Исследование показало, что в контексте научного текста авторы в большей степени употребляют не лексические, а контекстуальные синонимы. Употребление синонимических замен обусловлено необходимостью развернутой характеристики явления, с помощью синонимов автор также может указать дополнительный признак этого явления, что создает в сознании реципиента более четкое представление о предмете речи.

Антонимические выражения с отрицанием

К антонимическим выражениям в данном исследовании относятся антонимы, гетеронимы и метафразовое противопоставление. Рассмотрим подробнее их функционирование в научном тексте.

Как и синонимы, антонимы могут выступать как метаязыковое средство (естественно, в сочетании с отрицанием). Под антонимами обычно понимают «слова одной части речи, имеющие противоположные значения» [Языкознание 1998: 36].

Рассматривая антонимию как языковое явление, В. Н. Комиссаров формулирует следующие критерии выделения антонимов:

1) противопоставленность антонимов закреплена в языке и становится независимой от контекста;

2) слова-антонимы регулярно воспроизводятся в речи в противопоставлении друг к другу;

3) для антонимов характерна в общем одинаковая сфера лексической сочетаемости [Комиссаров 1957: 54–56].

Л. А. Новиков предлагает выделять следующие виды антонимов: 1) соответствующие в речи одному и тому же денотату (антонимы-конверсивы); 2) соответствующие в речи разным денотатам. При этом вторая группа подразделяется на антонимы, выражающие противоположную направленность (действий, признаков и т. д., например, приходить – уходить, фашистский – антифашистский) и на антонимы, не выражающие направленности (градуальные и неградуальные) [Новиков 1973: 197–199]. По справедливому замечанию О. Н. Шаповаловой, теоретически антоним, входящий в любую из этих групп и подгрупп, может образовать метаязыковой компонент, поясняющий антоним, употребленный автором в ИФ [Шаповалова 2002: 38].

Наряду с антонимическими толкованиями возможно пояснение слов через квазиантонимы, которые, в отличие от антонимов, помимо противоположности значений характеризуются еще некоторыми различиями. Наиболее широко представленные в русском языке подтипы таких различий описывает Ю. Д. Апресян [Апресян 1995]. Приведем пример некоторых возможных различий квазиантонимов, выделяемых исследователем:

1) различие степени (похудеть – растолстеть, исхудать – поправиться);

2) наличие большого количества или интенсивности – отсутствие (волосатый – лысый, громкий – беззвучный);

3) отрицательная оценка – отсутствие оценки (замазывать – вскрывать [о недостатках], раздуть – сократить [о штатах]);

4) повторное действие – антидействие (возвратить – взять, восстановить – разрушить);

5) неопределенное – определенное количество (многозначный – однозначный) [Апресян 1995: 313–315].

Г. П. Мельников исходит из более широкого понимания антонимии, выделяя многоаспектные антонимы, «которые могут быть противопоставлены одновременно и по многим семантическим признакам, лишь бы в рассматриваемом контексте эта противопоставленность действительно подчеркивалась». Для такого понимания антонимии автор предлагает использовать термин «гетеронимия»,

рассматривая обычную одноаспектную антонимию как ее частный случай. Таким образом, исследователь называет гетеронимами речевые противопоставления [Мельников 1971: 58].

Для данного исследования наибольший интерес представляют те антонимы, которые способствуют реализации метатекстовой функции. По результатам проведенного анализа, пояснения через антонимы – явление достаточно редкое в научном тексте, хотя такие толкования возможны (в исследованном корпусе научных текстов было найдено одно пояснение через антоним):

...В момент ее изобретения координата является непременно **общей, а не индивидуальной**... (Карцевский 2001: 77).

...В речи коммуникативная функция чаще выступает на первый план, **не устранив познавательную, но несколько отодвигая ее**... (Баранникова 1998: 54).

Значительно чаще употребляются **гетеронимы**, поскольку они позволяют автору противопоставить самые разнообразные предметы, признаки и явления:

...Мысль о том, что язык **не биологический организм, а общественное явление**, высказывалась и ранее... (Реформатский 2001: 22).

...Метафора оказывается **не просто украшением** при описании уже известного, но прежде всего *носителем нового понимания*... (Петров 1985: 204).

...Предметом, изучаемым в языковедении, является **не один какой-либо язык и не одна какая-либо группа языков, а вообще человеческий язык в его истории**... (Фортунатов 1956: 159).

...Но это слово еще **не единица языка**, это, скорее, **мысле-эмоция** (Горелов 1987: 148).

Автор применяет в этом примере гетеронимы «не единица языка, а мысле-эмоция» с целью наглядного противопоставления объектов, а также с целью обращения внимания читателя именно на этой авторской мысли. Противопоставляя компоненты друг другу, автор статьи использует компонент «скорее», который является вспомогательным метатекстовым средством оценки, с помощью которого автор оценивает степень достоверности собственного высказывания.

Как видно из приведенных примеров, в качестве гетеронима может выступать не слово, а целое словосочетание, обозначающее одно понятие, если того требует логика изложения материала статьи.

Наряду с антонимами и гетеронимами в исследованном корпусе текстов было обнаружено такое явление, как **метафразовое противопоставление**. Термин заимствован из работы О. Н. Шаповаловой: под метафразовым противопоставлением понимается отрицание автором неверного, по его мнению, положения вещей, сопровождаемое

утверждением об истинности иного (верного) положения вещей [Шаповалова 2002: 94], например:

...Тип предложения не остается неподвижным. Он может иметь разные варианты, которые возникают на основе видоизменения и последующего абстрагирования тех или иных составных частей предложения, на основе обогащения и совершенствования его структур... (Виноградов 2001: 204).

Как замечает О. Н. Шаповалова, метафразовое противопоставление часто близко конкретизации: при отрицании истинности некоторого положения вещей допускается возможность иных положений вещей. Поскольку только одно из них принимается говорящим как соответствующее действительности, именно оно и эксплицируется в противопоставлении [Шаповалова 2002: 95–96], например:

...Поскольку фонология в противоположность фонетике должна исследовать функции звуков человеческой речи, она не может ограничивать себя одной экспликативной функцией. Наоборот, фонология обязана принимать во внимание как экспрессивную, так и апеллятивную функции звуков... (Трубецкой 2001: 98–99). (Автор дает понять, какие именно функции звуков должны быть исследованы в области фонологии).

Как и при использовании гетеронимов, часто, употребляя метафразовое противопоставление, автор подчеркивает свое несогласие с позицией другого автора, так как в этом случае отрицается именно верность точки зрения другого лингвиста:

...Что касается первого из этих звеньев (оно включает фазу мотивации и фазу формирования речевой интенции), то А. А. Леонтьев фактически обходит вопрос о характере используемого здесь кода, ограничиваясь здесь замечанием, что в связи с конечным результатом действия факторов, обуславливающих речевую интенцию, «можно говорить только о программе речевого высказывания, об отборе и организации единиц субъективного смыслового кода». В этом случае, очевидно, допущена неточность, поскольку программа речевого действия является результатом не этого, а следующего звена (или этапа) речемыслительного процесса... (Залевская 1990: 65).

Итак, по результатам анализа, толкования через антонимы, гетеронимы и метафразовые противопоставления, в частности, в качестве способа выражения несогласия с мнением других ученых используются автором научной статьи как средство управления пониманием в сознании читателя за счет того, что отрицается некоторое положение вещей и утверждается отличное от него. С помощью этих метатекстовых средств автор делает акцент на значимых фактах, противопоставляя одно понятие или суждение другому.

Перифраза

Перифраза традиционно понимается как стилистический прием, заключающийся в непрямом, описательном, обозначении предметов и явлений действительности (преимущественно эмоционально-экспрессивного характера) [Бельчиков 1998: 371]. При анализе устной диалогической речи О. Н. Шаповаловой было предложено различать языковые и речевые перифразы [Шаповалова 2002: 96]. К языковым перифразам автор относит перифразы-повторы, а также перифразы, образованные по строгим правилам перифразирования (строгие лингвистические перифразы) [Там же].

Правила перифразирования были детально описаны в лингвистической модели «Смысл ↔ Текст» [Мельчук 1974: 152–170]. При перифразировании различаются смысловые эквивалентности и смысловые импликации. В качестве средств производства смысловых эквивалентностей выделяются: 1) синонимические замещения, когда одно из слов в предложении заменяется на его синоним; 2) конверсивные замещения, которые могут быть основаны на двух-, трех- или четырехместных конверсиях; 3) дериватные замещения; 4) замещения с расщеплением (возможны расщепления со связкой, с глаголами, с понятием, родовым по отношению к ключевому слову, а также метонимические и метафорические расщепления и замещения); 5) взаимозамещения лексических коррелятов [Мельчук 1974: 152–158].

Под речевыми перифразами О. Н. Шаповалова понимает целые речевые высказывания или их компоненты, в которых выражается та же мысль, подчеркивая, что это может быть выявлено прежде всего на основе контекстной, ситуативной или апперцепционной импликации. Такое понимание перифразы сходно с понятием коммуникативной перифразы, введенным Р. Ратом: в коммуникативных перифразах выражается «подобное» либо «то же самое», т. е. тема и рема в перифразах относятся к одному референту [Rath 1979: 190–204]. В целях определения основания для выделения речевых перифраз исследователь должен опираться на собственные представления о том, в каких высказываниях автор выражает ту же самую мысль.

Кроме того, О. Н. Шаповалова выделяет переходную группу перифраз, построенных с помощью языковых (устойчивых) и речевых (оказиональных) средств, назвав их лингворечевыми [Шаповалова 2002: 96–97]. В основе образования лингворечевых перифраз лежат грамматические правила перифразирования, однако при их построении используются прежде всего речевые лексические средства (например, контекстуальные синонимы и гетеронимы). Кроме того, возможны перестановки отдельных компонентов или добав-

ления новых, если это не меняет смысла высказывания [Шаповалова 2002: 98].

Необходимо отметить, что не все вышперечисленные группы перифраз встретились в исследованном корпусе текстов. Так, например, исследование показало, что для научного стиля не свойственно употребление перифраз-повторов, т. е. тех перифраз, которые: 1) полностью совпадают с исходным выражением; 2) содержат все компоненты исходного выражения с добавлением нового (новых), не меняющего (-их) смысла ИФ; 3) в которых опущены некоторые компоненты, содержащиеся в ИФ, при сохранении остальных компонентов, а также общего смысла исходного выражения; 4) в которых сохраняется большинство компонентов (но не все) интерпретируемого фрагмента при добавлении нового (новых) компонентов и при сохранении основного смысла исходного выражения [Шаповалова 2002: 98]. В нашем материале не обнаружены и лингворечевые перифразы. Интерпретация этих данных предлагается ниже.

Все перифразы, встретившиеся в научных текстах, являются речевыми. Приведем примеры:

...Это термины разных уровней... Они различны... (Гальперин 1981: 27).

...Ведь у А. А. Ахматовой все начинается с «боя часов» в ушах, т. е. с внешнего ритма (Горелов 1987: 146).

...Признание возможности невербального мышления, т. е. мышления с помощью единиц, не связанных непосредственно с языковыми знаками... (Залевская 1990: 58).

...К тому же развитие когнитивных наук подошло к тому пределу, за которым уже было невозможно дать исчерпывающие ответы на многие вопросы, исследуя когнитивную природу только одного человека: требовалась когнитивная интерпретация социального (Макаров 1997: 36).

Рассмотрим некоторые закономерности употребления перифраз в научном тексте. Автор может перифразировать отдельное понятие, например:

*...Вопрос заключается в том, как мы различаем самую **производность основ этого рода**, т. е. тот факт, что данная основа представляет собой две или несколько определенным образом сочлененных морфем того или иного рода...* (Винокур 1981: 294).

*...Определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая) и определенные, специфические для каждой сферы условия речевого общения порождают определенные **жанры**, то есть определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний...* (Бахтин 1986: 255).

...Помимо знания **общеязыкового кода**, т. е. *правил сочетания слов, морфем, предложений...*, существуют еще варианты этого кода, определяющие правила пользования языковыми средствами в тех или иных типах текста... (Гальперин 1981: 30).

...Важным свойством единиц речи является **производимость**, т. е. *образование («деление») их в процессе речи на основе единиц языка...* (Баранникова 1998: 53).

...Мир наших мыслей гораздо богаче **наличных языковых ресурсов**, т. е. *того, что мы можем выразить непосредственно в данный момент времени...* (Петров 1985: 196).

...Принятие сообщения в акте коммуникации представляет собой активный процесс **девербализации**, т. е. *перевода в код «внутренней речи», в УПК принимаемой знаковой продукции* (Горелов 1987: 151).

В этом примере встречается дефиниция понятия «девербализация».

...На самом раннем этапе большое внимание уделялось так называемому **«психологическому полю»** – *субъективному восприятию индивидом социального окружения* (Макаров 1997: 34).

Интерпретируемым фрагментом в данном примере является выражение «психологическому полю», которое перифразируется в целях более эффективного доведения до читателя информации. Перифразой является словосочетание «субъективному восприятию», выступающее в предложении в роли дефиниции.

...**Десятилетие ушло на накопление материала и идей**: *большинство фундаментальных работ по социально-когнитивной теории появилось только к середине 80-х гг.* (Макаров 1997: 36).

Приведенные примеры демонстрируют, что через перифразу автор часто вводит более или менее строгую научную дефиницию.

По нашим данным, как правило, возникает необходимость пояснения понятий, а не суждений, что, очевидно, объясняется существованием различных трактовок одного термина в разных концепциях. Тем не менее, перифразирование целого суждения также возможно:

...В связи с этим примечательно мнение специалистов в области теории перевода, которые указывают, что **хотя перевод с одного языка на другой может осуществляться на разных уровнях, весьма распространенным является перевод на уровне словосочетаний**. Иначе говоря, *хотя слова одного языка и не схожи со словами другого языка, язык характеризуется в первую очередь используемыми в нем сочетаниями слов...* (Рейман 1976: 180).

...**Таким способом смысловые связи проникают в структуру предложения и связывают предложения между собой**. Иначе говоря, *происходит смысловая интеграция порядка предложений...* (Жинкин 1982: 78).

Стоит отметить также средства введения перифразы. Чаще всего перифраза вводится с помощью компонента *то есть/ т. е.*, например:

...Принцип адаптивности, **согласно которому активность субъекта направлена на заранее установленную цель, т. е. активность описывается как только приспособительная активность**, не позволяет объяснить деятельность человека... (Тарасов 1987: 105).

При этом перифраза может также заключаться в скобки:

...Но не всякое **перенесение слова как знака (т. е. перенесение значения слова)** с одного предмета на другой ведет за собою распространение и обобщение значения слова... (Фортулатов 1956: 164).

Перифразу автор вводит также вводными выражениями *иначе говоря, другими словами, это значит* (в исследовании они рассматриваются как вспомогательные метатекстовые средства указания смысловой эквивалентности двух фрагментов научной статьи, см. раздел 2.2). Приведем некоторые примеры:

...Поэтому всякий раз, когда мы применяем слово как семантическую значимость к реальной действительности, **мы покрываем более или менее новую совокупность представлений. Иначе говоря, мы постоянно транспонируем, употребляем переносно семантическую значимость знака...** (Карцевский 2001: 79).

...**Психолингвистика изучает те процессы, в которых интенции говорящих преобразуются в сигналы принятого в данной культуре кода и эти сигналы преобразуются в интерпретации слушающих. Другими словами, психолингвистика имеет дело с процессами кодирования и декодирования, поскольку они соотносят состояния сообщений с состояниями участников коммуникации...** (Леонтьев 1997: 16–17).

Перифраза может вводиться и без определенного компонента, например:

...Ни одна модель **не является полной, не исчерпывает всех свойств объекта...** (Леонтьев 1997: 10).

На основе исследования русских научных текстов были получены следующие результаты употребления перифраз. Все 433 перифразы, выделенные в проанализированном корпусе текстов, являются речевыми. Предлагается следующая интерпретация этих данных. Представляется, что факт активного употребления авторами речевых перифраз можно объяснить эффективностью этого метафразавого средства, позволяющего при повторном выражении той же мысли выделить ее новые оттенки и грани, используя иные обозначения предмета речи и таким образом привлекая внимание читателя, формируя у него определенные представления о предмете речи. Отсутствие перифраз-повторов, строгих лингвистических и лингворече-

вых перифраз в русских научных текстах можно объяснить следующим: письменный текст продумывается автором заранее и в процессе написания может исправляться, совершенствоваться. Автор анализирует каждое фиксируемое на письме слово, знает, какая мысль последует дальше, какими средствами будет выражена эта мысль, и какие средства необходимо выбрать, чтобы эту мысль подчеркнуть. В научных статьях не принято повторять ту же мысль, не варьируя языковых средств: это обедняет язык изложения материала. Даже подводя итоги, автор избегает дословного повторения приведенных выше положений, подвергает их смысловой компрессии, перифразированию, что определяется самой логикой научного исследования, требующей теоретических обобщений. Из этого следует, что перифраза необходима автору для пояснения, определения другими словами сложного тезиса, нового термина.

Итак, исследование показало, что перифраза является частотным метатекстовым средством. Автор с помощью перефразирования дополнительно останавливается на том или ином факте своего сообщения, намеренно подчеркивает важность какого-либо явления. Перифраза для читателя является средством облегчения понимания содержания научной статьи. Перефразирование какого-либо участка в тексте обращает на себя внимание и способствует лучшему восприятию информации. Функции перифразы в научном тексте заключаются, таким образом, в уточнении, дополнительном толковании ранее изложенного фрагмента. Путем повторного обращения к высказанной мысли перифраза позволяет автору в большей мере воздействовать на реципиента. При этом основной функцией перифразы как метаязыкового средства является дефиниция отдельных понятий, а как метафразового средства – подытоживание или пояснение суждения.

Конкретизация

По результатам исследования, конкретизация является одним из наиболее частотных метатекстовых средств дополнительной интерпретации. В нашем материале было обнаружено 933 конкретизации. Очевидно, частое использование конкретизации обусловлено ее эффективностью при пояснении сказанного ранее: указания на возможные реализации или проявления некоторого положения вещей, а также перечисление отдельных видов, входящих в род, обозначенный в ИФ, позволяют конкретизировать, расчленять более абстрактное понятие или суждение, выраженное в ИФ. Конкретизируя, автор поясняет положение вещей, предельно ясно доводит до сведения читателя научную информацию.

Излагая материал, автор останавливается на каком-либо важном фрагменте текста и конкретизирует этот фрагмент, причем конкретизироваться могут как понятия, так и суждения. Приведем некоторые примеры конкретизации отдельного понятия:

...**Когнитивизм** как *принцип научного описания* пришел на смену, а точнее, был, по сути, реакцией на господство механицизма и бихевиоризма... (Макаров 1997: 34–35).

...Современная антропологическая лингвистика опирается на **понятие жанра** как *на один из наиболее эффективных объясняющих механизмов* при рассмотрении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи (Дементьев 2000: 153).

...**Каждый язык** можно рассматривать как *некий код*... (Гальперин 1981: 30).

...В недавно опубликованной академической грамматике русского языка даются **такие стилистические разновидности языка**: *книжная речь, народная речь, отвлеченно-научная, научно-техническая, газетно-публицистическая, официально-деловая, фамильярная бытовая речь, вульгарное просторечие*... (Бахтин 1986: 255).

...На речевые жанры накладываются эмоциональные обертоны общения, порождающие различные **новые смыслы у одной и той же пропозиции в разных коммуникативных условиях**: *выражение отношения адресанта к тексту, реципиенту, действительности и к самому себе* (Дементьев 2000: 163).

...Бесспорное воздействие на получателя научного текста, если исходить из специфики **науки** как *продукта интеллектуальной деятельности*, может, видимо, оказать то, что рационально, что обращено к разуму... (Наер 1985: 20).

В исследованном корпусе текстов выявлены пояснения через конкретизацию целых суждений:

...**Эта связь имеет двусторонний характер**: *язык не существует вне общества, но и общество не может существовать без языка*... (Баранникова 1998: 5).

...Первичные жанры, входящие в состав сложных, **трансформируются в них и приобретают особый характер**: *утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям*... (Бахтин 1986: 252).

Конкретизация имеет определенные закономерности оформления. В научной статье нередко конкретизирование через обозначение рядоположенных видовых понятий, которое вводится через двоеточие:

...Это уже появилось в пересмотре ряда **базовых психологических категорий**: *установка, восприятие, память, обучение, эмоции др.*... (Макаров 1997: 41).

Конкретизация может представлять собой своего рода «вставки», помещенные в середине или в конце предложения и выделенные через тире:

...Что же касается **следующих, более высоких, ступеней фонологического описания** – *систематики и комбинаторики*, – то они уже совершенно не зависят от фонетики... (Трубецкой 2001: 97).

...**Задача языковедения** – *исследовать человеческий язык в его истории* – требует, как вы видите, определения родственных отношений между отдельными языками и сравнительного изучения тех языков, которые имеют в прошлом свою историю... (Фортулатов 1956: 161).

...Выяснение отношений, характеризующих слово в этой плоскости, и составляет **первую проблему** – *проблему отдельности слова*... (Смирницкий 1981: 204).

Конкретизация может также заключаться в скобки:

...Сенсорные органы **всех модальностей** (*зрения, слуха, осязания*) переводят внешние стимулы на универсальный язык импульсных кодов... (Залевская 1990: 59).

По нашим данным, чаще всего конкретизация вводится при помощи компонента «как»:

...Приходится признать существование таких предложений, назначение которых является не выражение суждения, а выражение **вопроса и побуждения** как *особых разновидностей мысли*... (Виноградов 2001: 206).

...**Язык** как *сущность* находит свое проявление в речи... (Баранникова 1998: 52).

Следует отметить, что конкретизация часто выступает в форме примеров, которые нередко используются автором научной статьи в целях дополнительного разъяснения ИФ, а также обращения внимания читателя на тот или иной факт:

...С точки зрения языковых структур наиболее адресатно ориентированы **местоимения и глагольные формы 2 л., императив, вопрос, вокатив, речевой акт, речевой этикет**, например: *Принеси...; Скажи...; Не знаешь, где?...; Граждане!; Мария Ивановна!; Здравствуй-те!; Благодарю вас! – мн. др....* (Формановская 1988: 102).

В этом примере автор поясняет с помощью конкретизации вышеизложенную мысль. Конкретизация вводится в предложении с помощью вводного слова «например», что уже ориентирует читателя на авторское пояснение. Пример является удобной формой подачи материала, необходимой для осознания научного факта.

...последнее создает общее впечатление тесноты связи на стыке предложений, однако характер ее и причины иные, чем **в более**

поздний период – *период сформировавшегося научного стиля...* (Кожина, Котюрова 1978: 16).

ИФ в данном примере – «более поздний период». Для того чтобы читателю было ясно, какой поздний период имеется в виду, автор толкует высказанную мысль еще раз, перифразируя ее, и вводит словосочетание «период сформировавшегося научного стиля». Эта перифраза удобна для читателя, так как позволяет в полной мере понять авторскую мысль.

Довольно большое количество конкретизаций вводится автором вводными словами «например», «приведем пример(-ы)» :

...Иной раз речь идет об исключительно **тонких оттенках**, таких, например, как *нюансы интонации...* (Трубецкой 2001: 101).

...В научных трудах нередко были **«вставки»** не собственно научного характера, но представляющие собой, например, *воспоминания автобиографического характера... или восхваление достоинств какой-нибудь науки, лица, которому посвящено произведение...* (Кожина, Котюрова 1978: 13).

Нередки случаи, когда в одном предложении встречаются два интерпретируемых фрагмента, например:

...Публицистический стиль ориентирует свои тексты на «просчитываемого» адресата достаточно широко и четко, и **с точки зрения профессиональной ориентации** (*для учителей, для бизнесменов и мн. др.*), и **с точки зрения круга непрофессиональных интересов** (*для автомобилистов, любителей кино и мн. др.*), а также с точки зрения политических пристрастий (Формановская 1988: 101).

В данном случае автор прибегает к уточнению своего утверждения и вводит конкретизирующие элементы «для учителей, для бизнесменов и мн. др.», «для автомобилистов, любителей кино и мн. др.». С помощью этих компонентов автор конкретизирует в первом случае адресата с профессиональной точки зрения, во втором случае автор объясняет, что представляет собой адресат, имеющий непрофессиональные интересы. Необходимо отметить, что графически автор вводит конкретизацию с помощью круглых скобок, что в свою очередь обращает внимание читателя на информацию.

Итак, конкретизация часто оформляется через примеры, нередко вводится через метатекстовое средство «как» и может выделяться графически двоеточием, тире или скобками. Характерной чертой конкретизации является обозначение дополнительных признаков предмета или явления. Конкретизация позволяет проиллюстрировать, раскрыть особенности какого-либо абстрактного понятия или суждения. Конкретизация необходима для детального рассмотрения научной проблемы. Кроме того, авторских замечаний, пояснений

по поводу определенных понятий и целых суждений требует и сама специфика научного изложения информации. Конкретизация является эффективным способом обратить внимание реципиента на то или иное явление, осмыслить данное явление, уловить главную мысль статьи, абзаца, предложения научного текста.

Генерализация

Говоря об употреблении генерализации в неподготовленной диалогической речи, О. Н. Шаповалова подчеркивает тот факт, что генерализация встречается достаточно редко. Автор объясняет это тем, что в большинстве случаев пояснение через это средство едва ли облегчает понимание: родовое понятие теряет некоторые признаки по сравнению с понятиями видовыми [Шаповалова 2002: 104].

Очевидно, по тем же причинам в проанализированном корпусе научных текстов авторы практически не употребляют этого средства. Однако анализ выявил один случай употребления генерализации:

...Со структурой предложения связаны свои особые синтаксические категории, базирующиеся на морфологических категориях, но далеко выходящие за их пределы: **категории времени и модальности, а также – в широком синтаксическом понимании – и категория лица**, т. е. *те категории, которые выражают отношение сообщения к действительности и подводятся под общее понятие «предикативности»*... (Виноградов 2001: 207).

В данном примере генерализация разъясняет «категории времени, модальности и категорию лица». При этом реализуется функция обобщения: автор определяет вышеуказанные категории как «категории, выражающие отношения сообщения к действительности».

Таким образом, можно сказать, что употребление генерализации возможно с целью обобщения сказанного ранее, подведения видовых понятий под одну родовую категорию.

Сравнение

Отметим некоторые особенности употребления сравнения как средства управления процессом понимания в сознании реципиента. Исследование показало, что в научном тексте авторы относительно редко с целью объяснения читателю своих тезисов используют сравнения одного понятия с другим. Все же в проанализированных статьях встретились некоторые случаи употребления сравнений. Приведем характерные примеры:

...**Научному стилю, как и всякому другому, свойственна своя прагматика**... (Наер 1985: 15).

...Системно-структурное и отчасти историческое языкознание были организованы по тому же естественнонаучному принципу, что и традиционная психология... (Макаров 1997: 43).

Функция сравнения заключается в том, что автор, опираясь на фоновые знания читателя, сравнивает обсуждаемое в статье понятие с другим, как правило, хорошо известным читателю. За счет этого автор добивается понимания читателем сущности денотата, о котором идет речь в тексте, например:

...Все многообразные области человеческой деятельности связаны с использованием языка. Вполне понятно, что характер и формы этого использования так же разнообразны, как и области человеческой деятельности, что, конечно, нисколько не противоречит общепризнанному единству языка... (Бахтин 1986: 250).

...Тем самым когнитивно-психологические проблемы, равно как и когнитивно-антропологические, все чаще решаются посредством анализа речевого общения... (Макаров 1997: 39).

Статья может быть посвящена сопоставительному анализу двух и более феноменов, что диктует в свою очередь применение сравнений, например:

...Речь так же системна, как и язык, и состоит из единиц речи, в которых получают свое проявление единицы языка... (Баранникова 1998: 53).

...Прагматическая установка реализуется именно в тексте, так же как и прагматический аспект языка вообще раскрывается на уровне текста как законченного речевого произведения... (Наер 1985: 16).

...Может показаться, что разнородность речевых жанров так велика, что нет и не может быть единой плоскости их изучения: ведь здесь в одной плоскости изучения оказываются такие разнороднейшие явления, как однословные бытовые реплики и много-томный художественный роман, как стандартная и обязательная даже по своей интонации военная команда и глубоко индивидуальное лирическое произведение и т. п. ... (Бахтин 1986: 251).

... Ритуальные реплики приведенного типа действуют, по существу, почти **как** «первосигнальные» – **как выстрел стартового пистолета или возглас «Марш!»...** (Горелов 1987: 147).

...Парадигма как схема представления совокупности форм одного слова могла записываться или демонстрироваться двумя способами... (Кубрякова, Соболева 1987: 5).

... Анализ разных видов информации, проведенный на официально-деловых, газетных, художественных, публицистических текстах, показал, что информация как основная категория текста различна по своему прагматическому назначению... (Гальперин 1981: 27).

... и похвальба, и комплимент, и лесть воспринимаются как существующие жанры (типические ситуации общения) ... (Дементьев 2000: 156–157).

...Его психологическая теория ... стала центральным звеном, позволяющим рассматривать **язык** как основной культурный медиум мышления и деятельности... (Макаров 1997: 39).

В теории коммуникации мера неопределенности обозначается термином «энтропия» и поэтому **информация** рассматривается как нечто противопоставленное энтропии... [Гальперин 1981: 26-27].

...При рассмотрении **информации** как грамматической категории текста необходимо прежде всего учитывать различные типы текстов (Гальперин 1981: 29).

...**Психологическое поле** должно было рассматриваться в комплексе как единое целое, как сложная «конфигурация сил»... (Макаров 1997: 36).

Приведенный пример показывает, что автор может прибегать к двойному сравнению, что делает его высказывание еще понятнее. Причем вводный компонент «как» употребляется два раза.

Кроме того, автор также может сравнивать одно понятие с другим, но в подобных случаях, однако, сравнение не выступает в качестве МТК, как, например, в следующем примере:

...В своих основных чертах грамматическая транспозиция подобна семантической транспозиции. Обе они осуществляются в зависимости от конкретной действительности. Мы не можем останавливаться здесь на том, что их различает. Заметим все же основную разницу между ними. Формальные значимости, естественно, более общи, чем семантические значимости, и они должны служить типами, из которых каждый включает почти неограниченное число семантических значений... (Карцевский 2001: 80).

При сравнении одного понятия с другим автор может использовать метафору. Сравнивая, автор старается приблизить читателя именно к этому факту, а ни к какому другому. Сравнение в сознании читателя вызывает дополнительные образы или же ассоциации, что играет немаловажную роль в восприятии информации.

...**сенсорные органы всех модальностей** (зрения, слуха, осязания) переводят внешние стимулы на универсальный язык импульсных кодов... [Залевская 1990: 59].

В данном случае метафорой является высказывание «сенсорные органы всех модальностей». Метафора выступает здесь в роли ИФ и поясняется конкретизацией – «зрение, слух, осязание». Такое пояснение помогает как автору, так и читателю: автор толкует сказанное ранее с целью подачи четкой информации, он поясняет, что такое

«сенсорные органы всех модальностей»; читателю в свою очередь такое пояснение удобно, так как сама конкретизация (зрение, слух, осязание) проясняет ход авторской мысли. «Зрение, слух, осязание» становятся здесь доступны пониманию, одной метафоры («сенсорные органы всех модальностей») недостаточно для правильного осознания того, что хочет сказать автор.

...характерным признаком языкового развития общества является его **принципиальное двуязычие**: *единому языку... противостоят территориально раздробленные диалекты...* (Жирмунский 1936: 115).

Здесь метафора «принципиальное двуязычие» является ИФ, который поясняется перифразой «единому языку противостоят территориально раздробленные диалекты». Это толкование в большей мере помогает охватить авторскую мысль, реципиенту сразу становится понятным, что понимает автор под двуязычием общества.

...**понятие модели излишне сужается**, например, *считаются единственно научными только аксиоматические модели или только математические модели...* (Леонтьев 1997: 10).

На данном примере также можно наблюдать, как автор поясняет сказанное ранее: сначала вводится метафора «понятие модели излишне сужается», эта метафора является ИФ, затем компонентом «например» вводится перифраза, поясняющая метафору. Читателю сразу понятно, что имеет автор в виду, что такое сужение понятия модели, как эта модель сужается. Употребляя метафору и поясняя ее, автор стремится достигнуть цели: подробно объяснить читателю тот или иной процесс в науке.

...понятие парадигмы предполагает наличие **ядерной, исходной** единицы... (Кубрякова, Соболева 1987: 9).

Метафора «ядерная единица» становится понятной за счет ее уточнения словом «исходная». Данный пример подтверждает, что автору необходимо подобное толкование. Такое толкование необходимо и читателю: становится понятным, что понимает автор под ядерной единицей.

В научных статьях метафора встречалась и как интерпретирующий фрагмент:

...**язык** выступает как *средство выражения сознания...* (Баранникова 1998: 54).

«Язык» здесь является интерпретируемым фрагментом и поясняется метафорой «средство выражения сознания». Метафора в данном случае представляет собой конкретизацию и вводится компонентом «как». С помощью метафоры автор поясняет в этом предложении понятие «язык», демонстрируя этим возможности метафоры как украшения речи.

Итак, сравнения употребляются автором научного текста с целью обращения внимания читателя на особенности какого-либо понятия за счет того, что указывается общий признак двух разных денотатов. Тем не менее, необходимо отметить, что данное средство не является частотным. Это можно объяснить тем, что чаще возникает необходимость перифразировать ту же мысль с помощью других языковых средств или же конкретизировать некоторое понятие или суждение, чем сравнивать референт с иным предметом, явлением или процессом. Используя наряду с другими метатекстовыми компонентами сравнения одного понятия с другим, автор обычно сначала указывает признак, на основе которого образуется сравнение, а затем указывает предмет, обладающий тем же признаком, при этом можно проследить закономерность употребления связующего компонента «как», с помощью которого вводится дальнейшее сравнение. Введения сравнения возможно также при употреблении компонентов *будто, словно, скорее*, исследованный материал выявил присутствие лишь компонента *как*. Это возможно объяснить тем, что *будто, словно, скорее* присущи только какому-либо другому стилю речи – литературной, разговорной (нелепо было бы использовать данные компоненты в научной статье, например: *...обратиться к анализу дискурса словно к модели и методу строительства новой парадигмы*). Строгий стиль изложения речи научной не допускает подобных компонентов, выбор определенных частей речи и их построения диктует свой выбор и связующих компонентов.

Метатекстовый комментарий

Излагая научную информацию, автор статьи нередко дает собственный комментарий, явно имеющий метатекстовый характер. Метатекстовый комментарий представляет собой фрагмент метатекста, дополняющий содержание основного текста. Рассмотрим несколько характерных примеров:

...Сравнение научных текстов XIX в. и особенно современных, (в последних отмечаемый процесс проявляется особенно ярко), с научными текстами XVIII в. весьма наглядно обнаруживает заметные изменения... (Кожина, Котюрова 1978: 12).

...Действия человека... имеют двойную детерминацию: свойствами объекта и целями деятельности. (Принцип, кстати говоря, обоснованный еще в классической немецкой философии)... (Тарасов 1987: 104).

Обычно метатекстовый комментарий помещается автором сразу после интерпретируемого фрагмента и заключается в скобки, например:

...Следовало бы, чтобы в синтаксисе не только изучались омонимические и синонимические сдвиги каждой формы (что,

впрочем, является единственным средством для понимания значения функции каждой формы), но и были сделаны попытки определить, в какой конкретной ситуации и в зависимости от каких понятий значимость знака приходит к своей противоположности... (Карцевский 2001: 81).

...Довольно часто произношение какой-либо группы говорящих отличается от обычного либо тем, что пренебрегает **смыслоразличительными** (а стало быть, существенными в эксплицитном плане) противоположениями звуков, либо тем, что обнаруживает эти противоположения там, где они не известны произношению других групп... (Трубецкой 2001: 103).

Информация метатекстового комментария носит различный характер. В большинстве случаев метатекстовый комментарий представляет собой своего рода авторские замечания и дополнения по тому или иному вопросу, как например:

...Можно сделать вывод, что адресат как интерпретатор текста должен (в соответствии со своей коммуникативной ролью) а) принять информацию и б) понять ее..., а также в) отреагировать на полученную информацию... (Формановская 1988: 105).

...Специальных исследований по эволюции русской научной речи (за исключением также работ общесторических и посвященных вопросам терминологии), к сожалению, пока немного... (Кожина, Котюрова 1978: 3).

В последнем примере авторы рассуждают о количестве лингвистических трудов в области развития научной речи, подчеркивая их небольшое количество. При этом авторы вносят поправку в свое высказывание, замечая, что такие труды существуют, но в других направлениях.

Кроме того, автор может оговаривать условия, в которых высказываемое научное положение недействительно:

...Мы уже показывали, что выразительные движения могут заменить любой член предложения (отсюда и функционирование различных эллипсисов, не восстанавливаемых из соседних реплик) и любое предложение целиком (если, конечно, ситуация и невербальное выразительное движение позволяют это сделать) (Горелов 1987: 149).

«Детали» из скобок помогают усвоить информацию после прочтения основного текста. Необходимость подобных авторских ремарок заключается прежде всего в том, что метатекстовый комментарий содержит дополнительную информацию о предмете обсуждения. Кроме того, метатекстовый комментарий дает автору возможность вынести в скобки менее значимые в смысловом отношении фраг-

менты текста, что позволяет структурировать высказывание и привлечь внимание читателя к наиболее важной информации.

Метакомплекс

Термин «метакомплекс» вводит О. Н. Шаповалова, понимая под ним совокупность метатекстовых компонентов, восходящих к одному интерпретирующему фрагменту. При этом отмечается возможность «выделения не только метатекстового, но и метаметатекстового, т. е. поясняющего сами метатекстовые компоненты, уровня толкования» [Шаповалова 2002: 114]. Исследование показало, что метакомплексы нередко используются в научных текстах: в корпусе исследованных статей было обнаружено 34 случая толкований одного ИФ с помощью нескольких метатекстовых компонентов. Рассмотрим несколько характерных примеров:

...Морфологическая парадигма, представляющая собой в общем виде *образец системы форм одного слова*, т. е. *совокупность организованных определенным образом словоформ, реализующих одно слово*, характеризуется следующими обязательными признаками... (Кубрякова, Соболева 1987: 8).

В данном примере «морфологическая парадигма» интерпретируется дважды с помощью двух перифраз: «образец системы форм одного слова» и «совокупность организованных определенным образом словоформ, реализующих одно слово».

...Сегодня сложилась ситуация, когда «движение внутрь» начинается **в другом направлении**, т. е. *с анализа языка, от лингвистики к психологии*: в этом как раз и заключается главная особенность новой дисциплины... (Макаров 1997: 43).

В данном примере интерпретируемым фрагментом является выражение «в другом направлении». ИФ перифразируется («с анализа языка»), а затем конкретизируется («от лингвистики к психологии»). Употребление двух метатекстовых компонентов позволяет донести до реципиента смысл авторского высказывания.

...Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и **приобретают особый характер**: (1) *утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям*; например, (2) реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни... (Бахтин 1986: 252).

Все метатекстовые компоненты в приведенном примере восходят к одному ИФ – «приобретают особый характер». Сначала автор поясняет, что это означает, используя конкретизацию (1). Далее автор с помощью примера уточняет, как происходит «утрачивание отношения к реальной действительности». Для этого он вновь использует конкретизацию (2). С целью уточнения последнего выражения употребляется конкретизация – «то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни», причем включающая гетеронимы, которые позволяют сделать акцент на значимом смысловом фрагменте. Таким образом, данный метакомплекс включает толкования через три конкретизации и гетеронимы.

По нашим данным, в большинстве случаев метакомплекс включает в себя два метатекстовых средства, восходящих к одному ИФ: конкретизацию и перифразу, например:

...Языковедение, как науку, задача которой познать язык в его истории, нельзя смешивать, понятно, **с изучением какого-либо языка для практической цели**, т. е. *с целью владеть этим языком как средством для достижения других целей, например, для обмена мыслями...* (Фортунатов 1956: 162).

...Введение третьего звена – деятельности – между субъектом и объектом объясняет **различие отображений в психике разных людей одного предмета**: *внешние объекты так отображаются в психике человека, как они входят в его деятельность, т. е. отображаются те стороны объекта, которые открываются человеку в процессе воздействия на этот объект...* (Тарасов 1987: 102).

Используя комплекс метатекстовых средств, автор пытается более эффективно воздействовать на внимание реципиента, убедить его в истинности своего мнения, детально разъяснить свою мысль. Необходимость многократной интерпретации обусловлена сложностью содержания научной статьи.

Таким образом, метаязыковые и метафразовые средства, как употребляемые изолированно друг о друга, так и составляющие метакомплекс, позволяют автору управлять процессом понимания в сознании читателя.

Метаязыковые (метафразовые) компоненты, построенные на основе переноса значения

Метаязыковые и метафразовые компоненты высказываний могут быть построены не только на основе буквального употребления входящих в них слов (как в большинстве вышеприведенных примеров), но и на основе метафорического переноса значений. В данном разделе

необходимо рассмотреть такое метатекстовое средство как метафору (метатекстовых компонентов, построенных на основе метонимического переноса значения, в исследованном корпусе текстов обнаружено не было).

В исследованном корпусе текстов выявлено употребление 815 метафор: из них 358 метафор, являющихся метатекстовым средством, 185 метафор в качестве интерпретируемого фрагмента; остальные метафоры (272) не вошли в состав ни МТК, ни ИФ.

Прежде всего приведем примеры употребления метафор в качестве интерпретирующего фрагмента. По нашим наблюдениям, значительное количество толкований через конкретизацию построено на основе метафорического переноса значения. Приведем примеры:

...Догадки прежних исследователей об **интонации как об одном из непосредственных носителей мысле-эмоций** теперь научно подтверждены... (Горелов 1987: 147).

...Предложения типа да, нет, конечно и т. п., нередко очень экспрессивные, выражают модальную квалификацию сообщения и иногда содержат побуждение к какому-либо действию, следовательно, они также выражают синтаксическую категорию модальности... Предложения этого типа употребляются преимущественно в диалогической речи, в ответных и вопросительных репликах собеседников. **Они могут, как отголоски внутреннего диалога, употребляться и в монологической речи, при подтверждении уже высказанного, при возражении самому себе и в других подобных случаях...** (Виноградов 2001: 208).

На основе метафорического переноса возможно также перифразирование, например:

...Внутри предложения грамматическая цельность образуется в результате правил бинарности речевых форм. Но именно это обстоятельство приводит к **разрыву между предложениями**. *Такие разрывы можно назвать скважинами...* (Жинкин 1982: 78).

...Интонация не является средством формирования и воплощения мысли, без слов она может быть выразительной, но **не является содержательной**, т. е. *не служит материальной оболочкой мысли...* (Виноградов 2001: 207).

...Все типы преобразований, фиксируемых и в гнезде, и в парадигме, описываются, в конечном счете, с помощью одного и того же понятия – понятия **формальной операции** или же *деривационного шага...* (Кубрякова, Соболева 1987: 11).

...Л. Ельмслев полагает, что и язык и речь можно рассматривать **как схему**, т. е. *как чистую форму*, определяемую независимо от ее социального осуществления и материальной манифестации... (Звегинцев 1967: 97).

Употребляя метафору в научном тексте, автор для достижения однозначного понимания нередко дополнительно расшифровывает ее через метатекстовые средства, к которым, по нашим наблюдениям, относятся прежде всего конкретизация, перифразы и синонимические замены. В этом случае метафора является интерпретируемым фрагментом. Приведем примеры употребления метафоры в качестве ИФ, поясняемого через конкретизацию:

...Эта ситуация разрешилась в середине 70-х гг. **рождением нового направления: социально-когнитивной теории...** (Макаров 1997: 36).

...В научных трудах раннего периода нередкими были **«вставки»** – и довольно пространные – не собственно научного характера, но представляющего собой, например, *воспоминания автобиографического характера или восхваление достоинств какой-нибудь науки, лица, которому посвящено произведение...* (Кожина, Котюрова 1978: 13).

...Человек всегда может использовать **готовый материал языка** (слова, предложения) как «формулы» или «матрицы» не только для известного, но и для нового... (Реформатский 2001: 24).

Рассмотрим примеры употребления метафоры в качестве фрагмента, интерпретируемого перифразой:

...Начнем с того, что обратимся к интроспективному описанию **процесса рождения стиха**, с того, что называется *ощущением «внутреннего гула»...* (Горелов 1987: 145).

В данном примере можно наблюдать пояснение метафоры посредством другой метафоры.

...По-видимому, именно этот второй способ представления парадигмы мог быть позднее переосмыслен **как отражение путей складывания каждой из форм парадигмы**, т. е. *генеративно...* (Кубрякова, Соболева 1987: 5).

...Поэтому всякий раз, когда мы применяем слово как семантическую значимость к реальной действительности, **мы покрываем более или менее новую совокупность представлений**. Иначе говоря, *мы постоянно транспонируем, употребляем переносно семантическую значимость знака...* (Карцевский 2001: 79).

Возможно толкование термина, возникшего на основе метафорического переноса, с помощью синонима, например:

...Несмотря на очевидное различие самих этих видоизменений, не вызывает сомнения, что и то и другое понятия описывают схемы **порождения** или *деривации* вторичных единиц, базирующихся на одной исходной единице и тем самым ассоциирующихся с этим исходным словом... (Кубрякова, Соболева 1987: 10).

В данном примере ИФ «порождение» является метафорой и поясняется через контекстуальный синоним «деривация».

Тем не менее, значительное число метафор, встретившихся в исследуемом материале, не входило в состав ни интерпретируемого фрагмента, ни метатекстового компонента. Очевидно, это объясняется следующими причинами. Метафоры в научном тексте представляют собой: 1) термины, понятные реципиенту, например, «научная картина мира», «искусственный интеллект», «размытые множества» (Макаров 1997: 34); «поток мысли» (Кожина, Котюрова 1978: 6); «модальная окраска» (Виноградов 2001: 212); 2) штампы, сложившиеся в научном стиле, например, «язык защищается от этих воздействий речи» (Звегинцев 1967: 105); «из такого понимания вытекают явления» (Жинкин 1982: 89); «наблюдается много явлений, обнаруживающих живую связь между членением производных основ на морфемы и омонимией» (Винокур 1981: 300); «язык знает» (Трубецкой 2001: 95); «под флагом материализма» (Реформатский 2001: 22); «всплыл очень старый вопрос» (Щерба 2001: 184) и т. п. Кроме того, как правило, смысл индивидуальных (оказиональных) метафор понятен читателю из контекста, что опять-таки приводит к тому, что нет необходимости дополнительного пояснения метафорического компонента, как в следующем примере:

...Лексическая полисемия путем отбора слов открывает широкие возможности для включения в ансамбль смысловых сдвигов, которые приближают их значения с некоторым порогом к замыслу говорящего... (Жинкин 1982: 80).

Таким образом, метатекстовые компоненты могут быть построены и на основе метафорического переноса значения: в этом случае метафора встречается в научном тексте как фрагмент, с помощью которого автор поясняет сказанное ранее. Нередко метафоры употребляются и в качестве ИФ. Кроме того, метафоры могут носить окказиональный характер, тем не менее, как правило, их значение понятно читателю из контекста. Метафора в научном тексте связана с образным использованием слов и способна направлять внимание на некоторые смысловые фрагменты. С помощью метафоры читатель может реагировать на ту информацию, которая представляется важной для автора статьи. Рассмотрение метафоры в рамках исследования является актуальным. Используя данный компонент, автор достигает большей экспрессивности своего высказывания, чем, в свою очередь, привлекает читателя.

Употребление метатекстовых компонентов теоретически может быть построено также на основе метонимического переноса значения. Однако такие случаи в исследованном корпусе текстов обнаружены не были. Это связано с тем, что метонимия является тропом, характерным в большей степени для разговорной речи, публицистики,

словесно-художественного текста, но не для стиля научной литературы, который предполагает объективность, точность, ясность, взвешенность и соразмерность оценок. Научный текст отличается прагматической направленностью на конечный результат, так что словоупотребление должно быть максимально точным, лишенным специальных стилистических украшений. Поэтому метатекстовые компоненты на основе метонимического переноса значения практически не употребляются авторами в научных текстах.

Перейдем к количественному анализу употребления метаязыковых и метафразовых средств. Представляется целесообразным произвести подсчет всех обнаруженных в научных текстах МТК по следующей формуле:

$$P = n/N,$$

где P – частота, n – количество исходов «появления данного средства», N – общее количество словоупотреблений в соответствующем корпусе текстов.

Поскольку количество исходов n для отдельных средств в полученном материале исследования относительно невелико, достоверность измерения частоты проверялась через подсчет относительной ошибки по формуле:

$$\delta = \frac{2}{\sqrt{n}},$$

где δ – относительная ошибка для уровня значимости $\rho = 0,95$, n – число исходов «появление данного средства» [Фрумкина 1961: 73–76].

Итак, общее количество словоупотреблений – N составляет 123 231.

Таблица 1

**Частота метатекстовых средств дополнительной интерпретации
в русских научных текстах**

Средства	Количество исходов «появление данного средства» – n	Частота – P	Относи- тельная ошибка – δ
Синонимические замены	137	0,0011	0,17
Антонимические выражения с отрицанием	63	0,0005	0,25
Перифразы	433	0,0035	0,09
Конкретизация	933	0,0076	0,07
Метатекстовый комментарий	56	0,0005	0,27
Общее количество МТК	1 636	0,0133	0,05

В табл. 1 включены только те средства, у которых относительная ошибка при подсчете частоты не превышает 30 %. Из-за низкого показателя n мы отказались от оценки частоты употребления генерализации и сравнения. Однако следует учитывать, что общее количество МТК (1 636) содержит и случаи употребления генерализации (1) и сравнений (13).

Согласно подсчетам употребления метатекстовых средств в русских научных текстах, установлено, что наиболее частотными средствами являются конкретизация и перифраза. Частотность употребления этих средств можно объяснить тем, что они в большей степени, чем другие метатекстовые компоненты, позволяют автору разъяснять научные положения. Это происходит за счет того, что лексические и графические средства, которые употребляются при толковании через конкретизацию и перифразу, являются наиболее удобными, самыми распространенными и действенными способами введения научной трактовки. Конкретизация раскрывает особенности какого-то понятия или суждения за счет примеров и в какой-то мере благодаря графическому выделению через двоеточие, тире, скобки. Перифраза позволяет автору дополнительно остановиться на каком-то смысловом отрезке путем повторного обращения к научной информации или введения научной дефиниции.

Используя те же формулы оценки частоты и относительной ошибки, перейдем к подсчетам метафор, употребленных в исследованном корпусе текстов.

Таблица 2

Частота метафор в русских научных текстах

Средства	Количество исходов «появление данного средства» – n	Частота – P	Относительная ошибка – δ
Метафоры как МТК	358	0,0029	0,11
Метафоры как ИФ	185	0,0015	0,15
Остальные метафоры	272	0,0022	0,14

Как видно из табл. 2, наибольшее количество составляют метафоры, вошедшие в число МТК. Второе место занимают метафоры, которые не относятся ни к ИФ, ни к метатекстовым компонентам дополнительной интерпретации. Метафоры, играющие роль ИФ, занимают третью позицию. Полученные данные свидетельствуют о том, что вопреки существующей точке зрения о том, что метафора в научном тексте может затруднять его понимание, авторы используют значительную долю этих средств именно с целью толкования отдельных

фрагментов. Вероятно, этот на первый взгляд парадоксальный факт объясняется образностью метафоры, способствующей созданию своеобразной метафорической иллюстрации к сказанному ранее. В то же время сама метафора далеко не всегда требует пояснения по причинам, указанным выше.

Таким образом, проведенное исследование корпуса русских научных текстов позволяет сделать заключение о том, что в процессе создания научного текста авторы для детального разъяснения научной проблемы используют дополнительные средства толкования своих суждений и отдельных понятий. К таким средствам в рамках данного исследования относятся в первую очередь синонимические замены, антонимические выражения с отрицанием (антонимы, гетеронимы, метафразовое противопоставление), перифраза, конкретизация, генерализация, сравнения и метатекстовый комментарий. Данные средства могут употребляться изолированно друг от друга, а также в метакомплексе. Кроме того, возможно использование МТК на основе метафорического переноса значения. Согласно результатам анализа, наиболее активное участие в дополнительной интерпретации сказанного ранее принимают перифраза и конкретизация, что можно объяснить удобством их использования при толковании сложных текстовых фрагментов.

2.2. Роль вспомогательных метатекстовых средств в управлении процессом понимания в сознании читателя (на материале русских текстов)

В настоящем разделе рассматриваются некоторые метатекстовые средства, объединенные в группу вспомогательных, которые наряду со средствами дополнительной интерпретации используются авторами с целью облегчения понимания читателем содержания научного текста. Здесь необходимо остановиться на самых распространенных вспомогательных метатекстовых средствах (ВМТС), дать характеристику выполняемых ими функций.

В качестве примера ВМТС можно привести некоторые метатекстовые средства, выделенные А. Вежбицкой, в частности, указывающие на логический субъект высказывания (насчет..., что касается...) или на направление хода мысли (во-первых..., во-вторых..., кстати..., впрочем...) [Вежбицка 1978: 409–411]. В данном исследовании в группу ВМТС для удобства описания объединены средства, не имеющие непосредственного отношения к рассматриваемому в научном

тексте предмету и служащие облегчению понимания содержания этого текста. При этом способ воздействия на сознание реципиента может быть различным в зависимости от функций ВМТС, которые необходимо выявить в процессе анализа. В качестве критерия выделения вспомогательных метатекстовых средств мы основываемся на возможности их опущения без искажения смысла фрагментов, имеющих непосредственное отношение к предмету речи.

Некоторые ВМТС описаны в специальной литературе, хотя их принадлежность к метатексту указывается не всегда. Так, говоря о специфике научного текста, М. Н. Кожина и П. Р. Дускаева выделяют следующие средства выражения диалогичности:

а) различные формы выражения побуждения к сомышлению: «Разберем один пример», «Вспомним теперь...», «Рассмотрим три системы...»;

б) конструкции и обороты связи: «Как это было ранее показано автором», «Как уже отмечалось выше», «Ниже приводится методика», «В этой главе мы будем касаться...» и т. д.;

в) вставные конструкции, в том числе с интонацией восклицания, в значении «обратите внимание»: «Этот поток атома приводит к уничтожению кристалла».

г) вопросно-ответный комплекс: «Одним из ответов будет тот, что...», «Данное исследование ставит массу вопросов, почему...» и т. п.;

д) использование восклицательных предложений;

е) разные способы выражения предписания, рекомендации: «Следует исходить», «Следует различать», «Необходимо иметь в виду» и т. д.;

ж) конструкции с пояснительным союзом «то есть»;

з) противопоставления с противительными и соединительными союзами, с усилительными частицами с целью актуализации, усиления смысла: *но, однако, не только* и т. д.;

и) переносные значения слов, обычно употребляемых в кавычках: «расползание» меченого слоя, «прокатывается» волна жизни и т. д.;

к) оценочные интензивы: «Это отличается удивительной точностью», «Одно из величайших событий» и т. п. [Кожина, Дускаева 1987: 146].

Авторы указывают на возможность «задушевных бесед с читателем», учитывающих возможные реакции читателя на слова автора: «Видимо, некоторые читатели усомнятся» [Кожина, Дускаева 1987: 149–150]. Хотя авторы исследуют не метатекстовые компоненты, а средства выражения диалогичности, некоторые из этих единиц можно также рассматривать как элементы метатекста, поскольку они не имеют непосредственного отношения к референту. Некоторые из этих средств, однако, не относятся к метатексту (например,

входящие в группы в, д, з, и, к), так как, на наш взгляд, непосредственно описывают референт, так что их отсутствие привело бы к потере смысла текстового фрагмента.

Особое внимание уделяется средствам связи и структурирования научного текста. Так, И. А. Волжина вводит понятие «конституенты», отмечая, что они помогают читателю удерживать в памяти информацию. С этих позиций данные средства подразделяются на следующие виды: проспективные, дейктические, противительные, отсылочные и резюмирующие конституенты [Волжина 1976: 26]. Рассмотрим эти группы конституентов, выделяя средства, которые мы относим к вспомогательным метатекстовым.

Функцией **проспективных конституентов** является установление контактности и координации фрагментов текста с одновременной ориентацией реципиента на последующую информацию. К этой группе относятся вводные слова и обороты: «во-первых», «прежде всего», наречия «соответственно», «следовательно», «значит», «в таком случае», «прежде чем», «во всех отношениях». Введение их в текст научной статьи помогает реципиенту представить последующее научное описание и подготавливает к восприятию научной литературы [Волжина 1976: 27]. Но не все эти средства, как, например, «в таком случае» и «во всех отношениях», целесообразно рассматривать как метатекстовые, исходя из критерия потери смысла фрагмента при их отсутствии.

Функция **дейктических конституентов** заключается, как следует из самого названия, в указании на отдельные стороны предмета научного исследования при детальном описании той или иной подтемы. Они облегчают понимание соотношения фрагментов текста научной статьи и эксплицитно раскрывают это соотношение. К этим средствам относятся следующие: «этот», «тот», «оба», «такой», «какой», «с одной стороны... с другой стороны», «только», «подобный», «действительно» и т. д. [Волжина 1976: 27]. В рамках данного исследования в качестве вспомогательных метатекстовых средств мы будем рассматривать только выделенные средства: «с одной стороны... с другой стороны» – как средство связи, «действительно» – как средство оценки автором достоверности излагаемых фактов. Остальные дейктические конституенты, как представляется, описывая предмет речи, относятся к тексту как таковому, а не метатексту, хотя, безусловно, возможно создание и иной модели [см. Вежбицкая 1978: 409–411].

Противительные конституенты представлены группой союзов и наречий «но», «так как», «поскольку», «однако», «тем не менее», «все же». И. А. Волжина отмечает, что их функцией является сопоставле-

ние фактов информации, введение и обоснование того или иного научного предположения в результате допущения обоснованности мнения другого ученого, однако с введением аргумента, опровергающего весомость этого мнения [Волжина 1976: 29]. Но в данном исследовании как метатекстовые компоненты целесообразно рассматривать только противительные конститuentы, выраженные наречиями. Союзы не рассматриваются, так как они выполняют в тексте синтаксическую функцию объединения одного предложения с другим и, как представляется, принадлежат собственно тексту.

Отсылочные конститuentы, по мнению И. А. Волжиной, выполняют в тексте ретроспективную функцию отсылки к предшествующей содержательно-фактуальной информации. По направленности отсылочные конститuentы можно подразделить на две группы: отсылки к источникам и отсылки к ранее изложенной в статье информации [Волжина 1976: 34]. Этот тезис важен для данного исследования, так как в научном тексте авторы очень часто ссылаются на исследования других авторов, а также в целях актуализации информации в сознании читателя возвращаются к ранее изложенным мыслям. Отсылочные конститuentы помогают восстановить в памяти реципиента факты информации, необходимой для дальнейшего развертывания текста. К данной группе конститuentов автор относит, например, наречия «уже», «предварительно», «недавно», «вновь», «ранее»; причастия / деепричастия «возвращаясь», «ссылаясь», «упоминая», «переходя к ...» и т. д.

Резюмирующие конститuentы служат в целях обобщения фактов содержательной информации, например, «итак», «таким образом», «из этого следует», «следовательно», «в результате этого», «делая вывод» и т. п. [Волжина 1976: 38].

Безусловно, отсылочные и резюмирующие конститuentы относятся к метатексту.

Понятие вспомогательных метатекстовых средств вводит О. Н. Шаповалова и выделяет на материале устной диалогической речи следующие их виды:

1. ВМТС, указывающие на связи между компонентами высказывания или между высказываниями говорящего.

2. ВМТС, привлекающие внимание собеседника к отдельным компонентам высказывания.

3. ВМТС оценки.

3.1. По отношению к собственному высказыванию.

3.1.1. ВМТС, с помощью которых говорящий оценивает степень достоверности своих высказываний либо свою компетентность в обсуждаемом вопросе.

3.1.2. ВМТС, с помощью которых говорящий оценивает форму своего высказывания.

3.2. По отношению к высказыванию собеседника.

3.2.1. ВМТС выражения согласия с мнением партнера.

3.2.2. ВМТС выражения несогласия с мнением партнера (отчасти они выполняют метакоммуникативную функцию побуждения партнера к высказыванию).

3.3. По отношению к референту.

3.3.1. ВМТС интеллектуальной оценки.

3.3.2. ВМТС эмоциональной оценки [Шаповалова 2002: 60].

Очевидно, что не все из указанных групп средств характерны для научного стиля. Так, представляется нецелесообразным исследовать средства эмоциональной оценки, а с учетом монологической формы научных текстов мы не рассматриваем средств выражения оценки по отношению к высказываниям собеседника.

Исследуя ВМТС, указывающие на связи между компонентами высказывания или между высказываниями говорящего, О. Н. Шаповалова различает:

1) ссылки на собственные высказывания или высказывания собеседника;

2) описание структуры высказывания (высказываний);

3) указание на направление хода мысли говорящего;

4) установление (квази)эквивалентности внутри текста;

5) указание на противоположности;

6) указание на наличие или отсутствие причинно-следственных связей;

7) подытоживание [Шаповалова 2002: 128].

Среди ВМТС, привлекающих внимание реципиента к отдельным компонентам высказывания, выделяются следующие подгруппы:

1) эксплицитное указание на тему (предмет) разговора (в том числе, через вопрос и специальные клише, например, *что касается*;

2) анафорические местоимения и наречия;

3) остальные средства привлечения внимания (*можно сказать, необходимо отметить, дело в том, что...*) и т. д. [Шаповалова 2002: 134–135].

Говоря о ВМТС, с помощью которых говорящий оценивает степень достоверности своих высказываний, О. Н. Шаповалова отдельно анализирует средства высокой оценки говорящим степени достоверности своих высказываний – *конечно, безусловно, бесспорно* и т. п.; средства низкой оценки – *может быть, наверно, возможно, (мне) кажется, предположительно*, а также средства нейтральной оценки – *по-моему, я считаю, я думаю* и т. п. [Шаповалова 2002: 140].

Перечисленные лексические средства являются распространенными, закономерными, действенными способами текстообразования, они способствуют созданию цельности, связности текста.

Итак, на основании результатов анализа научных текстов и с учетом специфики этого материала представляется целесообразным уточнить классификацию вспомогательных метатекстовых средств, предложенную О. Н. Шаповаловой. Сразу необходимо отметить, что ВМТС, как правило, полифункциональны и объединяются в одну группу по критерию функции, которая представляется нам доминирующей.

Остановимся на рассмотрении основных групп вспомогательных метатекстовых средств.

ВМТС, указывающие на связи между отдельными фрагментами текста или содержащие межтекстовые ссылки (ВМТС 1), подразделяются нами на следующие подгруппы:

- 1) ссылки на собственные высказывания или высказывания других авторов, отсылочные конститuentы (ВМТС 1.1);
- 2) описание структуры текста (ВМТС 1.2);
- 3) указание на направление хода мысли автора (ВМТС 1.3);
- 4) установление (квази)эквивалентности внутри текста (ВМТС 1.4);
- 5) указание на противоположности (ВМТС 1.5);
- 6) указание на наличие причинно-следственных связей (ВМТС 1.6);
- 7) подытоживание/резюмирующие конститuentы (ВМТС 1.7).

Ссылки на собственные высказывания или высказывания других авторов, отсылочные конститuentы (ВМТС 1.1), служащие в процессе прочтения статьи своеобразными мнемическими опорами, позволяют автору в случае необходимости актуализировать в памяти реципиента содержание ранее изложенной информации. Приведем примеры отсылочных конститuentов:

...Теория речевой деятельности – советская психолингвистика – возникла, как уже упоминалось, в результате использования объяснительных схем обще-психологической теории деятельности для анализа речи... (Тарасов 1987: 98).

...Как уже отмечалось, основные функции языка свойственны и речи... (Баранникова 1998: 53).

...Как было отмечено выше, смысловые связи в отличие от грамматических не заданы заранее... (Жинкин 1982: 81).

...Выше мы уже не раз упоминали в связи с предметом науки термин модель... (Леонтьев 1997: 8).

...Я сказал, что предметом языковедения является человеческий язык в его истории ... (Фортунатов 1956: 159).

Отсылочные конститuentы выступают как средства, указывающие на высказанную ранее мысль. Вновь возвращаясь к тому или

иному факту, автор с помощью этих средств направляет внимание читателя на необходимую информацию.

Помимо отсылок к ранее изложенной в статье информации в научном тексте нередко межтекстовые ссылки, как правило, на работы других исследователей. При этом функции метатекстовых ссылок могут быть различными.

Так, автор для детального освещения научной проблемы может прибегнуть к ее рассмотрению с позиции других ученых. Например:

...Как показал Н. И. Жинкин, перед тем, как будет произнесено любое первое слово будущего предложения, надгортанник и другие органы артикуляции займут такое положение, которое соответствует общей интонационной схеме будущего высказывания... (Горелов 1987: 148).

Автор может одобрять позицию другого исследователя, выражать согласие с его точкой зрения, например:

...По удачному определению Э. В. Ильенкова: «Категории как раз и представляют собою те общие формы (схемы) деятельности субъекта, посредством которых вообще становится возможным связный опыт, т. е. разрозненные восприятия фиксируются в виде знания» (1984, с.67)... (Леонтьев 1997: 14).

Говоря о графическом оформлении, следует отметить, что нецелесообразно детально описывать, как авторы оформляют межтекстовые ссылки, так как эти правила жестко определены в соответствующих нормативных документах, однако отметим основные правила.

Так, исследуя научную проблему, автор довольно часто проводит обзор литературы, где указываются различные подходы к обсуждаемой проблеме. При этом обзор может быть достаточно длинным, состоять из нескольких абзацев, где предоставлены трактовки других ученых с соответствующими ссылками на специальную литературу, например:

...Среди ученых нет единого понимания знака в языке, и многие это понятие объясняют по-разному.

...Термином «знак» охотно и широко пользовался Ф. Ф. Фортунатов, который писал: «Язык представляет... совокупность знаков главным образом для мысли и для выражения мысли в речи...».

...Очень важные различия в области теории знака указывает в «Логических исследованиях» немецкий логик Эдмунд Гуссерль: 1) всякое выражение есть знак, 2) надо различать настоящие знаки и «метки» или «приметы».

...Датский лингвист Л. Ельмслев пишет о знаках: «Язык по своей цели – прежде всего знаковая система...».

...Маркс писал, что «название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой»... (Реформатский 2001: 28–31).

Данный пример иллюстрирует то, как автор рассматривает проблему дефиниции «знака», представляя точки зрения разных исследователей. При этом автор графически оформляет этот обзор, вынося позицию каждого ученого в новый абзац, приводя постраничные ссылки, а также нумеруя основные положения при перечислении.

Обзор специальной литературы может быть представлен достаточно кратко в форме так называемой «коллективной ссылки», т. е. перечисления в скобках фамилий авторов, занимающихся той же научной проблемой (нередко с указанием года издания научного труда и страниц, на которых рассматривается данный вопрос). Приведем примеры:

...Последние несколько лет отмечены значительным повышением исследовательской активности жанроведов [см. работы: Багдасарян 2000; Баранов 1997а; 1997б; 1999; Богин 1997; Борисова 1997; ...Карасик 1997; 1998; 2000; Китайгородская, Розанова 1999... и др.]... (Дементьев 2000: 153–154).

Цитаты заключаются в кавычки и могут выделяться цифрой, которая соответствует цифре сноски, приведенной внизу страницы (причем сноска тоже имеет некоторые закономерности оформления: иногда выделение курсивом и всегда написание меньшим шрифтом), например:

...Основная задача Ричардса состояла в трактовке метафоры как результата определенного взаимодействия: «Когда мы используем метафору, мы останавливаемся на двух мыслях о двух разных вещах. Причем эти мысли, возникая одновременно, выражаются с помощью одного слова или выражения, значение которого есть результат их взаимодействия³»...

³ Richards I. A. The Philosophy of Rhetoric. – N. Y., 1965. P. 90. (Петров 1985: 200).

Таким образом, ВМТС-ссылки вводят фрагменты статьи, с помощью которых автор напоминает читателю содержание предшествующего материала. Кроме того, к функциям межтекстовых ссылок относятся выражение согласия или несогласия с позициями других ученых, освещение научной проблемы с опорой на труды других исследователей.

Описание структуры научного текста (ВМТС 1.2) указывает на связи между отдельными компонентами статьи и является средством облегчения понимания, поскольку позволяет автору создать установку на восприятие определенного фрагмента научного текста, например:

...В главе II будет показано, как можно в языке находить средства выражения для новых мыслей и понятий, как можно создать термины для новых объектов науки. И именно, находя себе нужные слова,

понятие делается не только понятным для других членов общества, но и для того, кто эти новые понятия хочет ввести в науку и в жизнь... (Реформатский 2001: 24).

...Предлагаемые заметки имеют целью поставить вопрос о том, каким образом в современном русском языке выражается членность производных слов на выделяющиеся в них морфемы... (Винокур 1981: 293).

Иногда средства этой группы выполняют функции внутритекстовых отсылок на последующие тематические фрагменты, например:

...Наряду с функциями языка в целом выделяются и функции его единиц, что будет рассмотрено в следующем разделе... (Баранникова 1998: 55).

Кроме того, автор часто указывает тему труда, например:

...Настоящая глава посвящена рассмотрению жанровой структуры НК... (Дементьев 2000: 153).

ВМТС 1.2, как правило, помещаются в начале научного текста:

...Мы остановимся сперва на отдельных словах языка, а по отношению к ним мы должны прежде всего определить, что такое слово, как известная единица в языке, т. е. что представляет отдельно целое слово в отличие от ряда слов, соединенных одно с другим, а также и в отличие от каких-либо частей в слове... (Фортуатов 1956: 163).

ВМТС этой группы могут помещаться и в середине текста, связывая таким образом один фрагмент с другим, например:

...Теперь рассмотрим, как будет идентифицироваться единица наивысшего уровня языка – речи... (Жинкин 1982: 79).

Итак, ВМТС этой группы помогают автору настроить реципиента на восприятие текста, так как они описывают структуру научного текста.

Указание на направление хода мысли автора (ВМТС 1.3) являются, по результатам исследования, наиболее распространенными вспомогательными метатекстовыми средствами. Данные средства структурируют высказывания и в какой-то мере привлекают внимание реципиента к излагаемой информации. Приведем примеры употребления этих средств в научных текстах:

...При рассмотрении информации как грамматической категории текста необходимо прежде всего учитывать различные типы текстов ... (Гальперин 1981: 29).

Компонент «прежде всего» выступает в этом примере как средство выражения значимости фрагмента текста.

...Это потребовало бы весьма основательной монографии, создание которой, кстати говоря, отвечает насущным проблемам языкознания... (Звегинцев 1967: 96).

...Далее она выражается формами согласования с существительными...; своеобразной изменяемостью, куда, между прочим, входит и изменение по степени сравнения... (Щерба 2001: 191).

...К слову, весьма интересную теорию психологической семантики предложил Г. Херман... (Макаров 1997: 37).

...Причем эти мысли, возникая одновременно, выражаются с помощью одного слова или выражения, значения которого есть результат их взаимодействия... (Петров 1985: 200).

Компоненты «кстати говоря», «между прочим», «к слову», «причем» вводят дополнительную информацию, связанную с предметом речи, но не имеющую первостепенного значения.

При изложении информации автор упорядочивает, структурирует ее с помощью следующих ВМТС:

...В своей классической форме символический интеракционизм построен на ряде принципов. Во-первых, люди оперируют объектами, исходя из того значения, которое они имеют для этих людей. Во-вторых, эти значения вырабатываются в процессе социальной интеракции. В-третьих, значения изменяются в процессе интерпретации, предполагающем опосредованное символами взаимодействие индивидов, способных к саморефлексии. В-четвертых, люди сами создают, «конструируют» миры действия, в которых они живут... (Макаров 1997: 38).

Таким образом, ВМТС 1.3 представляют собой вставочные конструкции, такие как: *прежде всего, кстати, причем, между прочим, к слову, во-первых, во-вторых, с одной стороны, с другой стороны*, указывающие на направление хода мысли автора статьи и отображающие последовательность изложения материала:

Отдельные слова языка в нашей речи вступают в различные сочетания между собою, а с другой стороны, в словах языка могут выделяться в сознании говорящего те или иные другие части слов... (Фортуатов 1956: 159).

Довольно часто автор в своей статье указывает на (квази)эквивалентности внутри текста (ВМТС 1.4), перефразируя или конкретизируя информацию, затронутую ранее. Для этих целей автор употребляет вспомогательные метатекстовые средства *то есть (т. е.), другими словами / иными словами, иначе говоря, так, например, именно, значит*. Приведем примеры употребления этих средств:

...Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная, (т. е. неделимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли... (Виноградов 2001: 204).

...Всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно. Иначе говоря, он одновременно принадлежит к ряду переносных, транспонированных значимостей одного и того же знака и к ряду сходных значимостей, выраженных разными знаками... (Карцевский 2001: 78).

...Такой общеязыковой код, который представляет собой не что иное, как нормы литературного языка, разбивается на ряд субкодов – функциональные стили. Иными словами, литературный язык – это инвариант общей языковой системы, а функциональные стили – язык художественной литературы, язык газеты, язык научной прозы, язык официальных документов – являются вариантами этой общей языковой системы... (Гальперин 1981: 30).

...Так, если в качестве социума берется некая территориально ограниченная единица, в пределах которой употребляется данный идиом (например, диалект, говор), то состояние «языка» (диалекта, говора) будет характеризоваться минимальным составом компонентов... (Степанов 1981: 82).

...Понимание текста как процесса порождения смысла позволяет избегать окончательного приговора над одним или другим текстом, но в то же время затрудняет анализ текста вообще. Например, традиционное исследование «влияний» часто вызывало отрицательное отношение исследователей... (Тороп 1981: 34).

ВМТС данной подгруппы позволяют автору научной статьи указать на равнозначные в содержательном отношении фрагменты статьи. Таким образом, они используются как маркеры смысловой эквивалентности, как правило, вводя перифразу или конкретизацию.

В своей статье автор при подаче информации может противопоставлять факты друг другу. В таком случае употребляются вспомогательные метатекстовые средства, указывающие на противоположности (ВМТС 1.5): *наоборот, напротив, все же*. Следует еще раз отметить, что в данную подгруппу входят только наречия, но не союзы. Приведем некоторые примеры:

...При ослаблении контроля в условиях сильного волнения сказанное может быть совершенно неудовлетворительно оформлено... При усиленном контроле речь, напротив, упорядочена, выбор слов производится вполне осознанно, как и общая синтаксическая схема... (Горелов 1987: 149).

...Мне представляется такой способ выражаться, хотя и понятным и в практической работе, при условии ясности общей точки зрения, допустимым, все же, в строго теоретическом отношении не вполне точным... (Винокур 1981: 296).

Данные вспомогательные метатекстовые средства обращают внимание и настраивают читателя на принятие дальнейшей информации, а также являются неким выражением авторского отношения к предмету высказывания:

...Правда, информация может служить средством превращения слова и словосочетания в предложение... (Виноградов 2001: 207).

...Жаль, что лишь немногие труды российских ученых стали доступны мировому академическому обществу... (Макаров 1997: 37).

...Конечно, бывают такие ситуации, когда данный говорящий не удовлетворяется «затасканными, как пятаки», обычными словами и создает свои... (Реформатский 2001: 25).

К ВМТС, указывающим на наличие причинно-следственных связей (ВМТС 1.6) в рамках исследования мы относим лексические средства *следовательно / из этого следует, что... / из этого вытекает, что..., это значит*. Приведем характерные примеры:

...Собственно слова воспринимаются, следовательно, в связи с экстралингвистическими условиями, на их «фоне» (Горелов 1987: 150).

...Если предикатом является книга, то говорится о том, что лежит именно книга, а не что-либо другое. Если предикатом является *на*, это значит, что книга лежит именно на столе, а не под столом или в другом месте... (Жинкин 1982: 82).

...Целью современных теоретических конструкций часто полагается не описание и объяснение «индивидуального» поведения объекта, а скорее области возможного поведения класса объектов. Это значит, что процедура «онтологизации» такого рода теорий еще более усложняется... (Петров 1985: 206).

...Изменение внешнего состояния, определяющего ту или иную функциональную систему языка, сколь бы существенными они ни были, не превращают данный язык в другой. Из этого следует, что внутренняя структура языка и его функциональная система, формирующаяся из элементов состояния, не изоморфны... (Степанов 1981: 83).

Обычно ВМТС данной группы вводятся автором при детальном рассмотрении какой либо научной проблемы, в том случае, когда автор раскрывает логику своих рассуждений, например:

...Из всего этого вытекает, что под категорию прилагательных мы подводим и такие «местоимения», как мой, твой, наш, ваш, свой, этот... (Щерба 2001: 191).

...Если язык не природное явление, то, следовательно, его место среди явлений общественных... (Реформатский 2001: 21).

...В той же ситуации громкий вопрос типа «– Не знаете, каково население Колумбии?» не вызовет понимание даже у специалиста по латиноамериканским странам, ибо нет установки на восприятие

такого высказывания. Следовательно, начало процесса понимания обеспечивают условия, ситуация, которые сами не являются вербализациями и осмысляются невербально... (Горелов 1987: 150).

В каждой статье автор делает вывод из сказанного ранее, используя при этом ВМТС подытоживания (ВМТС 1.7). К данным средствам относятся такие как: *итак, таким образом, в общем, в целом*:

...При вычислении размера ВВК (в количестве словоупотреблений) сравнение средних показателей по периодам дает следующие результаты: I – менее 2; II – 2,5; III – 6. Таким образом, движение «крещендо» налицо, тем более, если учесть, что оно проявляется последовательно в различных отраслях науки... (Кожина, Котюрова 1978: 13–14).

...Итак, полноценная теория метафоры может быть построена, если только мы признаем, что и основа, и носитель могут совмещаться в одном и том же слове или выражении... (Петров 1985: 203).

...В целом использование достижений современного жанроведения оказывается очень эффективным при типологизации единиц диалога на основе коммуникативных смыслов... (Дементьев 2000: 155).

...В общем, обычная наша речь – это набор цитат из известного нам языка... (Реформатский 2001: 25).

Таким образом, к основным функциям вспомогательных метатекстовых средств связи относятся ссылки на собственные высказывания или высказывания других авторов, описание структуры текста (статьи, главы, раздела), указание на направление хода мысли автора, установление (квази)эквивалентности внутри текста, указание на противоположности, указание на наличие причинно-следственных связей, а также подытоживание. Среди дополнительных функций ВМТС данной группы можно выделить выражение согласия или несогласия с позициями других ученых, освещение научной проблемы с опорой на труды других исследователей, а также функцию привлечения внимания читателя к последующим компонентам научного текста.

Перейдем к рассмотрению **вспомогательных метатекстовых средств, привлекающих внимание реципиента к отдельным компонентам научного текста** (ВМТС 2). Данные средства можно рассматривать как средства управления вниманием реципиента, так как они создают у реципиента установку на восприятие последующих компонентов научной информации и тем самым облегчают понимание читателем статьи. К ВМТС данной группы мы относим:

- 1) заголовок статьи или раздела (ВМТС 2.1);
- 2) средства, образующие вопрос в вопросно-ответном комплексе (ВМТС 2.2);

3) средства, эксплицитно указывающие на тему (предмет) рассуждений посредством специальных клише, например, *что касается, говоря о...* (ВМТС 2.3);

4) анафорические местоимения и наречия (ВМТС 2.4);

5) остальные средства привлечения внимания (*можно сказать, необходимо отметить, дело в том, что...*) и т. д. (ВМТС 2.5).

Все эти вспомогательные метатекстовые средства выполняют функцию привлечения внимания к отдельным фрагментам текста. Приведем примеры употребления данных средств.

ВМТС 2.1 представляют собой заголовки статьи или раздела:

В.В. Петров

Научные метафоры: природа и механизм функционирования

М.Л. Макаров

Языковой дискурс и психология

Очевидно, что названия трудов привлекают внимание определенного круга читателей, имеющих те же научные интересы, что и автор.

ВМТС 2.2 представляют собой вопросы, входящие в вопросно-ответный комплекс:

...Что же общего у языка с другими общественными явлениями и чем же язык от них отличается? Общее у языка с другими общественными явлениями состоит в том, что язык – необходимое условие существования и развития человеческого общества и что, являясь элементом духовной культуры, язык, как и все другие общественные явления, немислим в отрыве от материальности. Но функция языка и закономерности его функционирования и исторического развития в корне отличаются от других общественных явлений... (Реформатский 2001: 21–22).

Вопрос может вводиться автором как напрямую, так и с помощью вводного предложения, например:

...Ввиду отмеченной близости и взаимозависимости языка и речи возникает вопрос отнюдь не только терминологического характера: как следует определять язык и речь – всего лишь как различные аспекты одного и того же явления или же как хотя и неразрывно связанные, но отдельные явления? ... (Звегинцев 1967: 101).

Авторы по-разному могут отвечать на вопрос: ответ нередко следует сразу за вопросом и состоит из одного-двух предложений, например:

...Спрашивается, чем может быть обеспечена цельность высказывания в группе предложений? Внутри предложения грамматическая

цельность образуется в результате правил бинарности речевых форм... (Жинкин 1982: 78).

Поставив вопрос, автор не всегда дает прямой на него ответ. В таких случаях ответ можно найти при последующем прочтении всего текста, например:

...Что следует понимать под «современным языком»? Практика нашей лексикографии связывала границы современного языка с именем Пушкина, но обычно легко переступала эти границы, если находила за их пределами явления, встречающиеся доныне... [Далее автор продолжает размышления по этому поводу] (Ожегов 1981: 249).

Таким образом, вопросно-ответный комплекс структурирует изложение текста научной статьи посредством введения определенного вопроса и ответа на него.

ВМТС 2.3 эксплицитно указывают на тему либо предмет рассуждений:

...Что касается деепричастий, то они, конечно, составляют резко обособленную группу... (Щерба 2001: 193).

Функцию привлечения внимания выполняют также анафорические местоимения и наречия (ВМТС 2.4):

...В сочинениях по общему языкознанию к вопросу обыкновенно подходят с точки зрения происхождения категории «частей речи» вообще и лишь иногда – с точки зрения разных способов их выражения в разных языках, и мало говорится о том, что сами категории могут значительно различаться от языка к языку... (Щерба 2001: 184).

ВМТС 2.4 позволяют автору сделать акцент на определенные фрагменты высказывания, выделить наиболее важный смысловой «отрезок».

Перейдем к рассмотрению следующей подгруппы ВМТС, к которым относятся остальные средства привлечения внимания (*можно сказать, необходимо отметить, дело в том, что...*) и т. д. (ВМТС 2.5). Входящие в эту подгруппу ВМТС в корпусе исследованных научных статей насчитывают наибольшее количество. Это можно объяснить тем, что данные средства имеют богатый инвентарь, позволяющий варьировать клише научного стиля, избегая монотонного изложения. Приведем примеры их употребления:

...Когда говорят о русском языке, немецком языке и т. д., всегда надо помнить, что речь идет о сложной системе языковых средств, имеющей разные варианты своего существования... (Баранникова 1998: 52).

...Важно отметить, что разделение языка и речи по функциональному принципу находит свое оправдание не только с точки зрения

«языка как средства общения», но также и с позиций «языка как орудия мышления»... (Звегинцев 1967: 103).

...Дело в том, что существование каждого языка во времени состоит в постоянном, хотя и постепенном видоизменении данного языка с течением времени... (Фортулатов 1956: 159–160).

...В теории речевой деятельности необходимо помнить, что деятельность понимается как социальная, как деятельность людей... (Тарасов 1987: 102).

...Следует подчеркнуть, что это направление ТРЖ во многих отношениях близко к интеракционной модели коммуникации, для которой фактор адресата также является очень значимым... (Дементьев 2000: 161).

...Задача языковедения – исследовать человеческий язык в его истории – требует, как вы видите, определения родственных отношений между отдельными языками и сравнительного изучения тех языков, которые имеют в прошлом свою историю... (Фортулатов 1956: 161).

Последний пример интересен эксплицитным обращением автора к читателям, что едва ли распространено в современном научном стиле.

Кроме того, данная подгруппа ВМТС выполняет функцию интеллектуальной оценки авторами значимости излагаемой информации.

Итак, для привлечения внимания реципиента к излагаемой информации автор употребляет специальные вспомогательные метатекстовые средства. ВМТС 2 настраивают читателя на восприятие научной информации, обращают внимание на отдельные компоненты высказываний, убеждают читателя в неоспоримости утверждений (прежде всего за счет ВМТС 2.5).

Перейдем к рассмотрению следующей группы **ВМТС, с помощью которых говорящий оценивает степень достоверности излагаемой информации** (ВМТС 3).

Как уже отмечалось выше, среди ВМТС 3 принято различать средства высокой оценки автором степени достоверности своих высказываний (ВМТС 3.1), например: *конечно, безусловно, бесспорно* и т. п.; средства низкой оценки (ВМТС 3.2) – *может быть, наверно, возможно, (мне) кажется, предположительно*, а также средства нейтральной оценки (ВМТС 3.3) – *по-моему, по нашему мнению* и т. п.

С помощью средств высокой оценки степени достоверности своих высказываний (ВМТС 3.1) автор выражает уверенность в истинности высказываемого мнения:

...Совершенно очевидно, что новое не может рассматриваться без учета социальных, психологических, научно-теоретических, общекультурных... и других факторов... (Гальперин 1981: 27).

...Несомненно, что речь, являясь средством общения, становится одновременно и механизмом интеллектуальной деятельности, позволяющим выполнять операции отвлечения и обобщения и создающим основу категориального мышления... (Залевская 1990: 60).

...Совершенно ясно, что эти звуковые комплексы не отражают действительности, как ее отражают представления и понятия... (Реформатский 2001: 27).

...Разумеется, фонетист не может принять эту точку зрения... (Трубецкой 2001: 96–97).

...Ясно, что способ изложения обусловлен процессом мышления... (Кожина, Котюрова 1978: 19).

Вспомогательные средства этой подгруппы демонстрируют убежденность автора в неоспоримости высказываемого суждения.

ВМТС 3.2 (низкой оценки степени достоверности своих высказываний) применяются для смягчения категоричности сообщения:

...По-видимому, наиболее прямым, постоянным и непосредственным выражением категории предикативности является модальность предложения... (Виноградов 2001: 210).

...Поэтому, может быть, не бесполезно было предпринять полный пересмотр вопроса применительно к каждому отдельному языку в определенный момент его истории... (Щерба 2001: 184).

...Вероятно, конкретнее было бы применить методику триангуляции (многостороннего анализа объекта)... (Макаров 1997: 41).

Итак, данная подгруппа ВМТС смягчает категоричность утверждаемого сообщения. С помощью этих средств автор научного текста демонстрирует допустимость иных точек зрения на обсуждаемую проблему.

Перейдем к рассмотрению средств нейтральной оценки (ВМТС 3.3). К ним относятся средства указания на субъективность высказываемого мнения, например:

...По-моему, это и в самом деле только кажется так... (Винокур 1981: 297).

...Думается, что это подразделение могло бы заменить противопоставление языка и речи, которое, по нашему мнению, является лишь первым приближением, исторически очень важным, но теоретически еще несовершенным... (Звегинцев 1967: 97–98).

...Предположим, были взяты две текстовые выборки... (Головин 1971: 37).

...Представляется, что это действительно двусторонние знаки, ибо им присущ элемент конвенциональности, не говоря уже о том, что в европейских языках это универсальная семиотическая система... (Иеронова: www.gumer.ru)

...Предполагается, что читатель развернет эти зерна других структурных конструкций в тексты... (Лотман 1981: 16).

...Но возможна и иная постановка вопроса – когда мы стремимся раскрыть сущность и качественное своеобразие той или иной категории... (Леонтьев 1997: 14).

В проанализированном корпусе текстов такие описания употребляются очень редко. Это обусловлено, скорее всего, тем, что стиль научного изложения информации предполагает ясное повествование и даже исключает случаи сомнений в том или ином факте. Материалом исследования являются письменные научные статьи, т. е. материал, подготовленный и заранее обдуманый автором. Более частое употребление подобных средств было бы присуще устному докладу, где автор столкнулся бы с необходимостью длительного обдумывания ответов на вопросы, что в свою очередь вызвало бы употребление таких простых структур, как *возможно*, *предположительно* и т. п.

Незначительное количество ВМТС этой подгруппы можно объяснить тем, что в научном тексте подобные вставки целесообразны не всегда. Они уместны, если возникает необходимость отграничить собственную позицию от точки зрения других ученых, особенно в ситуациях, когда изложение авторской концепции сочетается с обзором литературы по проблеме исследования.

Таким образом, ВМТС 3.3 занимают промежуточную позицию между ВМТС 3.1 и ВМТС 3.2. Они смягчают категоричность в большей мере, чем ВМТС 3.1, но в меньшей мере, чем ВМТС 3.2. Проведенный анализ функционирования ВМТС третьей группы в научных текстах позволяет уточнить название отдельных подгрупп для демонстрации специфики материала настоящего исследования: ВМТС 3.1 целесообразнее обозначить как средства высокой оценки достоверности научного факта, ВМТС 3.2 – как средства снижения категоричности, ВМТС 3.3 – как средства выражения субъективности высказываемого мнения, что будет учитываться в дальнейшем.

Перейдем к рассмотрению следующей группы **ВМТС, с помощью которых автор оценивает форму своих высказываний** (ВМТС 4). К данной группе относятся вводные слова, прежде всего *так сказать*, *так называемый*, *как бы*, *точнее (сказать)*, например:

...Каждое предложение вырабатывается, так сказать, порциями... (Жинкин 1982: 78).

...И сам говорящий установлен именно на такое активно ответное понимание: он ждет не пассивного понимания, так сказать, только дублирующего его мысль в чужой голове, но ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т. д. ... (Бахтин 1986: 260).

...Слово приобретает дефинитивную функцию как бы вследствие изъятия его из повседневного языка... (Канделаки 1970: 4).

...Ниже рассматриваются так называемые затекстовые (вынесенные в конец статьи) библиографические ссылки... (Разинкина 1986: 116).

...Социальное взаимодействие и языковое общение составляют два взаимосвязанных процесса, или, точнее сказать, единый двусторонний процесс интеракции... (Никольский 1976: 37).

ВМТС 4 не часто можно встретить в научном тексте, так как письменный текст является заранее подготовленным, а формулировки тщательно продумываются автором. Употребление этих средств свидетельствует о том, что автор использует нестандартную форму выражения мысли, как правило, прибегая к метафоре, еще не ставшей научным штампом.

Для наглядного изображения количества употребленных в научных текстах ВМТС был произведен подсчет этих средств по формуле, данной в разделе 2.1.

Таблица 3

**Частота вспомогательных метатекстовых средств
в русских научных текстах**

Средства	Количество исходов «появление данного средства» – n	Частота – P	Относительная ошибка – δ
ВМТС 1	838	0,0068	0,07
ВМТС 2	244	0,0018	0,14
ВМТС 3	330	0,0027	0,11
ВМТС 4	15	0,0001	0,52

Отметим, что при подсчете ВМТС 2 мы не учитывали заголовки, так как частота их употребления напрямую зависит от числа выделяемых автором разделов или глав (в монографии или учебном пособии). Показатель частоты ВМТС 4 нельзя считать достоверным из-за высокого значения относительной ошибки при оценке измеряемой величины, однако малое число исходов появления данного средства свидетельствует о том, что авторы редко оценивают форму своего высказывания, на что мы указывали выше.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что наиболее частотными вспомогательными метатекстовыми средствами являются средства первой группы, т. е. ВМТС, указывающие на связи между высказываниями. Частотное употребление этих средств обусловлено научным стилем текстов, для которого характерны логичное, четкое изложение информации, подробное описа-

ние структуры высказываний, необходимость указания направления хода излагаемого материала и необходимость выводов. Номенклатура исследованных ВМТС представлена в приложении 1.

2.3. Употребление метатекстовых средств дополнительной интерпретации в немецких научных текстах

В настоящем разделе дается описание особенностей функционирования метатекстовых средств дополнительного толкования в научных текстах немецких авторов. Материалом исследования являются 25 немецких научных текстов, что составляет 127 966 словоупотреблений. Так же, как и на материале русских статей, было подсчитано количество случаев употребления метатекстовых средств.

Синонимические замены

Для научного текста проявление синонимии возможно, так как авторы в некоторых случаях через синонимы поясняют понятия. Употребление синонимических замен происходит с целью всесторонней характеристики предмета, указания его различных качеств и признаков. Материал исследования показал, что авторы в большей мере используют в своих статьях языковые синонимы (56 случаев толкований). Контекстуальные синонимы употребляются, но в гораздо меньшей степени (5 случаев толкований), всего в материале исследования в общей сложности был выявлен 61 случай употребления синонимов. Приведем примеры толкований с помощью контекстуальных синонимов:

...Zwischen der pragmatischen Kategorie des **angemessenen** oder «*guten*» Sprachgebrauchs... muss vielmehr theoretisch wie auch praktisch-analytisch sorgfältig differenziert werden... (Lerchner 1978: 8).

«Angemessen» является ИФ и поясняется прилагательным «gut». Автор употребляет эти два прилагательных в сочетании с существительным «Sprachgebrauch», тем самым, подчеркивая их смысловое тождество, что позволяет рассматривать оба определения как контекстуальные синонимы.

Рассмотрим примеры пояснений через языковые синонимы:

...Alle Wörter, die das Wort «Stil» als Grundbegriff enthalten (also z.B. Übungsstil, Kampfstil, Literaturstil...)... haben gemeinsam, dass sie etwas **kennzeichen** oder *charakterisieren*, meistens den im vorangehenden Wortteil gemeinten Bereich... (Sowinski 1999: 3).

Очевидно, употребление именно языковых синонимов обусловлено стремлением автора указать в своей работе синонимические термины, используемые в специальной литературе, что в какой-то мере определяется самим научным стилем, требующим, прежде всего, точности и ясности изложения. Необходимо отметить, что, как правило, именно термины поясняются с помощью синонимических замен. Приведем примеры:

...Genausowenig wie er von sich aus bestimmen kann, was ein starkes oder schwaches **Verb** oder was *ein Tätigkeitswort* sein soll... (Braun 1979: 60).

...Laute haben als **Elemente** oder *Bausteine* der Wörter keinen Zeichencharakter... (Meinhold, Stock 1982: 14).

...Alle Wörter, die es in einer Sprache gibt, bilden ihren **Wortbestand** (*Wortschatz*)... (Schmidt 1967: 23).

Употребление языковых синонимов в данных примерах позволяет авторам разносторонне подойти к предмету исследования, путем толкования сделать акцент на значимом понятии и тем самым привлечь читателя к своим размышлениям.

Иногда немецкие термины дублируются их латинскими эквивалентами, что также можно рассматривать как частный случай толкований через языковые синонимы:

...Die Laute werden in **selbstlautende** (*Vokales*), **halblautende** (...*Semivokales*) und **mitlautende** (*Consonantes*) eingeteilt, nach ihrer Artikulationsstelle in **Lippen-, Zahn-, und Zungen- und Kehllaute** (*Labiales, Dentales, Linguales, Gutturales*)... (Essen 1966: 4).

В данном примере встретились несколько интерпретируемых фрагментов. Такое пояснение позволяет автору познакомить читателя с терминологией латинского происхождения.

Подобным примером является также следующий:

...In gewisser Weise handelt es sich um einen Parallellfall zur Bildung ungewöhnlicher **Komposita** oder *Derivate*, deren Verständniss ebenfalls durch die Textstruktur zu sichern ist... (Fleischer 1997: 66).

Как синонимическая замена может рассматриваться также контактное употребление термина и соответствующей аббревиатуры. Приведем примеры:

...Den *Kommunikationsverfahren* (**KV**) als «geistig-sprachlichen Operationen» kommt bei der kommunikativ-funktionalen Textgestaltung und -analyse eine zentrale Rolle zu... (Weise 1979: 127).

Изначально употребив сокращение, автор нередко расшифровывает его в скобках, например:

...Ermittlung von **GEI** (=Gemeinsamen Einordnungsinstanzen)... (Steinberg 1978: 59).

Таким образом, использование синонимических замен обусловлено необходимостью развернутой характеристики явления, с помощью синонимов автор также может указать дополнительный признак этого явления, что формирует в сознании реципиента более четкое представление о предмете речи. Активное употребление языковых синонимов, представляющих собой термины, очевидно, объясняется стремлением автора детально представить терминологический аппарат, применяемый в его работе или в смежных исследованиях.

Антонимические выражения с отрицанием

Как уже указывалось раньше, под антонимическими выражениями с отрицанием понимаются толкования через антонимы, противопоставленные в определенном контексте по какому-либо одному семантическому признаку, а также через гетеронимы, естественно, в сочетании с отрицанием. Проведенный анализ текстов не выявил употребления в качестве толкований антонимов, но было выявлено большое количество употреблений гетеронимов, поскольку они позволяют автору противопоставить самые разнообразные предметы, признаки и явления, например:

...Aus dieser Einsicht resultiert der Anspruch der strukturellen Linguistik, **nicht nur ein «Zweig»** der Linguistik neben anderen, *sondern «Kerndisziplin»* der modernen Sprachwissenschaft zu sein... (Helbig 1970: 99–100).

В данном предложении гетеронимами являются «Zweig» и «Kerndisziplin»: «Zweig» выступает здесь в качестве интерпретируемого фрагмента, ему противопоставляется существительное «Kerndisziplin». Употребляя противопоставление, автор обращает внимание реципиента на тот факт, в какой роли должна выступать в языкознании структурная лингвистика, подчеркивает значимость данной дисциплины.

...Er (ein Eigenname) hat zwar **eine Signalfunktion**, aber *keine begriffliche Bedeutung*... (Schippa 1972: 108).

Противопоставление в этом примере обращает внимание реципиента на особенность имени собственного (ein Eigenname). С помощью противопоставления автор делает акцент на функции имени собственного.

Нередко гетеронимы выражены не одним словом или коротким словосочетанием. Ключевой термин может осложняться, как правило, распространенным определением (реже дополнением или обстоятельством), если того требует логика изложения материала:

...Dazu bedient sich die Phonetik **nicht nur der Wahrnehmung durch das Ohr, das Auge und das Getast**, *sondern auch aller für den jeweiligen Untersuchungszweck geeigneten technischen Mittel, welche die durch*

die Sinne nicht oder unvollkommen erfasstbaren Vorgänge sichtbar, gegebenfalls auch wieder hörbar zu machen und bleibende Dokumente zu liefern vermögen... (Essen 1966: 2).

...Seit langem ist aber bekannt, dass die Identifizierungsschritte nicht in strenger zeitlicher Abfolge verlaufen und dass die Bedeutungszuordnung **nicht streng sukzessiv von Wort zu Wort vor sich geht, sondern in mehr oder weniger grossen syntagmatischen Einheiten, in Wortgruppen erfolgt, die semantisch eine Untereinheit des Satzes bilden und in weitere Untereinheiten gegliedert sind...** (Meinhold, Stock 1982: 15).

Автор может употребить речевое противопоставление, используя идеографические синонимы. В основе такого противопоставления лежит незначительное различие понятийного значения двух синонимов, например:

...Um die Zeit zu erfassen, muss man auf die kausalen Operationen zurückgehen, die aus der Ursache die Wirkung erklären und damit durch Aufeinanderfolge miteinander verknüpfen. Die Zeit ist in der Kausalität enthalten. Dieses Zeitverständnis – Zeit wird **nicht wahrgenommen, sondern apperzipiert** – wird vom Kinde erlernt... (Löffler 1982: 66).

В этом примере противопоставляются глаголы «wahrnehmen» и «apperzipieren». Оба глагола означают «воспринимать», но «wahrnehmen» предполагает произвольное восприятие, а «apperzipieren» – произвольное, сознательное.

Таким образом, противопоставления с помощью гетеронимов помогают авторам научного текста сделать смысловой акцент на необходимом фрагменте текста, а также способствуют выделению этого фрагмента.

В исследованном корпусе текстов были обнаружены случаи употребления метафразового противопоставления, например:

...Wir sehen die Wirksamkeit der Sprache im Hinblick auf die Gemeinschaftsformen **nicht darin, dass sie als aktive Kraft geistigen Gestaltens, als eine das Leben durchwaltende Macht, die die Welt geistig gestaltet, menschliche Gemeinschaften ins Leben ruft, sondern darin, dass sie als Mittel des Verkehrs alle schöpferischen Kräfte der Menschen zur Wirkung bringt...** (Schmidt 1967: 23).

...Derzeit vernebeln gefährliche Theorien und ein wüster Fachjargon das Bild, und **dabei sind Charaktereigenschaften sowieso keine Rechengrößen, sondern verlangen eine anschauliche Darstellung...** (Becker 1970: 42).

Используя метафразовое противопоставление, автор отрицает неверное положение вещей, утверждая вслед за этим верное, что позволяет сформировать в сознании читателя определенное концептуальное содержание.

Итак, по результатам анализа, толкования через антонимические выражения (гетеронимы, идеографические синонимы и метафразовое противопоставление) с отрицанием используются автором научного текста как средство управления пониманием в сознании читателя за счет того, что отрицается некоторое положение вещей и утверждается отличное от него.

Перифраза

Как уже указывалось выше, под перифразами понимаются целые речевые высказывания или их компоненты, в которых выражается то же понятие или та же мысль. Анализ текстов показал, что авторы в большинстве случаев употребляют речевые перифразы. Приведем характерные примеры:

...In der auktorialen Erzählsituation weiht der Erzähler den Leser in seine Strategie ein, indem er Sprünge im zeitlichen Ablauf, **unterschiedlich starke Raffungen der Zeit oder Umstellungen**, d.h. *Rückblenden oder Vorwegnahmen*, erläutert... (Löffler 1982: 68).

...Dieses Verfahren zu einer Klarstellung unserer Begriffe um das Wesen der Sprache erweist sich zwar schon aus allgemein methodologischen Erwägungen als unabdingbar, wird aber gerade in der Sprachwissenschaft als besonders wichtig und notwendig erscheinen, da uns die Erfahrung der letzten Jahrhunderte zeigt, dass **die Objektbegrenzung der Sprachwissenschaft**, d.h. *die Festlegung des Gegenstandes und die Abgrenzung der Erscheinungen, mit der sich diese Wissenschaft beschäftigen soll*, durchaus nicht immer einheitlich erfolgt ist und auch gegenwärtig noch mancherei Unklarheiten unterliegt... (Ammer 1958: 2).

В научных немецких текстах перифразироваться может как отдельное понятие, так и целое суждение. Приведем примеры толкования отдельного понятия:

...Er versteht unter Privation... **eine vom Normalen, Erwarteten abweichende Abwesenheit**, d.h. *ein Fehlen, das als Wesensmerkmal des Wortinhalts bestimmter Substantive, Adjektive und Verben verstanden werden kann*... (Heinemann 1982: 38).

...Gleichzeitig wurden Redestil und Literaturstil als Teilstile des Sprachstils und **dieser als Erscheinungsweise und Epiphänomen**, d.h. *eine zusätzliche Wirkmöglichkeit der Sprache* besser bestimmbar... (Sowinski 1999: 4).

...Nach Piaget nämlich zeichnet sich **das Zeitverständnis** des heutigen Menschen durch «reine Irreversibilität» aus. Darunter ist *eine zeitliche Ordnung* oder *die Aufeinanderfolge von Ereignissen* zu verstehen... (Löffler 1982: 66).

Авторы перифразируют также и целое суждение, но это встречается в научных немецких текстах реже. Вероятно, это обусловлено тем, что необходимость объяснения понятия, как правило, выраженного термином, возникает чаще, чем необходимость интерпретации целой мысли: сложность понимания научного текста зачастую связана именно с недостаточным знанием терминологического аппарата, используемого в конкретном исследовании. Приведем примеры перифразирования целого суждения:

...Wenn vom ästhetischen Ideal die Rede ist, muss zugleich die Rede sein davon, wie die Kenner der Kunst zum Erkennen dieses Ideals befähigen und damit dessen Wirkungen freisetzen, d.h. es geht um die Bildung des ästhetischen Geschmacks, der zwar von subjektiven Erfahrungen abhängig ist... (Spiewok 1978: 24).

...Die Modewörter fremdsprachiger Herkunft machen einen nicht unerheblichen Anteil aller Modewörter der deutschen Gegenwartssprache aus... Für alle gilt, dass **sie eines Tages im Sprachgebrauch «Mode werden»**, d.h., *der Gebrauch dieser Wörter nimmt plötzlich stark zu, weil sie nicht alltäglich sind und deshalb auffallen...* (Heller 1966: 135).

...Das erzieherisch Bedeutsame an den Institutionen und Organisationsformen der Erziehung ist nun, **dass sie gesellschaftlich legitimiert und konstituiert sind**, d.h. *dass die darin erzieherisch Handelnden ihr Tun und Handeln auf allgemeine Erziehungsgrundsätze oder gar auf Gesetze gründen und durch diese legitimieren können...* (Kron 1996: 19).

Перифраза имеет некоторые закономерности оформления. В большинстве случаев перифраза вводится в немецких текстах компонентом *d.h./ das heißt*:

...Verhalten resultiert wesentlich aus der Konfrontation der Persönlichkeit mit Erscheinungen der sozialen und natürlichen Wirklichkeit, die individuell unterschiedlich aufgenommen und verarbeitet werden. Das heißt, Verhalten beruht auf Erfahrungen mit und auf Vorstellungen von derartigen Erscheinungen der Wirklichkeit... (Walter 1982: 79).

В данном примере поясняется целая мысль. Автор перифразирует первое предложение, вводит перифразу компонентом *das heißt* (эквивалент в русском языке – *это значит, то есть*). Подобный повтор сказанного ранее обращает на себя внимание читателя и способствует лучшему усваиванию информации.

Введение перифразы возможно с помощью сочетания *das bedeutet*:

...Wie bereits die Kurzdefinition andeutet, **haben wir es bei den Kommunikationsverfahren nicht nur mit linguistischen, sondern mit psycholinguistischen Einheiten zu tun. Das bedeutet, dass neben dem Bezug zum Kommunikationsgegenstand die Sprecherintention, der Kommu-**

nikationsplan und die Einstellung zum Kommunikationspartner zu berücksichtigen sind... (Weise 1979: 127).

Перифраза может также заключаться в скобки, например:

...In Termini der Ästhetik ausgedrückt, bedeutet dies das ständige Überwiegen **nichtspezifischer Informationen** (*d.h. Informationen über eine Bedeutung für das Subjekt*) gegenüber **spezifischen Informationen** (*d.h. Informationen, die auf objektive Eigenschaften der Wirklichkeit orientieren*)... (Lerchner 1978: 11).

Итак, исследование немецких статей показало, что перифраза довольно часто употребляется авторами (в исследованных статьях была выявлена 161 перифраза). Автор с помощью перефразирования дополнительно останавливается на том или ином факте своего сообщения, подчеркивает важность какого-либо явления. При этом в исследованном корпусе немецких научных текстов были выявлены речевые, или коммуникативные перифразы. Перифраза для читателя является средством более доступного понимания содержания научного текста. Перефразирование какого-либо фрагмента обращает на себя внимание и способствует лучшему восприятию информации.

Конкретизация

По результатам исследования, конкретизация является одним из наиболее частотных средств воздействия автором на внимание реципиента. В научных немецких текстах было обнаружено 566 случаев употребления конкретизации. Интерпретация активного употребления конкретизации уже предлагалась в разделе 2.1. Конкретизируя, автор поясняет положение вещей, иллюстрируя какое-либо понятие или абстрактный научный тезис. Приведем примеры употребления конкретизации:

...In diesem Sinne gehört **das Relationsgerät der Sprache** – als *Gegenstand der strukturellen Linguistik* – nicht weniger zur Materie im philosophischen Sinne... (Helbig 1970: 101).

...Nach erfolgter Prüfung aller inneren und äusseren Bedingungen und Möglichkeiten klären sich im Bewusstsein des Autors **die Kommunikationsintention und das Handlungsziel** als *der unmittelbare Handlungsantrieb für die kommunikative Tätigkeit*... (Steinberg 1978: 55).

...Weiterhin werden **phantastische Elemente und diverse Montagemöglichkeiten** als *strukturbildende Mittel* eines bewusst auf äussere Wahrscheinlichkeit verzichtenden Erzählens wahrgenommen... (Löffler 1982: 64).

В приведенных примерах уточняются обозначенные в ИФ понятия за счет указания лишь одного из возможных пониманий описываемых

феноменов. Используя конкретизацию, авторы ограничивают количество «степеней свободы» при интерпретации научного текста.

Рассмотрим другие характерные примеры употребления конкретизации отдельного понятия:

...So wird in einer Reihe von Definitionen klar auf die eminente Bedeutung **der Sprache** als *Verständigungsmittel mit den entsprechenden Rückwirkungen auf den Aufbau und Ausbau der menschlichen Gesellschaft* überhaupt hingewiesen... (Ammer 1958: 4).

...Dass **Phraseologismen** als *Wortgruppen-Konstruktionen* im Prozess der Äusserung in der Regel nicht jedesmal neu und originell gebildet, sondern als komplexe lexikalische Einheiten übernommen werden, ist ein abgeleitetes Merkmal, das sich aus Idiomatität und/oder Stabilität ergibt... (Fleischer 1997: 64).

...Ein Grund für diese Erweiterung des Analysebereichs besteht sicherlich darin, dass **einige sprachliche Erscheinungen innerhalb der Satzgrenze** nicht befriedigend erklärbar sind, z. B. *Artikel und Pronominagebrauch, Tempuswahl und Wortstellungsvarianten*... (Weise 1979: 125).

...Umfasst der Wortbestand jeder Sprache **eine um ein Vielfaches grössere Zahl von Wörtern, die nicht von allgemeiner Bedeutung sind und nicht die nötige Stabilität besitzen oder andere wichtige Merkmale der Zugehörigkeit zum Grundwortschatzes vermissen lassen**. Das sind im wesentlichen: 1) *die gesamte Spezialterminologie*...; 2) *die meisten Fremdwörter*...; 3) *Ausdrücke aus dem Wortschatz*...; 4) *Dialektwörter*...; 5) *Neologismen*...; 6) *Archaismen*... (Schmidt 1967: 25).

Необходимо заметить, что в немецких научных текстах не встретилась конкретизация целого суждения. Можно предположить, что это опять-таки, прежде всего, связано со сложностью понимания фрагментов текста, включающих терминологические единицы. Поскольку в разных теориях, как правило, складываются различные интерпретации одного и того же понятия, автор использует конкретизацию для разъяснения своей позиции. Кроме того, при описании сложного феномена, составляющего предмет речи, конкретизация позволяет выделить наиболее значимые аспекты.

Стоит отметить, что конкретизация часто выступает в форме примеров (вводится компонентом *z.B./zum Beispiel*), которые нередко используются автором научного текста в целях иллюстрации научного тезиса:

...Wenig wurde bisher das zweite Moment in Überlegungen zur sprachlichen Kommunikation berücksichtigt, nämlich wieweit **die Kompliziertheit der Gegenwartssprache** (*z.B. ob es sich um Objekte oder Prozesse und Beziehungen zwischen Objekten handelt*) das Formniveau der Sprachäusserung bestimmt... (Meinhold 1970: 81).

...Die Übertragung der sprachlichen Nachricht vom Sender zum Empfänger ist durch **materielle Vorgänge** – *z.B. die Ausbreitung von Schallwellen beim Sprechen* – gekennzeichnet... (Meinhold, Stock 1982: 13).

В этих примерах авторы поясняют с помощью конкретизации фрагмент сообщения, который может быть неверно понят читателем. Конкретизация вводится с помощью сокращения «z.B.», что уже ориентирует реципиента на авторское пояснение.

Конкретизация может также заключаться в скобки:

...Es gilt jetzt als gesichert, dass sich Bedeutungen aus **semantischen Merkmalen** (*Semen, Markern, Distinktoren* usw.) konstituieren... (Spiewok 1982: 50).

Нередко конкретизация вводится двоеточием, например:

...Die Sprache hat **zwei Hauptkomponenten**: *den Wortbestand und die Grammatik*... (Schmidt 1967: 23).

Таким образом, как показал анализ, конкретизация необходима для детального рассмотрения научной проблемы, подразумевающего пояснение терминов, использование примеров и т. д. При графическом оформлении конкретизации нередко используются тире, скобки или двоеточие.

Генерализация

Достаточно редкое употребление генерализации, как уже было сказано выше, объясняется тем, что в большинстве случаев пояснение через это средство едва ли облегчает понимание. В проанализированном корпусе немецких научных текстов авторы практически не используют этого средства. Тем не менее, анализ выявил некоторые случаи употребления генерализации:

...Sprach- und Literaturwissenschaft haben ihren gemeinsamen Gegenstand **dort, wo das Instrumentarium sprachlicher Mittel funktioniert, also im Text**... (Spiewok 1978: 21).

ИФ в этом примере является выражение «dort, wo das Instrumentarium sprachlicher Mittel funktioniert», автор обобщает эту мысль, делая ее удобной для понимания, для этого он вводит генерализацию «Text».

...**Diese im Wortbestand der Sprache bereits fertig vorhandenen geprägten Wortverbindungen** brauchen im Prozess der Rede nur reproduziert zu werden, sie verhalten sich... in dieser Hinsicht wie *die kleinsten selbständigen, potentiell isolierbaren Bedeutungsträger der Sprache, die Wörter*... (Fleischer 1997: 63).

В этом примере интерпретируемый фрагмент толкуется дважды: с помощью конкретизации «die kleinsten selbständigen, potentiell

isolierbaren Bedeutungsträger der Sprache» и генерализации «die Wörter».

Таким образом, можно сказать, что употребление генерализации возможно в тех случаях, когда авторы обобщают какое-то абстрактное суждение или используют номинацию научного понятия (термин) после того, как дается его дефиниция.

Сравнение

Исследование показало, что в немецком научном тексте авторы редко используют сравнения одного понятия с другим с целью объяснения читателю своих тезисов: в проанализированных текстах встретился лишь один случай употребления сравнения. Приведем этот пример:

...Die Menschheit fühlte schon immer mit wachsender Klarheit, die der zunehmenden Fähigkeit zu einer rationalen Erklärung der uns umgebenden Umweltphänomene entspricht, dass die Sprache **eine Erscheinung** ist, die uns gleichsam wie *ein lebensnotwendiges Medium* umgibt... (Ammer 1958: 1).

Таким образом, сравнение употребляется автором научного текста с целью обращения внимания читателя на особенности какого-либо понятия. Тем не менее, необходимо отметить, что данное средство не является частотным. Это можно объяснить тем, что автору, видимо, удобнее перифразировать ту же мысль с помощью других языковых средств или же конкретизировать некоторое понятие или суждение, чем искать понятие, имеющее тот же признак.

Метатекстовый комментарий

В исследованном корпусе немецких текстов были обнаружены случаи употребления метатекстового комментария, который представляет собой, как было сказано в разделе 2.1, своего рода авторскую ремарку к значимым фрагментам научного текста.

Метатекстовый комментарий может быть помещен автором после предложения, которое он дополняет в содержательном отношении, и заключаться в скобки. Приведем пример:

...**Die individuelle Variabilität wird erst dann besonders interessant, wenn bestimmte individuelle Eigenheiten der Sprechweise... unter besonderen gesellschaftlichen Bedingungen... zum Muster aufgewertet werden.** (*Der so wichtige Weg von der singulären, aktuellen sprachlichen Erscheinung zu ihrer Geltung als sprachlicher Norm kann hier leider nicht verfolgt werden*) (Meinhold 1970: 79).

Возможно помещение метатекстового комментария в середине предложения:

...Infolge ihres häufigen Gebrauchs (*sie tendieren zum Modewort*) und ihres allgemeinen Inhaltes beschränkt sich ihre Anwendung nicht mehr auf den Sport... (Heller 1966: 49).

В этом примере с помощью метатекстового комментария автор уточняет сказанное ранее, объясняет, почему лексика, принадлежащая к определенной области применения, выходит за ее пределы.

В следующем примере автор выражает свое удивление по поводу определенных результатов исследования:

...Die episodisch angelegte Schilderung einer Trampfahrt eines Jungen und eines Mädchens ist zwar chronologisch angelegt, doch wird das Nacheinander wieder aufgehoben, weil die gleichen Vorgänge sowohl aus der Sicht des Jungen als auch aus der Sicht des Mädchens wiedergegeben sind. Das hat 46,5 % der Leser «nur am Anfang gestört», dann hatten sie sich daran gewöhnt. (*So die Formulierung des Fragebogens!*)... (Löffler 1982: 69).

Излагая научную информацию, автор может «вкраплять» свои размышления по поводу излагаемого:

...Ebensowenig erscheint es berechtigt, die aufgrund textanalytisch ermittelter Autorenstrategie gefundene, potentielle Autorenintention von vornherein und ganz für die tatsächliche Wirkungsabsicht des Autors zu halten, da zwischen Textstrategie und Textintention kein Einszueinsverhältnis besteht und die Wirkungsintention das Ergebnis vorangegangener komplizierter Vorgänge im Bewusstsein des Autors ist, die nur ihm bekannt und (*stets ganz?*) bewusst sind (Steinberg 1978: 57–58).

Для выражения оценки достоверности научного факта автор графически выделяет свою мысль с помощью скобок и вопросительного знака.

В одном предложении может встречаться два метатекстовых комментария, например:

...Die Literaturwissenschaft sah sich dagegen von vornherein auf eine bestimmte Textsorte... beschränkt. (*An dieser Stelle sei mir erlassen, auf das – sicher belangvolle und gewiss nicht kurzschlüssig zu lösende – Problem der Abgrenzung von nicht-künstlerischen und künstlerischen Texten einzugehen*) (Spiewok 1978: 21–22).

В этом примере один комментарий включен в другой, оба заключены в скобки и отделяются друг от друга тире. Такое графическое оформление позволяет автору отделить одну мысль от другой, в то же время подчеркивая их важность.

Таким образом, метатекстовый комментарий необходим автору для того, чтобы подчеркнуть свою точку зрения и дополнительно остановиться на предмете обсуждения.

Метакомплекс

Нередко в корпусе исследованных текстов встречается метакомплекс, когда в одном предложении употребляются толкования, восходящие к одному интерпретируемому фрагменту, например:

...Allerdings darf man diesen philosophischen Materiebegriff nicht mit dem vorher weithin üblichen physikalischen Begriff **der Materie** (*als Substanz, als Masse*) identifizieren: aus der Identifizierung dieser beiden Homonyme erwächst das genannte Missverständnis der strukturellen Linguistik... (Helbig 1970: 101).

В данном примере автор подчеркивает тот факт, что необходимо избегать отождествления философского понятия материи с физическим, т. е. с субстанцией, массой, объясняя это тем, что такое тождество может стать причиной возникновения неясности в структурной лингвистике. При этом существительное «die Materie» интерпретируется двумя конкретизациями – «Substanz» и «Masse».

...Unter sprachlichen Zeichen seien **die relativ selbständigen Einheiten der sprachlichen Nachricht** verstanden, aus denen der Text aufgebaut ist, also *vollsemantische Wörter wie Substantive, Adjektive, Vollverben oder Funktionswörter im Sinne freier Morpheme wie Artikel, Partikel, Hilfsverben...* (Meinhold, Stock 1982: 13).

ИФ в данном примере является словосочетание «die relativ selbständigen Einheiten der sprachlichen Nachricht». К нему восходит толкование через конкретизацию: «vollsemantische Wörter oder Funktionswörter». В свою очередь, понятие полнозначных слов конкретизируется через примеры «Substantive, Adjektive, Vollverben», в то время как «служебные слова» перифразируются как «свободные морфемы», причем перифраза вводится через ВМТС 1.4 (средство указания эквивалентности) «im Sinne». Наконец, компонент «im Sinne freier Morpheme» опять-таки иллюстрируется конкретизацией «Artikel, Partikel, Hilfsverben». Таким образом, метакомплекс охватывает три конкретизации и одну перифразу.

...**Oft liegt ja auch, wenn Menschen eine gegenseitige Verständigung anstreben, starke innere Anteilnahme der Sprechenden vor:** *Man will etwas erreichen, man wünscht oder fürchtet etwas, d.h., man ist an dem Sachverhalt nicht nur intellektuell, sondern auch gefühlsmässig, mit seinem Wollen, seinen Gefühlen und Leidenschaften beteiligt...* (Schmidt 1967: 22).

Интерпретируемый фрагмент, выделенный в примере жирным шрифтом, толкуется дважды. Первое пояснение представляет собой конкретизацию «Man will etwas erreichen, man wünscht oder fürchtet etwas», второе – перифразу «man ist an dem Sachverhalt nicht

nur intellektuell, sondern auch gefühlsmässig, mit seinem Wollen, seinen Gefühlen und Leidenschaften beteiligt». При этом перифраза заключает в себе речевое противопоставление с гетеронимами «intellektuell» и «gefühlsmässig», последний из которых конкретизируется «mit seinem Wollen, seinen Gefühlen und Leidenschaften», что усиливает значимость целой фразы. Таким образом, исходный ИФ подвергается дополнительной интерпретации через конкретизацию и перифразу, включающую в себя речевое противопоставление с гетеронимами.

Итак, метатекстовые средства, составляющие метакомплекс, позволяют автору управлять процессом понимания в сознании реципиента, убедить его в истинности своей точки зрения, последовательно и логично разворачивая аргументацию излагаемых положений.

Представляется целесообразным произвести подсчет частоты метаязыковых и метафразовых средств, встретившихся в нашем материале. Результаты подсчета отображены в табл. 4.

Таблица 4

**Частота метатекстовых средств дополнительной интерпретации
в немецких научных текстах**

Средства	Количество исходных «появления данного средства» – n	Частота – P	Относительная ошибка – δ
Синонимические замены	61	0,0002	0,17
Антонимические выражения с отрицанием	44	0,0003	0,30
Перифразы	161	0,0007	0,09
Конкретизация	566	0,0014	0,07
Метатекстовый комментарий	49	0,0004	0,29
Общее количество МТК	887	0,0069	0,07

Следует отметить, что общее количество метатекстовых компонентов дополнительной интерпретации включает в себя, кроме указанных в таблице величин, два случая толкования через генерализацию и один – через сравнение.

Итак, согласно подсчетам употребления метатекстовых средств в немецких научных текстах, наиболее частотными средствами являются конкретизация и перифраза. Интерпретация этого факта уже предлагалась нами выше при анализе русского материала исследования.

Употребление метатекстовых компонентов на основе метафорического переноса значения

В исследованном корпусе немецких научных текстов было выявлено 404 случая употребления метафор. Метафора в научном тексте выступает как в качестве интерпретируемого фрагмента, так и в качестве метатекстового компонента, с помощью которого автор поясняет сказанное ранее.

Приведем примеры употребления метафор в качестве ИФ:

...Unter sprachlichen Zeichen seien **die relativ selbständigen Einheiten der sprachlichen Nachricht** verstanden, aus denen der Text aufgebaut ist, also *die Wörter*...

В этом примере метафора «materielle Vorgänge» поясняется с помощью конкретизации «die Ausbreitung von Schallwellen» – в первом случае и во втором предложении метафора «die relativ selbständigen Einheiten der sprachlichen Nachricht» – конкретизацией «die Wörter».

...Wenn von Sprache die Rede ist **im Sinne des verfügbaren Instrumentariums** (also der *langue im saussureschen Sinne*), so kann von einer Gesamtheit des Gegenstandes nicht gesprochen werden... (Spiewok 1978: 21)

В научных текстах метафора встречалась и как интерпретирующий фрагмент:

...**Das Sprechen** als *schallerzeugende Verständigungs- und Ausdrucksgebärde* ist... vom psychologischen Gesichtspunkt aus zu betrachten... (Essen 1966: 1).

«Das Sprechen» является интерпретируемым фрагментом и поясняется метафорой «schallerzeugende Verständigungs- und Ausdrucksgebärde». Метафора в данном случае представляет собой конкретизацию и вводится компонентом «als». Представляется, что отчасти этот пример демонстрирует возможности метафоры как украшения речи, точнее, как средства образности в научном тексте.

В следующем примере автор поясняет читателю, как он понимает термин «Lexikalisierung», для толкования он использует метафорическую перифразу:

...Idiomatizität und Stabilität parallelisieren den Phraseologismus dem Wort, führen **zu seiner Lexikaliesierung, der Speicherung im Lexikon**... (Fleischer 1997: 62).

...Die transphrastische (satzübergreifende) Richtung betrachtet den Text als **eine Menge, Folge** oder *Kette von Sätzen*... (Weise 1979: 125).

Здесь метафора «Kette von Sätzen» интерпретирует существительные «eine Menge, Folge». Это метафорическое толкование помогает сделать авторскую мысль наглядной.

Возможны случаи, когда одна метафора поясняется другой метафорой, например:

...Es entsteht **ein Übergangsfeld**, *eine Bedeutungsauflockerung der Termini...* (Schippan 1972: 107).

В данном примере ИФ является метафора «ein Übergangsfeld», которая поясняется метафорой-конкретизацией «eine Bedeutungsauflockerung der Termini».

...Sie führt die Wissenschaft von der Sprache von **der rein empirischen Ebene** (*von der Ebene der direkten Beobachtung und Sammlung von Tatsachen*) auf die höhere Ebene der Erkenntnis von Gesetzen... (Helbig 1970: 101).

Здесь интерпретируемым фрагментом является выражение «die rein empirische Ebene», автор поясняет это выражение с помощью конкретизации, заключенной в скобки, тем самым, облегчая читателю понимание этой мысли.

Тем не менее, необходимо отметить, что большинство метафор, встретившихся в исследуемом материале, не относятся ни к интерпретируемым фрагментам, ни к метатекстовым компонентам. Это можно объяснить тем, что метафоры в научном немецком тексте прочно вошли в языковую систему и поэтому, как правило, не затрудняют понимания. Приведем некоторые примеры (метафоры выделены жирным шрифтом):

...Dem einem oder anderen Leser dieser Prüfungsordnungen und **Themenfelder** werden manche Begriffe unbekannt sein... (Kron 1996: 16).

...Im Zusammenhang mit dem Begriff des Sprachstils **taucht** in der stiltheoretischen Diskussion auch **der Begriff** Denkstil als eine Art Voraussetzung des Sprachstils **auf**... (Sowinski 1999: 4).

...Aus der Identifizierung dieser beiden Homonyme **erwächst das genannte Missverständnis** der strukturellen Linguistik... (Helbig 1970: 101).

...Von nun an **verdichtet sich der Gang der phonetischen Ereignisse**... (Essen 1966: 4).

...**Die Sprachwissenschaft wurde in strukturverblendeter Euphorie auf den Piedestal einer Superwissenschaft erhoben**... (Spiewok 1978: 22).

...Auch **die Beziehungen zwischen Sätzen**, das heisst Relationen zwischen aktiven und passiven Sätzen blieben unübersichtlich... (Schippan 1972: 98).

Таким образом, авторы довольно часто поясняют метафоры или же применяют метафоры в качестве метатекстового компонента. Исследование показало, что метафора играет значительную роль в управлении процессом понимания в сознании читателя.

Частота употребления метафор в различных функциях представлена в табл. 5.

Таблица 5

Частота метафор в немецких научных текстах

Средства	Количество исходов «появление данного средства» – n	Частота – P	Относи- тельная ошибка – δ
1	2	3	4
Метафоры как МТК	60	0,0005	0,26
1	2	3	4
Метафоры как ИФ	32	0,0003	0,35
Остальные метафоры	312	0,0024	0,11

Итак, согласно подсчетам употребления метатекстовых средств на основе метафорического переноса значения, установлено, что большее количество всех встретившихся метафор представляют собой речевые обороты, штампы, прочно вошедшие в научный стиль изложения и не требующие дополнительного комментария. Употребление таких метафор обычно для научного стиля изложения. Однако в проанализированном корпусе немецких научных текстов отмечаются случаи употребления метафоры в качестве МТК, количество которых превышает те случаи, когда метафора является интерпретируемым фрагментом.

2.4. Роль вспомогательных метатекстовых средств в управлении процессом понимания в сознании читателя (на материале немецких текстов)

Настоящий раздел посвящен исследованию функционирования вспомогательных метатекстовых средств (ВМТС) в немецком научном тексте. Для этих целей мы опираемся на классификацию данных средств, приведенную в разделе 2.2.

Целесообразно напомнить, что вспомогательные метатекстовые средства употребляются наряду со средствами дополнительной интерпретации. Комплекс данных средств используется авторами с целью облегчения понимания читателем содержания научного текста.

Напомним самые распространенные вспомогательные метатекстовые средства. А. Вежбицкая посвятила свой труд изучению мета-

текстовых средств, указывающих на логический субъект высказывания (насчет..., что касается...) или на направление хода мысли (во-первых..., во-вторых..., кстати..., впрочем...) [Вежбицкая 1978: 409–411]. В настоящей работе в группу ВМТС для удобства описания объединены средства, не имеющие непосредственного отношения к рассматриваемому в научном тексте предмету и служащие облегчению понимания содержания этого текста. При этом характеристика и функции ВМТС, которые необходимо выявить в процессе анализа, могут оказывать различные воздействия на сознание. Вспомогательные метатекстовые средства имеют непосредственное отношение к предмету речи, необходимо отметить, что опущение их в научном тексте не приводит к искажению смысла фрагментов.

В специальной литературе описаны многие вспомогательные метатекстовые средства, хотя их принадлежность к метатексту указывается не всегда. Так, говоря о специфике научного текста, в лингвистике выделяются следующие средства выражения диалогичности:

- а) различные формы выражения побуждения к сомышлению;
- б) конструкции и обороты связи;
- в) вставные конструкции, в том числе с интонацией восклицания, в значении «обратите внимание»;
- г) вопросно-ответный комплекс;
- д) использование восклицательных предложений;
- е) разные способы выражения предписания, рекомендации;
- ж) конструкции с пояснительным союзом «то есть»;
- з) противопоставления с противительными и соединительными союзами, с усилительными частицами с целью актуализации, усиления смысла;
- и) переносные значения слов, обычно употребляемых в кавычках;
- к) оценочные интенсивы.

Несмотря на то, что в центре подобных исследований являются не метатекстовые компоненты, а средства выражения диалогичности, некоторые из этих единиц было бы целесообразно рассматривать как элементы метатекста, поскольку они не имеют непосредственного отношения к референту. Некоторые из этих средств, однако, не относятся к метатексту, так как, на наш взгляд, непосредственно описывают референт, так что их отсутствие привело бы к потере смысла текстового фрагмента.

Особое внимание уделяется средствам связи и структурирования научного текста. Так, напомним, в лингвистической литературе существует понятие «конституенты», которые помогают читателю удерживать в памяти информацию. С этих позиций данные средства подразделяются на следующие виды: проспективные, дейктические,

противительные, отсылочные и резюмирующие конститuentы. Напомним значения и функции перечисленных групп конститuentов, выделяя средства, которые мы относим к вспомогательным метатекстовым.

Так, функцией проспективных конститuentов является установление контактности и координации фрагментов текста с одновременной ориентацией реципиента на последующую информацию. Введение проспективных конститuentов в текст научной статьи помогает реципиенту представить последующее научное описание и подготавливает к восприятию научной литературы. Но не все эти средства, как, например, «в таком случае» и «во всех отношениях», целесообразно рассматривать как метатекстовые, исходя из критерия потери смысла фрагмента при их отсутствии.

Функция дейктических конститuentов заключается, как следует из самого названия, в указании на отдельные стороны предмета научного исследования при детальном описании той или иной подтемы. Они облегчают понимание соотношения фрагментов текста научной статьи и эксплицитно раскрывают это соотношение.

Функцией противительных конститuentов является сопоставление фактов информации, введение и обоснование того или иного научного предположения в результате допущения обоснованности мнения другого ученого, однако с введением аргумента, опровергающего весомость этого мнения. Но в данном исследовании как метатекстовые компоненты целесообразно рассматривать только противительные конститuentы, выраженные наречиями. Союзы не рассматриваются, так как они выполняют в тексте синтаксическую функцию объединения одного предложения с другим и, как представляется, принадлежат собственно тексту.

Отсылочные конститuentы выполняют в тексте ретроспективную функцию отсылки к предшествующей содержательно-фактуальной информации. По направленности отсылочные конститuentы можно подразделить на две группы: отсылки к источникам и отсылки к ранее изложенной в статье информации. Этот тезис важен для данного исследования, так как в научном тексте авторы очень часто ссылаются на исследования других авторов, а также в целях актуализации информации в сознании читателя возвращаются к ранее изложенным мыслям. Отсылочные конститuentы помогают восстановить в памяти реципиента факты информации, необходимой для дальнейшего развертывания текста.

Резюмирующие конститuentы служат в целях обобщения фактов содержательной информации, употребляются обычно в конце научного исследования.

Безусловно, отсылочные и резюмирующие конститuentы относятся к метатексту.

Напомним, что в процессе текстообразования автор для максимального воздействия на читателя употребляет различные вспомогательные метатекстовые средства. Прежде всего те, которые указывают на связи между компонентами высказывания или между высказываниями говорящего, привлекают внимание собеседника к отдельным компонентам высказывания, с помощью которых говорящий оценивает степень достоверности своих высказываний либо свою компетентность в обсуждаемом вопросе, с помощью которых говорящий оценивает форму своего высказывания.

Не в последнюю очередь употребляются такие вспомогательные метатекстовые средства выражения несогласия с мнением партнера (отчасти они выполняют метакоммуникативную функцию побуждения партнера к высказыванию). Кроме того, в научных текстах присутствуют вспомогательные средства интеллектуальной и эмоциональной оценки.

Говоря о вспомогательных метатекстовых средствах, различают:

- 1) ссылки на собственные высказывания или высказывания собеседника;
- 2) описание структуры высказывания (высказываний);
- 3) указание на направление хода мысли говорящего;
- 4) установление (квази)эквивалентности внутри текста;
- 5) указание на противоположности;
- 6) указание на наличие или отсутствие причинно-следственных связей;
- 7) подытоживание.

Среди ВМТС, привлекающих внимание реципиента к отдельным компонентам высказывания, выделяются следующие подгруппы:

- 1) эксплицитное указание на тему (предмет) разговора (в том числе, через вопрос и специальные клише);
- 2) анафорические местоимения и наречия;
- 3) остальные средства привлечения внимания.

Говоря о ВМТС, с помощью которых говорящий оценивает степень достоверности своих высказываний, возможно отдельное анализирование средств высокой оценки говорящим степени достоверности своих высказываний.

Перечисленные лексические средства являются распространенными, закономерными, действенными способами текстообразования, они способствуют созданию цельности, связности текста. Они систематизируют текст научной статьи. Это в свою очередь непосредственно отражается на восприятии реципиентом данного текста.

Особое внимание уделяется функциям, выполняемым ими в научном тексте, обращение внимания реципиента на тот или иной текстовый фрагмент, удерживание информации в памяти.

Как уже отмечалось при анализе материала на русском языке, отнесение того или иного средства в какую-либо подгруппу не всегда однозначно, так как вспомогательные средства полифункциональны и могут принадлежать к двум группам одновременно, поэтому ВМТС были объединены в одну группу по критерию функции, которая представляется нам доминирующей.

Рассмотрим подгруппы ВМТС на материале немецкого языка.

Как отмечалось выше, ВМТС, указывающие на связи между компонентами высказывания или между высказываниями автора (ВМТС 1) позволяют регулировать процесс понимания в сознании читателя, поскольку осознание реципиентом наличия таких связей, а также структурирование высказывания облегчают понимание воспринимаемой информации.

Приведем примеры употребления вспомогательных метатекстовых средств этой группы.

Ссылки на собственные высказывания или высказывания других авторов (ВМТС 1.1) служат в процессе прочтения статьи своеобразными опорами, позволяющими читателю в случае необходимости «вспоминать» фрагменты этого же текста или слова, мнения, учения других авторов, связанные с проблемой исследования, например:

...Wenn wir oben davon sprachen, dass die rasche Verbreitung von Modewörtern sehr vom sprachlichen «Vorbild» begünstigt wird, muss hier unbedingt noch einmal darauf hingewiesen werden, dass sich vor allem Presse, Rundfunk und Fernsehen infolge ihrer gewaltigen Massenwirksamkeit ihrer erzieherischen Aufgabe bewusst werden müssen... (Heller 1966: 137).

...In dem oben erwähnten Fall (sein gegenüber dein und mein) beruhte die Unterscheidung der klanglichen Wortgestalten auf Unterschieden, die innerhalb der Laute repräsentiert sind... (Meinhold, Stock 1982: 18).

В данном примере ВМТС сочетается с конкретизацией (sein gegenüber dein und mein), что обеспечивает однозначное понимание отсылки к определенному фрагменту.

Автор для освещения научной проблемы может прибегнуть к ее рассмотрению с позиции других ученых, причем ссылки на высказывания других авторов употребляются гораздо чаще, чем отсылки к фрагментам собственного текста, например:

...Der Literaturstil ist wie der Sprachstil allgemein mit der aktualisierten Sprache weder völlig identisch (wie es Benedetto Croce sah) noch potentiell völlig kongruent... (Sowinski 1999: 4).

Besonders umstritten ist, um damit zu beginnen, der Status des definitiven Artikels. H. Frei wertet ihn als Determinatum, N.S. Trubezkoy als Determinans, H. Seiler als Determinatum, Ch. Bally als Determinans, T. Vennemann als Determinatum (Wanruszka 1980: 59).

Как правило, автор использует в своей статье ссылку на другого автора с целью доказательства неопровержимости своего мнения.

Не исключены случаи, когда автор приводит ссылку на собственный труд с той целью, чтобы читатель мог в полной мере ознакомиться с излагаемой проблемой либо получить дополнительную информацию, например:

...Zwar könnte durch eine mehr ins Detail gehende Betrachtung der Sprachentwicklung Anschauungsmaterial dafür gewonnen werden, wie die dinstiktiven Merkmale des Sprachkörpers, der zunächst in der Grobkontur des Silbenumrisses, allenfalls mit präziser Realisation der Kernphoneme vorhanden ist, schrittweise ergänzt, ausdifferenziert und ausgestaltet werden, ein Sachverhalt, den der pathologische Sonderfall der Gaumenspaltartikulation ausweist (vgl. meine Untersuchung in ZPSK 19 (1966) 309–320)... (Meinhold 1970: 80).

...Alle anderen Aktualisierungsformen von solchen Sekundärfunktionen des Negierens (wie ich diese Strukturen andernorts genannt habe) werden dagegen von Schmidt nicht berücksichtigt... (Heinemann 1982: 37–38).

Библиографические ссылки интересны также с точки зрения их графического оформления. Так, например, ссылаясь на другого исследователя, автор может заключать в скобки его фамилию, а также год издания произведения и страницу (название произведения и инициалы автора приводятся в конце статьи):

...Dass Glas Wasser und Tasse Kaffee «unter dem Aspekt der lexikalisch-syntaktischen Organisation der Sprache als freie Kombinationen» fungieren, «deren Verknüpfbarkeit durch keinerlei innersprachliche Beschränkungen überlagert wird» (Telijs 1975, 376), ist eine nicht ganz problemlose Feststellung... (Fleischer 1997: 62).

Введение ссылки часто осуществляется с помощью верхнего индекса, сама ссылка приводится внизу страницы либо в конце статьи в списке литературы, например:

...Aus diesem Grunde hat er auch den Weg von der traditionellen Satzgliedanalyse über die Distributionsanalyse zur Transformationsanalyse oder von der traditionellen Grammatik über die strukturelle Grammatik zur generativen Grammatik als Entwicklung von These über Antithese zur Synthese gedeutet und die generative Grammatik im dialektischen Sinne als «Negation der Negation» angesprochen ²⁷⁶... (Helbig 1970: 103–104).

Ссылка может также быть отмечена цифрой, заключенной в скобки, которая соответствует номеру в списке используемой литературы, например:

...«Die kommunikative Tätigkeit des Senders beginnt mit der Herausbildung der Kommunikationsintention und des Ziels der kommunikativen Handlung» (1)... (Steinberg 1978: 55).

Автор может приводить вслед за изложенной мыслью целый ряд исследователей, занимающихся той же проблемой, тем самым, рекомендуя читателю обратиться к их трудам. Ссылка при этом подчеркивается либо выделяется курсивом. Приведем пример:

... Dazu bedient sich die Phonetik nicht nur der Wahrnehmung durch das Ohr, das Auge und das Getast, sondern auch aller für den jeweiligen Untersuchungszweck geeigneten technischen Mittel, welche die durch die Sinne nicht oder unvollkommen erfasstbaren Vorgänge sichtbar, gegebenenfalls auch wieder hörbar zu machen und bleibende Dokumente zu liefern vermögen ...

Durand 1953, 213 u. 494; Fry 1950; Hjelmslev 1938; Kaiser, L. 1955; Malmberg 1954; Meinhof 1913; 1918; Panconcelli-Calzia 1924. 135f.; 1948; 1961; Schilling 1929; Selmer 1953; Sotavalta 1936; Srtaka 1957/58; Techmer 1884; Vietor 1913 (Essen 1966: 2).

Таким образом, ВМТС-ссылки вводят компоненты высказывания, с помощью которых автор может напомнить читателю о сказанном ранее, а также обратить внимание на позиции других ученых по этой же проблеме. Использование большого количества ссылок в тексте обусловлено логикой научного изложения. Библиографические ссылки позволяют быстро выявить связи данной работы с предшествующими исследованиями. Они способствуют созданию тесных отношений между текстом статьи, приводящей ссылку, и той работой, на которую эта ссылка указывает, что способствует более глубокому осмыслению интертекстуальных связей научного текста.

Перейдем к рассмотрению следующей группы ВМТС, участвующих в описании структуры текста (ВМТС 1.2). Данные вспомогательные метатекстовые средства создают у реципиента установку на восприятие определенного текстового фрагмента, например:

...Im folgenden Beitrag wird der Versuch unternommen, die semantische Klasse der privaten Verben zu charakterisieren... (Heinemann 1982: 36).

...Der moderne Psychologe Revesz schliesslich versucht ... Ziel der Sprache zu umgreifen ... (Ammer 1958: 5).

Авторы немецких статей обычно дают краткое описание эксперимента в начале статьи, например:

...Theoretischer Ausgangspunkt der folgenden Überlegungen ist das Funktionieren der Sprache in der Sprachkommunikation... (Meinhold, Stock 1982: 13).

Подобное введение удобно для читателя, так как создает определенную установку на восприятие информации. Приведем еще некоторые характерные примеры:

...Wir wollen uns hier mit jenen Fremdwörtern in der Gebrauchssprache beschäftigen, für deren lexikalisch-semantiche Hauptvariante eine direkte deutsche Entsprechung vorhanden ist... (Heller 1966: 48).

...Ziel dieser Untersuchung ist es, vor allem auf die Bedeutung der schon aufgezählten aussersprachlichen Sachverhalte für mögliche Sprachkörperveränderungen hinzuweisen, ihre innere Beziehungsverflechtung zu verdeutlichen... (Meinhold 1970: 78–79).

...Im Mittelpunkt der nachfolgenden Bemerkungen, die mehr über Erfahrungen hinsichtlich der Applizierbarkeit bestimmter Methoden berichten als fertige Ergebnisse vorlegen möchten, stehen Fragen und Probleme der Ermittlung von Strategie und Intention des Autors eines poetischen Textes... (Steinberg 1978: 55).

Таким образом, подобные конструкции указывают тему и проблематику статьи и настраивают реципиента на восприятие научного текста.

Наиболее распространенными, по результатам исследования, являются вспомогательные метатекстовые средства, указывающие на направление хода мысли автора (ВМТС 1.3). Данные средства структурируют высказывание и привлекают внимание реципиента к излагаемой информации: *in erster Linie, vor allem, vorerst, zunächst, erstens..., zweitens..., ...drittens, einerseits...* (часто опускается автором), *andererseits..., dabei, damit* и т. д. Приведем примеры употребления этих средств в научных статьях:

...Das ist vor allem die Ansicht der logischen Positivisten... (Rohrer 1971: 18).

...Aller geistige Kontakt ... beruht in erster Linie auf dem hervorragenden Verständigungsmittel unserer Lautsprache (Ammer 1958: 1).

...Wenn daher zum Thema «stilistische Bedeutung» gehandelt werden soll, bedarf es vorerst der Darstellung eigener... Standpunkte... (Spiewok 1982: 48).

...Aber wir brauchen... erstens die Lehre vom Sprachbund, zweitens den Klangvergleich, ...drittens... den Wertvergleich... (Becker 1970: 41).

...Wie unschwer zu erkennen ist, bricht in diesem Fall erzieherischer Realität der Gegensatz von Institution und Organisation einerseits und handelndem Subjekt andererseits auf ... (Kron 1996: 19).

...Dabei werden die Ergebnisse der traditionellen Linguistik keineswegs negiert... (Helbig 1970: 101).

...Man muss also feststellen, dass einerseits semantische und bestimmte syntaktische Kriterien eine Interpretation von Artikel und

Demonstrativum als Detreminatum nahelegen, dass aber andererseits vor allem im Fall morphologischen Gebundenheit eine solche Analyse nicht ganz befriedigend erscheint (Wandruszka 1980: 61).

Таким образом, ВМТС 1.3 представляют собой своеобразные вставочные конструкции, служащие средствами структурирования текста.

Довольно часто автор в своей статье указывает на (квази)эквивалентности внутри текста (ВМТС 1.4), перифразируя или конкретизируя смысловые фрагменты, затронутые ранее. Для этих целей автор употребляет вспомогательные метатекстовые средства: для введения перифразы – *das heisst (d.h.), also*, для введения конкретизации – *nämlich, z.B.* Приведем примеры употребления этих средств для введения перифразы:

...Die Kategorie des Angemessenen ist primär pragmatisch, und das heisst: über den Text hinausweisend, sozialfunktional determiniert... (Lerchner 1978: 9).

...Er war in horizontaler Richtung angelegt, d.h. es wurden einige Nachbardisziplinen der Chemie (Physik und Biowissenschaften) berücksichtigt... (Weise 1979: 128).

...In der Tat lässt sich hier eine gewisse Morphematisierung im Sinn Weinrichs feststellen, d.h. vor allem eine Intensionsreduktion im Vergleich zu den entsprechenden Elementen in freier Position (Wandruszka 1980: 66).

...Als erster Schritt erfolgt die Identifikation des Zeichenkörpers, der von den im lautsprachlichen Falle akustischen Rezeptoren, also dem äusseren und inneren Ohr, aufgenommen und in Nervenimpulse verwandelt wird... (Meinhold, Stock 1982: 15).

Рассмотрим характерные примеры введения конкретизации:

...Wenig wurde bisher das zweite Moment in Überlegungen zur sprachlichen Kommunikation berücksichtigt, nämlich wieweit die Kompliziertheit der Gesprächsinhalte... das Formniveau und die Kompliziertheit der Sprachäusserung bestimmt... (Meinhold 1970: 81).

...Die Übertragung der sprachlichen Nachricht vom Sender zum Empfänger ist durch materielle Vorgänge – z.B. die Ausbreitung von Schallwellen beim Sprechen – gekennzeichnet... (Meinhold, Stock 1982: 13).

Таким образом, ВМТС данной подгруппы позволяют автору научной статьи ввести перифразу или конкретизацию своей мысли. Для читателя данные средства являются сигналом того, что за тезисом последует его пояснение.

Излагая информацию, автор нередко противопоставляет один факт другому, и в данном случае употребляет вспомогательные метатекстовые средства, указывающие на противоположности (ВМТС 1.5): jedoch, dagegen. Приведем некоторые примеры:

...Die zweite Schicht des Grundwortschatzes, die Sekundärstammwörter, sind selbst schon durch Zusammensetzung, Ableitung usw. aus Wurzelwörtern entstanden, sie weisen jedoch die charakteristischen Merkmale der Wörter des Grundwortschatzes... auf... (Schmidt 1967: 24).

...Chomsky will die Syntax einer natürlichen Sprache formalisieren. Die Semantik lässt er dabei zunächst völlig ausser acht. Carnap dagegen beschreibt die Syntax der Logik und entwickelt gleichzeitig eine Semantik für die Logik... (Rohrer 1971: 23).

В проанализированном корпусе текстов в большей степени встретились случаи употребления ВМТС 1.5, выраженные компонентом *jedoch*, который является наиболее частотным средством указания на противоположности.

К ВМТС, указывающим на наличие или отсутствие причинно-следственных связей (ВМТС 1.6), в рамках исследования мы относим лексические средства *demnach*, *dementsprechen*, *daher*:

...Es entspricht viel eher der Grundposition, dass sprachlich-kommunikative Tätigkeit und Sprachsystem eine dialektische Einheit bilden, wenn als Phraseologismen auch okkasionelle Konstruktionen anerkannt werden, denen eine Tendenz zur Lexikalisierung innewohnt. Dass sie im sprachlichen Verkehr nur begrenzte Verbreitung haben, gilt demnach nicht als «Kontraindikation» für die Zuordnung von Wortverbindungen zu den Phraseologismen, vorausgesetzt sie weisen das Merkmal der Idiomatizität und/oder der Strabilität auf... (Fleischer 1997: 64-65).

...Wie noch zu zeigen ist, sind die Methoden der Stilanalyse und Stilinterpretation oft von der jeweiligen Stilauffassung abhängig. Unterschiedliche Stilauffassungen bedingen dementsprechend unterschiedliche stilistische Erschliessungsmethoden... (Sowinski 1999: 2).

...Als bewusste menschliche Tätigkeit ist daher auch die poetische Kommunikation im allgemeinen zielgerichtet... (Steinberg 1978: 55).

...Dies ist die Erklärung dafür, dass die lexikalische Semantik in der linguistischen Bedeutungsdiskussion einen hervorragenden Platz einnimmt... (Spiewok 1982: 49).

...Aus den wenigen Problemandeutungen lässt sich unschwer erkennen, dass sozialwissenschaftliche Forschung und Lehre nicht zu trennen sind und dass sie als eine Darstellungsweise der Wissenschaft in die Lebenspraxis unseres Alltags hineinspielen... (Kron 1996: 17).

С помощью этих средств авторы демонстрируют причинную обусловленность исследуемых феноменов, зависимость одного явления от другого.

В каждой статье и в конце отдельных разделов и глав монографий автор делает вывод из сказанного ранее, используя при этом ВМТС

подытоживания (ВМТС 1.7). К данным средствам относятся такие, как *also, so, verallgemeinernd, zusammenfassend, abschliessend*:

...Verallgemeinernd lassen sich in der Textlinguistik z. Zt. zwei Ansätze feststellen, die in der Forschungsrichtung einander entgegengesetzt sind: der sog. transphrastische Ansatz und der kommunikationsorientierte Ansatz... (Weise 1979: 125).

...Zusammenfassend lässt sich also sagen: Genaugenommen werden im Kommunikationsprozess keine Gedanken übermittelt, auch wenn wir das umgangssprachlich so ausdrücken ... (Meinhold, Stock 1982: 16).

...Der heranwachsende Mensch wird in seinen sozialen Bedingungen und Beziehungen gesehen. An diese muss sich die Erziehung anschließen... Es kann auch an das Schulkind gedacht werden... Hauptgegenstand dieses Bereiches ist also der Mensch, insbesondere der heranwachsende Mensch in seinen sozialen Bedingungen und Beziehungen... (Kron 1996: 18).

...Die Bewertung des Stils gehört so zu den wichtigsten Aufgaben der Literatur- und Musikkritik... (Sowinski 1999: 3).

...Zusammenfassend lässt sich also feststellen, dass einerseits semantische und bestimmte syntaktische Kriterien eine Interpretation von Artikel und Demonstrativum als Detreminatum nahelegen, dass aber andererseits vor allem im Fall morphologischen Gebundenheit eine solche Analyse nicht ganz befriedigend erscheint (Wandruszka 1980: 61).

Abschliessend möchte ich noch einen kurzen Blick auf die romanische Verbalmorphologie ...werfen (Wandruszka 1980: 67).

В исследовании также встречались случаи эксплицитного обоснования необходимости подытоживания, например:

...Ich habe bereits an anderer Stelle über die Gefährdungen dieser linguistisch-strukturellen Poetik gehandelt und darf daher an dieser Stelle kurz zusammenfassen... (Spiewok 1978: 23).

...Darauf möchte ich hier nicht eingehen, sondern auf die Schlussfolgerung für die Rezeption verweisen... (Löffler 1982: 69).

Довольно часто при подытоживании авторы не употребляют вспомогательных метатекстовых средств, подытоживание при этом выделяется графически через абзацный отступ, нумерацию отдельных тезисов. С целью подведения итогов автор может повторить в двух-трех предложениях сказанное ранее, в данном случае подытоживание имеет форму перифразирования.

...Es erwies sich jedoch als möglich, aus den untersuchten Textgenres bestimmte Textteile herauszulösen... (Weise 1979: 129).

Das Problem der Ausgrenzung der Klasse der negimplizierenden Verben besteht daher:

- im Nachweis eines solchen obligatorischen Merkmals...:

- in der Kennzeichnung der Position dieses Merkmals...;

- in der Beschreibung des semantischen Status der neg-Komponente...

(Heinemann 1982: 40).

Обычно такие конструкции встречаются в конце статьи. Подобное оформление обращает внимание читателя, актуализирует в его памяти сказанное ранее, способствует лучшему усвоению информации.

Таким образом, к функциям вспомогательных метатекстовых средств относятся ссылки на собственные высказывания или высказывания других авторов, указание на направление хода мысли автора, установление (квази)эквивалентности внутри текста, указание на противоположности, указание на наличие причинно-следственных связей, а также подытоживание.

Перейдем к рассмотрению **вспомогательных метатекстовых средств, привлекающих внимание реципиента к отдельным компонентам научного текста** (ВМТС 2). Средства данной группы подразделяются на следующие подгруппы:

1) заголовок статьи или раздела (ВМТС 2.1);

2) средства, образующие вопрос в вопросно-ответном комплексе (ВМТС 2.2);

3) средства, эксплицитно указывающие на тему (предмет) рассуждений посредством специальных клише (ВМТС 2.3);

4) анафорические местоимения и наречия (ВМТС 2.4);

5) остальные средства привлечения внимания (ВМТС 2.5).

Данные конструкции можно рассматривать как средства управления вниманием реципиента, так как они создают у реципиента установку на восприятие последующих компонентов научной информации и тем самым облегчают понимание читателем статьи. Приведем примеры употребления этих средств в немецких научных текстах.

ВМТС 2.1 представляют собой заголовок статьи или раздела, например:

ÜBER DIE BEVORZUGUNG LINEALER BEZIEHUNGSWEISE CHRONOLOGISCHER ERZÄHLWEISEN

Dietrich Löffler

5. Termini und Eigenarten

5.1. Terminus und Terminologie (Schippan 1972: 104)

Также название труда может представлять собой вопрос:

Post- oder Prädetermination in den romanischen Sprachen?
(Wandruszka 1980: 56).

В данном случае автор статьи с помощью вопросительного предложения в самом названии труда прямо указывает на спорные моменты

в рассмотрении понятия. Подобным способом он демонстрирует желание рассмотреть в своем труде различные научные подходы.

Таким образом, к ВМТС данной подгруппы относятся названия трудов, в которых содержится указание на темы, рассматриваемые автором в дальнейшем.

ВМТС 2.2 позволяют привлечь внимание читателя с помощью вопроса, входящего в вопросно-ответный комплекс:

...Entspricht er (der Stilbegriff) den sprachlichen Normen oder meint er nur Abweichungen davon? Wenn man sich daran macht, Stildefinitionen zu sammeln, wie dies in manchen neueren Stilistikbüchern oder – aufsäzten bzw. Handbuchartikeln geschieht..., so bringt man leicht ein Dutzend oder mehr verschiedene Formulierungen zusammen, die mitunter einander zu widersprechen scheinen... (Sowinski 1999: 2).

Поставив определенный вопрос, автор не сразу дает на него ответ. Вслед за вопросом может последовать ряд рассуждений, представляющих собой целый абзац или главу и косвенно дающих ответ на авторский вопрос, например:

...Wer soll nun aber diese Berichte gestalten? Die Lernenden erleben zwar auch, aber nachher sind Verbsystem usw. Selbstverständlichkeiten... Namentlich muss man auch den richtigen Augenblick erfassen, weder zu schnell urteilen noch denken, dass man die wahre Wertschilderung aus der Rückschau nach Jahren noch gestalten kann... (Becker 1970: 43).

Автор может вводить вопрос с помощью вводного предложения, например:

...Unser Beitrag versucht aus kommunikativ-funktionaler Sicht einen Brückenschlag zwischen der funktionalstilistischen und der textlinguistischen Betrachtungsweise. Dabei geht es vornehmlich um die Erörterung zweier Fragen:

– Welche Form der Textanalyse ist für die Erfassung (fach-) sprachlicher Kommunikationsvorgänge am geeignetsten?

– Lässt sich eine kommunikativ-funktional begründete Zuordnung von Text-bzw. Darstellungsarten und Kommunikationsverfahren vornehmen?... (Weise 1979: 125).

Приведенный пример не включает в себе прямого ответа на поставленные вопросы, так как вопросный комплекс в данном случае представляет собой постановку проблемы всей статьи. Поэтому ответы на заданные вопросы содержатся в дальнейшем изложении.

Итак, вопросно-ответный комплекс определенным образом структурирует научный текст при помощи введения вопроса и ответов на него.

Рассмотрим ВМТС 2.3, эксплицитно указывающие на тему (предмет) рассуждений посредством специальных клише. Приведем

характерные примеры использования этих средств в немецких научных статьях:

...Nehmen wir einen Funktionalstil der Wissenschaften... (Schippan 1972: 106).

...Wir wollen uns hier mit jenen Fremdwörtern in der Gebrauchssprache beschäftigen, für deren lexikalisch-semantiche Hauptvariante eine direkte deutsche Entsprechung vorhanden ist... (Heller 1966: 48).

...Hier haben wir es mit den Anwendungsgebieten der Phonetik zu tun... (Essen 1966: 1).

Функцию привлечения внимания выполняют также анафорические местоимения и наречия (ВМТС 2.4), например:

...Wir sehen die Wirksamkeit der Sprache im Hinblick auf die Gemeinschaftsformen nicht darin, dass sie als aktive Kraft geistigen Gestaltens, als eine das Leben durchwaltende Macht, die die Welt geistig gestaltet, menschliche Gemeinschaften ins Leben ruft, sondern darin, dass sie als Mittel des Verkehrs alle schöpferischen Kräfte der Menschen zur Wirkung bringt... (Schmidt 1967: 23).

...Wie sehr die Semantik vernachlässigt worden war, zeigt sich auch darin, dass eine repräsentative Einführung in die Sprachwissenschaft von insgesamt 496 Seiten nur drei Seiten auf die Semantik verwendet... (Rohrer 1971: 17).

Однако наибольшее количество ВМТС данной группы составляют ВМТС 2.5, например:

...Zunächst ist hier nur festzuhalten, dass lautliche Erscheinungen einander desto ähnlicher sind, je weniger unterscheidende Merkmale sie haben... (Meinhold, Stock 1982: 18).

...Das ist ein nötiger Hinweis, dass wir die Sprachvergleichen nicht nur diachron betreiben..., sondern dass man auch synchron erfährt, wie verschiedene Erlebnisse man bei fast dem gleichen Laut- und Wortmaterial haben kann... (Becker 1970: 43).

...Es ist doch bemerkenswert, dass sich hier die Auffassung vom Sprechen als einem Naturvorgange abzuzeichnen beginnt... (Essen 1966: 5).

Итак, для привлечения внимания реципиента к излагаемой информации автор употребляет подобные вспомогательные метатекстовые конструкции. ВМТК настраивают читателя на восприятие научной информации, обращают внимание на отдельные компоненты высказываний, убеждают читателя в неоспоримости утверждений.

Перейдем к рассмотрению следующей группы ВМТС, с помощью которых автор оценивает степень достоверности излагаемой информации (ВМТС 3).

Среди ВМТС 3, как отмечалось выше, целесообразно различать средства высокой оценки автором достоверности научного факта

(ВМТС 3.1): *freilich, selbstverständlich, sicher, natürlich, zweifellos, unbedingt, sicherlich* и т. п., средства снижения категоричности (ВМТС 3.2): *wohl*, а также средства выражения субъективности высказываемого мнения (ВМТС 3.3) – *es ist uns bekannt, wir denken* и т. п. Названия этих средств отличаются от предложенных в классификации О. Н. Шаповаловой [2002: 140], так как выполняют в научном тексте несколько иные функции, чем в разговорной диалогической речи.

С помощью ВМТС 3.1 автор выражает уверенность в истинности высказываемого мнения:

...Selbstverständlich fordert eine kompliziertere und komplexere Realität, über die sprachliche Nachrichten ausgetauscht werden sollen, grössere Vielfalt der Lexik... (Meinhold 1970: 81).

...Sicher wird eine voll ausgebaute Sprachwissenschaft sich keineswegs auf die Strukturanalyse allein reduzieren lassen... (Helbig 1970: 100).

...Natürlich ist jedes individuelle Verhalten zugleich soziales Verhalten... (Walter 1982: 79).

...Dieser Gesichtspunkt ist in unserem typologischen Zusammenhang sicherlich der entscheidende (Wandruszka 1980: 68).

...Die gezielte Untersuchung der «Autorphraseologismen» im Geflecht des künstlerischen Werkes kann zweifellos einen Beitrag zur sprachlichen Gestaltungsweise des Schriftstellers liefern... (Fleischer 1997: 67).

...Wenn Bedeutung als Bewusstseinsinhalt definiert wird, so ist dies offenkundig eine substantielle Auffassung... (Spiewok 1982: 49).

.. Ich muss an dieser Stelle unbedingt einfügen, dass dieses ein Buch über Wunder ist und nicht über alles und jedes (Lewis 1967: 43).

Для доказательства своей правоты авторы применяют также устойчивые выражения:

...Es liegt auf der Hand, dass diese Wörter eine wichtige Rolle spielen... (Schmidt 1967: 24).

...Romane, Erzählungen, Gedichte usw. sind ganz und gar nicht allein schon auf Grund ihrer Gattungszugehörigkeit sprachästhetisch qualifiziert... (Lerchner 1978: 7).

Вспомогательные средства этой подгруппы выражают уверенность автора в своем мнении и даже его категоричность.

К средствам снижения категоричности (ВМТС 3.2) можно отнести компонент *wohl*:

...Man darf heute wohl von der Erkenntnis ausgehen, dass nicht nur lexikalische Einheiten im engeren Sinne bei einer Äusserung «reproduziert» werden, sondern «vorgeformte» Satzstücke, Sätze und Satzkomplexe... (Fleischer 1997: 63).

К этой подгруппе примыкают и средства выражения научной гипотезы, подлежащей верификации, или исходного предположения, являющегося отправным моментом для авторских рассуждений:

...Wir nehmen an, dass die Darstellungsart eng an den jeweiligen Kommunikationsplan gebunden ist, woraus sich die funktionale Bevorzugung bestimmter Bündel oder Gruppen von KV in bestimmten Darstellungsarten erklärt... (Weise 1979: 129).

Приведем примеры средств выражения субъективности высказываемого мнения (ВМТС 3.3):

...Wir wissen, dass dies nicht immer optimal gelingt... (Meinhold, Stock 1982: 16).

...Vor dem Hintergrund dieses Zeitverständnisses ist es m.E. leicht zu erklären, weshalb lineare oder chronologische Erzählweisen deutlich bevorzugt werden... (Löffler 1982: 66).

...Es ist uns bekannt, dass sich die Sprache in ständiger Veränderung befindet... (Schmidt 1967: 27).

...Es ist naheliegend, dass gerade postspezifizierende Sprachen einen ausgeprägte Thema und Rhema aufweisen... (Wandruszka 1980: 68).

Таким образом, вспомогательные средства данной группы в полной мере отвечают требованиям автора: убеждать читателя в правоте своих суждений, зачастую избегая излишней категоричности.

С помощью следующей группы ВМТС автор оценивает форму своих высказываний (ВМТС 4). Так, ВМТС 4 могут вводить более общую формулировку, в этом случае они нередко выступают как эксплицитные маркеры генерализации:

...Aus diesem Grunde hat er auch den Weg von der traditionellen Satzgliedanalyse über die Distributionsanalyse zur Transformationsanalyse oder – allgemeiner gesprochen – von der traditionellen Grammatik über die strukturelle Grammatik zur generativen Grammatik... gedeutet... (Helbig 1970: 103–104).

ВМТС этой группы автор употребляет также в случае, если он нашел более удачную форму выражения, например:

...Genauer gesagt, seine Definition erfüllen nicht die Bedingungen, die an korrekte Definition innerhalb eines axiomatischen Systems gestellt werden, nämlich die Bedingung der Eliminierbarkeit und der Nicht-Kreativität... (Rohrer 1971: 21).

...Somit wird unter Sprachkörper das materielle Substrat, die Zeichensubstanz, also die konkrete akustische Form des Gesprochenen verstanden, genauer: die akustische Substanz des Sprachschalls, die mit Hilfe phonetischer Methoden analysiert werden kann..., mit denen jeder Schall beschrieben wird... (Meinhold 1970: 78).

Таким образом, ВМТС 4 могут вводить генерализацию, перифразу или конкретизацию.

Исследуя корпус немецкоязычных научных текстов, необходимо отметить о частоте употребления так называемых императивов, т. е. обращений к читателю. Несмотря на то, что языку науки приписывают монологический характер, элементы диалогичности и коммуникативности присутствуют и в научных текстах. Как уже подчеркивалось, выражение авторской оценки очень ярко выражено в научном тексте и находит свое проявление в комментариях, авторских ремарках, пояснениях.

Под диалогичностью понимается установка в тексте на адресата и отражение в нем признаков диалога. По замечанию лингвистов, необходимо учитывать диалогичность и средства ее выражения не только в публицистической или эстетической, но и в научной сфере общения, осуществляемой в письменной форме. Говоря о существовании научной речи в форме непосредственного общения ученых, реализуемого в диалоге, указывают на появление в стиле научной литературы отдельных элементов диалога, становящихся таким образом характерным для нее стилистическим приемом. Элементы диалога появляются, прежде всего, там, где автор видит в своем читателе не пассивного реципиента, а потенциального партнера, активно участвующего в осмыслении информации. Привлечение читателя к информации реализуется в научном тексте через систему формально-содержательных средств. Основным средством адресованности к потенциальному читателю считается обращение к нему как участнику диалога. Справедливо считать, что данное обращение выполняет контактоустанавливающую функцию.

Говоря о диалогизации научного текста, отмечают, что диалогичность свойственна любым научным текстам, научной речи вообще. В данной работе этот тезис приобретает особую важность, поскольку диалогичность реализуется через метатекстовые средства, не только привлекающие внимание читателя к значимым фрагментам научного текста, но и позволяющие структурировать информацию. Данные средства направлены на активизацию внимания читателя, привлечение его к сомышлению; акцентирование определенных моментов содержания.

Анализируя научные статьи, можно отметить, что метатекстовые компоненты помогают произвести ментальное действие, например, выдвинуть гипотезу, ввести понятие, обосновать теорию, дать определение. Необходимость в использовании диалогических средств возрастает в тексте для преодоления барьера, воз-

никающего между отправителем и получателем речи в результате введения новых понятий. При этом автор активно использует лексические средства при адресованности к реципиенту, с помощью которых намеренно привлекает внимание читателя к информации. В качестве источника диалогизации научной прозы выступает отражение в научном тексте самого процесса мышления, «имитации» этого процесса, диалогического по своей сути, поэтому диалогичности письменной научной речи дается двойное обоснование: коммуникативное и когнитивное.

Приведем примеры проявления диалогичности научного текста, которая осуществляется с помощью вспомогательных метатекстовых средств, эксплицитно указывающих на тему (предмет) рассуждений посредством специальных клише:

...Wir werden auf diese für Gestalt und Entwicklung der Morphologie wichtigen Zusammenhänge zurückkommen (Wandruszka 1980: 57).

...Wir nehmen an, dass die Darstellungsart eng an den jeweiligen Kommunikationsplan gebunden ist, woraus sich die funktionale Bevorzugung bestimmter Bündel oder Gruppen von KV in bestimmten Darstellungsarten erklärt... (Weise 1979: 129).

...Nehmen wir einen Funktionalstil der Wissenschaften... (Schippan 1972: 106).

...Wir wollen uns hier mit jenen Fremdwörtern in der Gebrauchssprache beschäftigen, für deren lexikalisch-semantische Hauptvariante eine direkte deutsche Entsprechung vorhanden ist... (Heller 1966: 48).

...Hier haben wir es mit den Anwendungsgebieten der Phonetik zu tun... (Essen 1966: 1).

...Wir wollen uns hier mit jenen Fremdwörtern in der Gebrauchssprache beschäftigen, für deren lexikalisch-semantische Hauptvariante eine direkte deutsche Entsprechung vorhanden ist... (Heller 1966: 48).

Примеры демонстрируют императивный, т. е. побудительный характер повествования. Главным средством введения побудительного предложения является личное местоимение *wir* и соответствующая форма глагола. К этой подгруппе примыкают средства выражения научной гипотезы, подлежащей верификации, или исходного предположения, являющегося отправным моментом для авторских рассуждений. Функция диалогического вопроса служит в научной речи для сосредоточения внимания на том или ином важном, по мнению автора, положении.

Таким образом, на основании проанализированных немецкоязычных текстов можно целесообразно сделать вывод о том, что элементы субъективного отношения к высказываемому мнению не могут быть полностью исключены из языка научной прозы, ибо

именно в них заключается определенная оценочная характеристика излагаемого предмета.

Для количественной характеристики исследуемых единиц был произведен подсчет ВМТС, употребленных в научных текстах (см. табл. 6).

Таблица 6

**Частота вспомогательных метатекстовых средств
в немецких научных текстах**

Средства	Количество исходов «появления данного средства» – n	Частота – P	Относительная ошибка – δ
ВМТС 1	987	0,0077	0,06
ВМТС 2	139	0,0011	0,17
ВМТС 3	148	0,0012	0,16
ВМТС 4	57	0,0004	0,26

Полученные данные свидетельствуют о том, что наиболее частотными вспомогательными метатекстовыми средствами являются средства первой группы, т. е. ВМТС, указывающие на связи между высказываниями. Необходимость частотного употребления именно этих средств очевидна: опущение ВМТС данной группы привело бы к потере смысловой связи текста, так как без описания структуры высказываний, указания направления изложения материала, а также выводов и заключений было бы сложнее понять автора. Кроме того, средства, вошедшие в эту группу, позволяют автору вводить в текст метатекстовые компоненты в целях разъяснения уже упомянутой информации. Остальные группы ВМТС имеют место в научном немецком тексте, но представлены не столь широко. Это можно объяснить тем, что стилистические нормы не позволяют перегружать текст клише, привлекающими внимание, средствами оценки степени достоверности представляемой информации и тем более оценки формы высказывания (последние употребляются скорее в порядке исключения), поскольку научный текст должен быть информативным, и его избыточность ограничена прагматическими задачами автора.

Итак, исследование немецких научных текстов показало, что вспомогательные метатекстовые средства представляют собой действенные способы управления процессом понимания в сознании читателя. Номенклатура ВМТС, выявленных в немецком корпусе текстов, представлена в приложении 2.

2.5. Сочетание метатекстовых компонентов дополнительной интерпретации и вспомогательных метатекстовых средств

В разделах 2.1–2.4 были рассмотрены метатекстовые компоненты дополнительной интерпретации и вспомогательные метатекстовые средства в русских и немецких научных текстах, было дано описание выполняемых ими функций и приведены характерные примеры их употребления. Кратко мы останавливались на тех средствах, с помощью которых авторы статей вводят тот или иной МТК. Напомним, что группу МТК составляют синонимы, антонимические выражения с отрицанием, перифраза, конкретизация, генерализация, сравнение, а также метатекстовый комментарий. В рамках настоящего исследования представляется целесообразным подробнее остановиться на вспомогательных метатекстовых средствах, которые способствуют введению МТК в научном тексте.

Так, введение в текст **синонимов** оформляется в русских и немецких научных текстах, главным образом, графически: с помощью перечислений понятий через запятую, приведения синонима в скобках, кроме того, грамматически – союзом *или/oder*. Приведем примеры:

...Такое понимание психолингвистики и других «пограничных» областей... было связано с **неточным, приблизительным** представлением о системе наук... (Леонтьев 1997: 6).

...Термин «информация» употребляется в двух значениях: **обще-принятом (бытовом)** и терминологическом... (Гальперин 1981: 26).

...Эти идеи проверяются **на достоверность** или *истинность* (Горелов 1987: 145).

...Laute haben als **Elemente** oder *Bausteine* der Wörter keinen Zeichencharakter... (Meinhold, Stock 1982: 14).

...Alle Wörter, die es in einer Sprache gibt, bilden ihren **Wortbestand (Wortschatz)**... (Schmidt 1967: 23).

Проанализированный корпус научных текстов показал, что авторы для введения синонимов практически не употребляют ВМТС.

Антонимические выражения с отрицанием в большинстве случаев вводятся противительными союзами *не..., а...; не..., но / nicht nur ..., sondern ....* Однако иногда **гетеронимы** вводятся авторами с помощью ВМТС 1.5, указывающих на противоположность, например:

...Мы остановимся сперва на отдельных словах языка, а по отношению к ним мы должны прежде всего определить, что такое слово, как известная единица в языке, т. е. что представляет отдельно **целое**

слово в отличие от ряда слов, соединенных одно с другим, а также и в отличие от каких-либо частей в слове... (Фортунатов 1956: 163).

Введение метафразового противопоставления также может осуществляться средствами *наоборот, напротив, все же*, относящимися к ВМТС 1.5, например:

...Поскольку фонология в противоположность фонетике должна исследовать функции звуков человеческой речи, она не может ограничивать себя одной экспликативной функцией. Наоборот, фонология обязана принимать во внимание как экспрессивную, так и апеллятивную функции звуков... (Трубецкой 2001: 98–99).

Die syntaktische Funktion, Numerus und Genus des Nomens werden **...nicht** durch Endungen, **sondern** unter anderem durch den Artikel **...markiert** (Wandruszka 1980: 56).

Перифраза относится к числу МТК, введение которых требует определенных вспомогательных средств. Большее количество перифраз употребляется с компонентом *то есть / т. е.*, кроме того, с вводными выражениями *иначе говоря, другими словами, это значит / das bedeutet, das heißt*. Все эти средства относятся к ВМТС 1.4, устанавливающим (квази)эквивалентность внутри текста, например:

...Знак должен быть материальным, т. е. должен быть доступен чувственному восприятию, как и любая вещь... (Реформатский 2001: 27).

...Поэтому всякий раз, когда мы применяем слово как семантическую значимость к реальной действительности, **мы покрываем более или менее новую совокупность представлений. Иначе говоря, мы постоянно транспонируем, употребляем переносно семантическую значимость знака...** (Карцевский 2001: 79).

...Психолингвистика изучает те процессы, в которых интенции говорящих преобразуются в сигналы принятого в данной культуре кода и эти сигналы преобразуются в интерпретации слушающих. Другими словами, психолингвистика имеет дело с процессами кодирования и декодирования, поскольку они соотносят состояния сообщений с состояниями участников коммуникации... (Леонтьев 1997: 16–17).

Schliesslich wendet er sich der Position von **Satzqualifikatoren, d. h. von Interrogations- und Negationsmorphemen** zu. (Wandruszka 1980: 57)

...Wie bereits die Kurzdefinition andeutet, **haben wir es bei den Kommunikationsverfahren nicht nur mit linguistischen, sondern mit psycholinguistischen Einheiten zu tun. Das bedeutet, dass neben dem Bezug zum Kommunikationsgegenstand die Sprecherintention, der Kommunikationsplan und die Einstellung zum Kommunikationspartner zu berücksichtigen sind...** (Weise 1979: 127).

...Auch **die Beziehungen zwischen Sätzen**, das heisst Relationen zwischen aktiven und passiven Sätzen blieben unübersichtlich... (Schippa 1972: 98).

Конкретизация вводится авторами научных текстов, также как и перифраза, с помощью ВМТС 1.4 установления (квази)эквивалентности внутри текста, а именно средствами *как, например/als, z.B.*:

...**Язык как сущность** находит свое проявление в речи... (Баранникова 1998: 52).

...В научных трудах нередко были «**вставки**» не собственно научного характера, но представляющие собой, например, *воспоминания автобиографического характера... или восхваление достоинств какой-нибудь науки, лица, которому посвящено произведение...* (Кожина, Котюрова 1978: 13).

...Nach erfolgter Prüfung aller inneren und äusseren Bedingungen und Möglichkeiten klären sich im Bewusstsein des Autors **die Kommunikationsintention und das Handlungsziel als der unmittelbare Handlungsantrieb für die kommunikative Tätigkeit...** (Steinberg 1978: 55).

Следует в данном случае сделать такое замечание, что при рассмотрении средств введения конкретизации неизбежно причисление союзов к вспомогательным метатекстовым средствам, хотя союзы нами вообще не рассматриваются как ВМТС. Дело в том, что именно союзы в должной мере позволяют автору употребить конкретизацию, поэтому их как средства введения МТК мы можем отнести к ВМТС.

В проанализированном корпусе русских и немецких научных текстов были встречены лишь немногие случаи употребления в качестве дополнительного толкования **генерализации**. Были выявлены случаи введения генерализации с помощью средств *m. e.* и *also* – ВМТС 1.4, указывающих на (квази)эквивалентность внутри текста, например:

...Со структурой предложения связаны свои особые синтаксические категории, базирующиеся на морфологических категориях, но далеко выходящие за их пределы: **категории времени и модальности, а также – в широком синтаксическом понимании – и категория лица, т. е. те категории, которые выражают отношение сообщения к действительности и подводятся под общее понятие «предикативности»...** (Виноградов 2001: 207).

...Sprach- und Literaturwissenschaft haben ihren gemeinsamen Gegenstand **dort, wo das Instrumentarium sprachlicher Mittel funktioniert, also im Text...** (Spiewok 1978: 21).

Сравнение вводится грамматическими средствами *как и..., что и..., так же как и.../wie*, которые в рамках нашего исследования отно-

сятся к собственно текстовому, а не метатекстовому уровню. Приведем примеры:

...**Научному стилю**, как и всякому другому, свойственна своя прагматика... (Наер 1985: 15).

...Die Menschheit fühlte schon immer mit wachsender Klarheit, die der zunehmenden Fähigkeit zu einer rationalen Erklärung der uns umgebenden Umweltphänomene entspricht, dass die Sprache **eine Erscheinung** ist, die uns gleichsam wie *ein lebensnotwendiges Medium* umgibt... (Ammer 1958: 1).

Результаты проведенного анализа взаимодействия МТК и ВМТС в русских и немецких научных текстах суммированы в табл. 7.

Таблица 7

**Сочетание метатекстовых компонентов
дополнительной интерпретации
со вспомогательными метатекстовыми средствами**

МТК	ВМТС
Синонимы	–
Антонимические выражения с отрицанием	ВМТС 1.5 – наоборот, напротив, все же, в отличие от...
Перифраза	ВМТС 1.4 – то есть / т. е., иначе говоря, другими словами, это значит / das bedeutet, das heißt
Конкретизация	ВМТС 1.4 – как, например / als, z.B.
Генерализация	ВМТС 1.4 – т. е., таким образом / d.h., also
Сравнение	–

Итак, анализ русских и немецких научных текстов показал, что вспомогательные метатекстовые средства часто используются для введения того или иного метатекстового компонента дополнительного толкования. Другими словами, разные группы метатекстовых средств не функционируют изолированно друг от друга, а образуют своего рода комплекс, позволяющий автору достичь понимания сложного содержания научного текста. Исследование выявило, что при употреблении метатекстовых средств большое значение приобретают ВМТС 1.4, сигнализирующие о (квази)эквивалентности двух текстовых фрагментов. Как отмечалось в разделе 2.2, число этих средств в проанализированных текстах превышает количество случаев употребления ВМТС других групп. Активное употребление именно этих средств можно объяснить тем, что они являются удоб-

ными средствами введения толкования, поскольку, будучи маркерами смыслового тождества, однозначно указывают на последующее разъяснение через примеры, перифразу и т. д.

2.6. Использование символично-графических средств в русских и немецких научных текстах

В данном разделе речь пойдет об употреблении символично-графических средств в русских и немецких научных текстах. В разделе 1.5 речь шла о роли данных средств в научном тексте. Было подчеркнуто, что автор для успешного осуществления своих замыслов подвергает высказывание соответствующей обработке, используя не только языковые, но и внеязыковые способы, приемы и средства. Также подчеркивалось, что интерес к проблемам речевого воздействия в процессе создания научного текста чрезвычайно вырос. Лингвистов все больше привлекают невербальные средства коммуникации, так называемой «визуальной информации», влияющей на процесс восприятия текстуального содержания. Это находит свое подтверждение в большинстве научных работ, посвященных лингвистике видеовербального текста. Все большее внимания привлекает структура, организация так называемых креолизованных текстов.

Благодаря графическому выделению автор получает дополнительные возможности акцентуации, подчеркивания наиболее важных элементов в тексте, что способствует целенаправленному воздействию на адресата речи.

Совокупность вербальных и невербальных компонентов имеет в процессе структурирования научного текста огромный потенциал воздействия. Умение использовать визуальную информацию в текстообразовании определяет степень воздействия автора на реципиента.

Напомним, что к параграфемным средствам относятся выделение курсивом, жирным шрифтом, подчеркивание, изменение размера шрифта, нумерация абзацев, применение символов (например, математических), наличие рисунков, графиков, таблиц, схем, диаграмм и т. п. Графика также включает библиографические ссылки и примечания.

Прежде всего, необходимо отметить, что научный текст направлен на то, чтобы обеспечить условия для адекватного восприятия содержащейся в нем научной информации. По справедливому замечанию В. Л. Наера, длительная практика написания научных работ, опыт и авторитет крупных ученых, а, кроме того, регулирующая дея-

тельность издательских органов послужили формированию определенных композиционных моделей научных текстов в различных жанрах научного стиля [Наер 1985: 18].

Русские и немецкие научные статьи, монографии и учебники имеют довольно единообразную композиционную структуру. Так, за названием, например, статьи следует фамилия автора и инициалы или наоборот – фамилия и инициалы, а потом название статьи. Иногда после названия следует краткая аннотация статьи. Все это сразу же настраивает читателя на восприятие информации и дает представление о том, что собой представляет статья. Что касается монографий и учебников, то их композиционная структура также имеет некоторые особенности оформления, например, большое количество разделов, большой объем излагаемого материала.

Весь композиционный строй и состав дальнейшего изложения научного текста отличается очевидной прагматической направленностью: основной текст статьи разделяется на абзацы, которые могут быть пронумерованы, либо, что обычно, начинаются с новой строки и выделяются отступом. Оформление научного текста продиктовано ГОСТом, хотя допускаются некоторые вариации, так что для каждого научного сборника статей присуще свое оформление.

Необходимым требованием, например, является наличие библиографических ссылок, оформление которых отчасти зависит от редакции того или иного научного сборника. В исследованном корпусе текстов, например, встретились различные формы оформления ссылок и, как следствие, оформление библиографического списка. Ссылки были оформлены через верхний индекс, при этом библиография помещалась либо внизу страницы, либо в конце в общем списке. Кроме того, ссылка заключалась после заимствованного тезиса в скобки и нумеровалась, нумерация при этом соответствовала номеру в библиографическом списке в конце статьи. Автор статьи также помещал фамилию другого автора, год издания и соответствующую страницу в квадратные скобки после цитаты, при этом в списке в конце статьи приводилась полная библиография. Нередки случаи, когда автор статьи ссылается на нескольких ученых, в таких случаях в квадратные скобки помещаются фамилии этих ученых в алфавитном порядке и годы изданий их научных трудов.

Для оформления ссылок фамилии других авторов, а также их работы (но гораздо реже) выделяются другим шрифтом (обычно более мелким) и/или курсивом, что позволяет выделить ссылку из всего полотна научного текста статьи. Удобны для прочтения те статьи, в которых приводятся постраничные ссылки, так как это экономит время читателя и сосредотачивает его внимание именно на самой

статье, а не на поиске соответствующего номера в библиографическом списке.

Таким образом, библиографические ссылки позволяют провести параллели между написанной статьей и той работой, на которую ссылается автор в своей статье. Библиографические ссылки позволяют быстро выявить связи данной научной работы с предшествующими исследованиями, охарактеризовать источниковедческую базу исследования и в определенной степени научные позиции автора.

С целью обращения внимания на определенные участки научного текста авторы используют также курсив, жирный шрифт и подобные графические средства. Их использование зависит от целей и задач, поставленных самим автором научного текста.

Общепринятым условием оформления работы является выделение курсивом слов на иностранном языке, а также примеров из собственного исследования. Такое выделение обращает на себя внимание и выделяет эти фрагменты из всего текста статьи.

Жирным шрифтом, курсивом, разрядкой, подчеркиванием в статьях выделяются термины, которые автор вводит в текст статьи впервые. Этими средствами могут также выделяться основные признаки того или иного понятия. С помощью их графического выделения автор делает акцент на этих положениях, оказывая тем самым влияние на процесс восприятия информации читателем.

К факторам внешней организации текста научной статьи относятся также таблицы, графики, схемы, рисунки, фотографии, условные обозначения и т. д. В исследованном корпусе текстов русских статей были отмечены лишь три случая наглядного изображения материала в виде схем, в исследованном корпусе немецких статей – один случай применения схемы. Непременно график выделяется из общей текстовой ткани, как правило, к нему прилагается сопроводительный текст, комментирующий данные.

Чтобы перейти к изображению схемы, авторы используют вводные предложения, например:

...Для иллюстрации ассиметричного характера знака можно было бы прибегнуть к следующей схеме... (Карцевский 2001: 81).

...Все сказанное выше можно сжато изобразить в виде такой схемы... (Смирницкий 2001: 209).

...Zur Verdeutlichung des besprochenen Verhältnisses möge folgende schematische Darstellung dienen... (Schmidt 1967: 24).

Недостаточно активное применение таблиц, схем можно объяснить, например, тем, что статьи могут иметь обзорный характер, что не предполагает употребления таблиц и прочих наглядных изображений. Кроме того, использование различных схем и графиков, как

правило, не составляет абсолютную необходимость, и их использование зависит от позиций и желаний автора статьи.

Авторы научных статей нередко вводят свои собственные условные обозначения, номенклатурные, математические знаки и аббревиации. В исследованном корпусе русских и немецких статей были выявлены случаи употребления аббревиатур. Такие сокращения в текстах статей применялись для немногих, часто встречающихся терминов. Приведем примеры употребления аббревиаций (для наглядности мы выделяем термин курсивом, аббревиатуру – жирным шрифтом):

...Представляется целесообразным различать информацию а) *содержательно-фактуальную* (**СФИ**), б) *содержательно-концептуальную* (**СКИ**), в) *содержательно-подтекстовую* (**СПИ**)... (Гальперин 1981: 27).

...*Den Kommunikationsverfahren* (**KV**) als «geistig-sprachlichen Operationen» kommt bei der kommunikativ-funktionalen Textgestaltung und – analyse eine zentrale Rolle zu... (Weise 1979: 127).

Кроме того, аббревиации могут существовать в тексте самостоятельно, при этом их значение понятно из текстового содержания. Целесообразность подобных сокращений объясняется языковой экономией, а также наличием фоновых знаний реципиента.

...Dies trifft übrigens im heutigen **Frz.** und **Ital.** auch für nominale thematische Subjekte zu, während im **Port.** und vor allem im **Span.** solche Subjekte auch noch postverbal auftreten können (Wandruszka 1980: 68).

Автор статьи может представлять различные точки зрения, оформляя библиографические ссылки сразу после соответствующих фрагментов, что является удобным для прочтения, например:

...Д. И. Дубровский разграничивает мономодальные, полимодальные и надмодальные сигналы, последние из которых представляют собой сигналы высшей степени интергративности... (Дубровский, 1971, с. 253).

А. Р. Лурия неоднократно отмечает, что познавательная деятельность человека никогда не протекает, опираясь лишь на одну изолированную модальность... (Лурия, 1973).

П. К. Анохин, говоря об интегративной деятельности мозга, также указывает, что неизбежно имеет место конвергенция разнородных возбуждений, происходящих из разных источников и обработанных до единой информации (Анохин, 1974, с. 12).

По мнению К. Прибрама (1975, с. 90), формы перекодирования, которые возможны в нервной системе, фактически безграничны... (Залевская 1990: 59).

Кроме того, в немецких статьях автор может сразу вводить сокращение. В таких случаях расшифровка дана, например, в названии статьи. Приведем пример:

Darstellung des Modells der *Transformationellen Grammatik*

Die **TG** ist entstanden durch das Zusammenwirken zweier Richtungen: des Strukturalismus... und der mathematischen Logik... (Rohrer 1971: 17).

Изначально употребив сокращение, автор расшифровывает его в скобках, например:

...Textlinguistische Analyse der Texte mit dem Ziel, die Textstrategie und Autorenintention zu ermitteln nach folgenden Rahmenbedingungen:

...Ermittlung von **GEI** (=Gemeinsamen Einordnungsinstanzen)... (Steinberg 1978: 59).

Представляется, что контактное употребление термина и соответствующей аббревиатуры позволяет рассматривать их соответственно как поясняющий метатекстовый компонент и интерпретируемый фрагмент, причем это представляет собой редкий случай постпозитивного употребления ИФ. Возможно отнесение расшифровки аббревиатуры к частному случаю синонимических замен, что и было сделано в настоящем исследовании.

Итак, употребление сокращений является распространенной формой изложения научной информации. Сокращения удобны в первую очередь для автора текста, так как позволяют экономить языковые средства для выражения понятия, состоящего из двух и более слов.

Для удобства описания авторы вводят собственные условные обозначения, например:

...Допустим мы имеем выражение Q , обозначающее качества $P_1 \dots P_n$ в контексте C . Затем появляется метафора Q' , называющая качества $P'_1 \dots P'_n$ в контексте C' ... (Петров 1985: 207).

Подобные знаки позволяют автору в сжатой форме объяснить читателю какую-либо закономерность, избегая долгого, в данный момент неудобного описания через лексические единицы.

Таким образом, необходимыми графическими средствами в научной статье являются библиографические ссылки, употребления разного размера шрифта, подчеркивания, использование курсива, жирного шрифта и разрядки. Большую роль в достижении понимания играет применение символов.

В целях обобщения научного материала используются таблицы, схемы, графики, которые способствуют суммированию полученных результатов и, бесспорно, оказывают влияние на процесс запоминания, фиксирования в памяти научной информации. Этим средствам

в научном тексте принадлежит немаловажная роль в достижении коммуникативно-прагматического эффекта, то есть максимального, целенаправленного и сознательного воздействия на адресата речи. С помощью графических средств автор стремится повысить вербальную действенность своего текста.

2.7. Употребление метатекстовых средств в русских и немецких научных текстах: сопоставительный анализ

Сопоставительный анализ употребления метатекстовых средств достижения понимания в русских и немецких научных текстах не составляет цели нашего исследования. Однако он необходим как промежуточный этап для теоретического обобщения результатов, полученных на материале разных языков. Настоящий раздел посвящен сопоставлению данных, касающихся употребления метаэлементов, необходимых для формирования определенного концептуального содержания в сознании реципиента в русских и немецких научных текстах.

Прежде всего остановимся на средствах дополнительной интерпретации, т. е. на метаязыковых и метафразовых средствах. При этом представляется целесообразным учесть как качественные, так и количественные характеристики исследуемого объекта.

Что касается качественного анализа, и в русском, и в немецком материале представлен сходный по своим семантическим характеристикам инвентарь метатекстовых средств дополнительного толкования. Это синонимические замены, антонимические выражения с отрицанием (гетеронимы, метафразовое противопоставление), перифраза, конкретизация, генерализация, сравнение, метатекстовый комментарий. Кроме того, материал обоих языков позволил выявить значительное количество МТК, построенных на основе метафорического переноса значения. В то же время сопоставление количественных параметров исследуемых единиц демонстрирует как общие тенденции их употребления в научном стиле, так и отдельные специфические закономерности, характерные для русского и немецкого научного текста.

Во-первых, необходимо сопоставить частоту употребления МТК дополнительной интерпретации в русских и немецких текстах. Сравнение частоты употребления МТК предоставлено в табл. 8. При этом частота употребления сравнений и генерализации не указывается,

так как относительная ошибка при оценке этого показателя превышает 30 % от измеряемой величины.

Таблица 8

**Частота употребления метатекстовых компонентов
в русских и немецких научных текстах**

Корпус текстов	Русские тексты	Немецкие тексты
Синонимические замены	0,0011	0,0002
Антонимические выражения с отрицанием	0,0005	0,0003
Перифразы	0,0035	0,0007
Конкретизация	0,0076	0,0014
Метатекстовый комментарий	0,0005	0,0004
Общее количество	0,0133	0,0069

Как следует из табл. 8, по сравнению с немецкими авторами, русские авторы склонны несколько активнее употреблять метатекстовые компоненты дополнительной интерпретации. Однако этот вывод не представляется нам окончательным, поскольку полученные расхождения отчасти могут компенсироваться относительной ошибкой при оценке этих показателей. Очевидно, уточнение этих данных на более объемном корпусе исследованных текстов – задача дальнейших исследований, причем сравнительно-типологического характера. Кроме того, округление общего количества МТК в русских и немецких текстах до сотых дает одну величину – 0,01, что означает, что в научных текстах предпринимается в среднем одна попытка дополнительного толкования на 100 словоупотреблений.

Во-вторых, удобно сопоставить процентное соотношение МТК, реализующих различные средства метатекстового толкования. Для этого следует отдельно на материале русских и немецких научных текстов подсчитать в процентах долю каждого из употребленных метатекстовых средств от общего количества МТК, составляющего 100 %. Результаты подсчетов представлены в табл. 9 и 10.

Таблица 9

Соотношение метатекстовых компонентов в русских научных текстах

Синонимические замены	Антонимические выражения	Перифразы	Конкретизация	Генерализация	Сравнение	Метатекстовый комментарий	Все МТК
8,4	3,9	26,5	57,0	0,1	0,7	3,4	100

**Соотношение метатекстовых компонентов в немецких научных текстах,
в процентах**

Синонимические замены	Антонимические выражения	Перифразы	Конкретизация	Генерализация	Сравнение	Метатекстовый комментарий	Все МТК
6,9	4,9	18,3	64,2	0,2	0,1	5,4	100

Мы отдаем себе отчет, что результаты получены на основе работы с двумя конкретными выборками текстов, поэтому не претендуем на абсолютную значимость наших данных для характеристики всех русских и немецких текстов. Тем не менее, мы используем результаты подсчетов для иллюстрации определенных тенденций, которые прослеживаются в употреблении МТК дополнительной интерпретации в научном стиле.

Согласно полученным данным, в русских и немецких научных текстах наиболее частотными средствами толкования являются конкретизация (в русских научных текстах 57 % от общего количества МТК, в немецких текстах – 64,2 %) и перифраза (в русских текстах – 26,5 %, в немецких – 18,3 %). Частотность употребления этих средств можно объяснить тем, что они в большей степени, чем другие метатекстовые компоненты, позволяют автору разъяснять научные положения и отдельные понятия.

Понятия могут также поясняться через синонимические замены (в русских текстах 8,4 %, в немецких текстах 6,9 % от общего числа МТК дополнительной интерпретации). Представляется, что, функции научного толкования через языковые и контекстуальные синонимы различаются следующим образом: языковые синонимы служат прежде всего для указания синонимичной терминологии (приводя синоним, автор напоминает читателю о существовании иного обозначения описываемого объекта, например, термина, используемого в иных моделях или концепциях), тогда как контекстуальные синонимы позволяют представить всестороннюю характеристику явления. Характерно, что в русских научных текстах в большей степени в качестве МТК употребляются контекстуальные (их доля от общего числа синонимов составляет 89 %), а неязыковые синонимы (на них приходится оставшиеся 11 %), тогда как авторы немецких научных текстов, наоборот, чаще употребляют толкования через языковые синонимы (доля языковых и контекстуальных синонимов в немецком материале составляет соответственно 91,8 % и 8,2 %). Можно предположить, что в немецком науч-

ном стиле сложилась традиция указания синонимов терминологического характера, в то же время немецкие авторы стремятся избегать пояснения понятия через его контекстуальный синоним, очевидно, воспринимая эту интерпретацию как избыточную.

Наряду с синонимами в качестве МТК в русских и немецких научных текстах выступают антонимические выражения с отрицанием, к числу которых в данном исследовании также отнесены гетеронимы и метафразовое противопоставление. По результатам исследования толкование через эти средства – явление, менее частотное в научном тексте (3,9 % в русских текстах, 4,9 % в немецких текстах), тем не менее, такая интерпретация возможна, так как позволяет противопоставить два положения или понятия друг другу.

При исследовании употребления генерализации и сравнения в русских и немецких научных текстах стал очевиден тот факт, что данные средства применяются авторами очень редко (доля употребления генерализации в русских научных текстах составляет 0,1 %, в немецких – 0,2 %; употребление сравнений составляет соответственно 0,7 и 0,1 %). Интерпретация этих данных уже предлагалась выше (см. разделы 2.1 и 2.3).

В ходе анализа выявлены также авторские замечания по поводу излагаемого материала, т. е. метатекстовый комментарий, доля которого от общего числа МТК составляет 3,4 % в русских текстах и 5,6 % – в немецких. Безусловно, употребление метатекстового комментария неизбежно в научном тексте, так как автор при изложении содержания всегда имеет цель сделать информацию доступной и понятной для читателя, а также указать собственную точку зрения или продемонстрировать ход своих размышлений. Поэтому как русские, так и немецкие авторы сопровождают изложение комментарием, при этом вкрапляя его в середине высказывания или после отдельного фрагмента, заключая в скобки либо выделяя другим шрифтом.

Поведенное исследование позволило выявить соотношение случаев пояснения отдельного понятия и целого суждения в русских и немецких текстах. По полученным результатам, с помощью метатекстовых компонентов дополнительной интерпретации в большинстве случаев поясняются понятия, а не суждения. Так, в русских научных текстах 88,9 % всех МТК используется для толкования понятия и 11,1 % – для толкования суждения. В немецких научных текстах для толкования понятия употребляется 96,9 % общего количества МТК, для толкования суждения – 3,1 %. При этом синонимы, гетеронимы, сравнения и генерализация используются как метаязыковые средства, метафразовое противопоставление употребляется исключительно в качестве метафразового средства, перифраза и конкрети-

зация употребляются в качестве и метаязыковых, и метафразовых средств, т. е. используются как для пояснения отдельных понятий, так и для пояснения целых суждений.

Итак, подсчет соотношения случаев пояснения понятий и суждений позволяет сделать вывод о том, что авторы русских и немецких текстов активнее толкуют отдельное понятие, чем целое суждение, что является типичным для стиля научной речи, насыщенной терминологическими единицами.

И в русских, и в немецких текстах нередко употребляются МТК, построенные на основе метафорического переноса значения. Для удобства описания случаи употребления метафоры были разделены на три группы: метафоры, вошедшие в число МТК; метафоры, относящиеся к ИФ; остальные метафоры, представляющие в большинстве случаев штампы, сложившиеся в научном стиле. Интересным для исследования является подсчет процентного соотношения метафор, входящих в эти группы, результаты которого отображены в табл. 11.

Таблица 11

Соотношение различных групп метатекстовых средств, построенных на основе метафорического переноса значения, в русских и немецких научных текстах, в процентах

Русские тексты		Немецкие тексты	
МТК	43,9	МТК	14,9
ИФ	22,7	ИФ	7,9
Остальное количество	33,4	Остальное количество	77,2
Всего метафор	100	Всего метафор	100

Как видно из табл. 11, в употреблении в научных текстах метафор наблюдается общая тенденция: метафоры почти в два раза чаще представляют собой метатекстовое средство дополнительной интерпретации, чем интерпретируемый фрагмент. Иными словами, авторы научных текстов лишь в немногочисленных случаях считают необходимым дополнительно пояснять метафору, но нередко используют это средство с целью толкования сложных текстовых фрагментов. Очевидно, это связано с тем, что в научном стиле, как правило, употребляются метафоры, прочно вошедшие в языковую систему либо однозначно семантизируемые контекстом. Вероятно, по этой же причине значительна доля метафор, не являющихся ни МТК, ни ИФ. По нашим наблюдениям, чаще всего в роли МТК, построенного на метафорическом переносе значения, выступают конкретизация, пери-

фраза и синонимы, в свою очередь, через те же средства поясняется метафора, являющаяся ИФ. Активное употребление именно этих средств связано прежде всего с тем, что их применение позволяет эффективно пояснить отдельное понятие или целое суждение.

Рассмотрев средства дополнительной интерпретации, перейдем к сопоставлению результатов, полученных при анализе вспомогательных метатекстовых компонентов. Выявленные различия имеют не столько инвентарный, сколько вероятностный характер. Процентное соотношение ВМТС в русских и немецких научных текстах отображено в табл. 12.

Таблица 12

**Соотношение вспомогательных метатекстовых средств
в русских и немецких научных текстах, в процентах**

Русские тексты		Немецкие тексты	
ВМТС 1	58,7	ВМТС 1	74,2
ВМТС 2	17,1	ВМТС 2	10,4
ВМТС 3	23,1	ВМТС 3	11,1
ВМТС 4	1,1	ВМТС 4	4,3
Сумма ВМТС	100	Сумма ВМТС	100

По полученным данным, самыми частотными вспомогательными метатекстовыми средствами как в русских, так и в немецких текстах являются ВМТС 1, указывающие на связи между фрагментами текста (в русских текстах 58,7 %, в немецких текстах 74,2 % от общего количества ВМТС). Эти данные подтверждаются подсчетом частоты ВМТС в русских и немецких текстах (см. табл. 13).

Таблица 13

**Частота вспомогательных метатекстовых средств
в русских и немецких научных текстах**

Русские тексты			Немецкие тексты		
	Частота	Относительная ошибка		Частота	Относительная ошибка
ВМТС1	0,0068	0,07	ВМТС1	0,0077	0,06
ВМТС2	0,0018	0,14	ВМТС2	0,0011	0,17
ВМТС3	0,0027	0,11	ВМТС3	0,0012	0,16
ВМТС4	0,0001	0,52	ВМТС4	0,0004	0,26

Доля случаев употребления следующей группы, ВМТС 2, привлекающих внимание реципиента к текстовым фрагментам, составляет

в русских текстах 17,1 %, в немецких – 11,1 %. Средства этой группы выполняют функцию обращения внимания читателя на отдельные смысловые отрезки в научном тексте, так как с их помощью читатель предварительно знакомится с темой или предметом научного произведения. Кроме того, средства этой группы позволяют автору выделить последующие смысловые отрезки, настроить реципиента на восприятие научной информации.

В употреблении ВМТС 3 в русских и немецких научных текстах наблюдается некоторая разница. Напомним, что ВМТС 3 имеют три подгруппы: средства высокой оценки достоверности научного факта, средства снижения категоричности своего мнения, а также средства выражения субъективности высказываемого мнения. Самыми частотными средствами в русских и немецких текстах, бесспорно, являются средства выражения высокой оценки достоверности научного положения и средства выражения субъективности своего мнения (ВМТС 3.1 и ВМТС 3.3), так как авторы в тексте предоставляют вниманию читателя именно те факты, в которых они твердо убеждены, и выражают собственную точку зрения. Расхождения, по нашим наблюдениям, касаются употребления ВМТС 3.2 – средств снижения категоричности своего мнения: в текстах русских авторов данные средства встречаются чаще, чем в текстах немецких авторов. Видимо, в русском научном стиле сложилась традиция, согласно которой авторы стремятся снизить категоричность своих утверждений, в то время как в немецком научном сообществе не принято выражать неуверенность при изложении своего мнения, так как это производит впечатление недостаточной компетентности автора.

Что касается ВМТС 4 (средств оценки формы высказываний), то они употребляются русскими и немецкими авторами не настолько активно, как остальные вспомогательные средства. Как уже было сказано ранее, это объясняется тем, что письменный текст является заранее подготовленным, а формулировки тщательно продумываются автором.

Таким образом, существуют общие тенденции употребления метатекстовых компонентов дополнительной интерпретации и вспомогательных метатекстовых компонентов в русских и в немецких научных текстах. В первую очередь, эти тенденции проявляются в сходном наборе метаэлементов, с помощью которых осуществляется толкование сложных текстовых фрагментов, а также в близких показателях частоты употребления большинства из этих компонентов. Наряду с этим существуют некоторые различия. Так, немецкие авторы предпочитают толкования через языковые синонимы, русские авторы – через контекстуальные. Кроме того, в русских научных

текстах отмечается несколько более активное употребление вспомогательных метатекстовых средств снижения категоричности.

Выводы из главы 2

Анализ материала русских и немецких научных текстов показал, что в целом можно говорить об общих тенденциях употребления метатекстовых средств в научных текстах русскими и немецкими авторами. Поскольку при построении научного текста авторы преследуют конкретную цель – довести до сознания читателя основные научные положения, они выстраивают свои высказывания таким образом, чтобы сделать свои мысли более ясными, часто прибегая к повторам, дополнительным трактовкам своих позиций, введению комментария по поводу изложенного, конкретизируя и перифразируя свою мысль, подыскивая наиболее удачную форму выражения. Упоминая тот или иной термин, автор нередко приводит его синоним. Обращаясь к трактовкам других ученых, автор может подтвердить свою позицию либо противопоставлять своей теории концепции других исследователей. Для этих целей активно используются такие метатекстовые средства, как синонимы, антонимические выражения с отрицанием, перифраза, конкретизация, реже генерализация и сравнение. Для развернутой характеристики явления авторы употребляют МТК в метакомплексе.

С целью структурирования текста употребляются различного рода вспомогательные метатекстовые средства, которые в совокупности с МТК дополнительной интерпретации оказывают успешное воздействие на процесс восприятия читателем научной информации.

Наряду с метатекстовыми и вспомогательными метатекстовыми средствами непосредственное влияние на внимание читателя оказывают символично-графические средства. Подвергая научный текст определенной графической обработке, авторы оформляют его как единую коммуникативную единицу высшего ранга, обладающую значительным воздействующим потенциалом при формировании определенного концептуального содержания в сознании читателя.

Насколько известно, одной из специфических черт научного стиля является подчеркнутая логичность, которая достигается при помощи синтаксиса. В современных исследованиях, где затрагивается специфика научного текста, упоминается явление синтаксический параллелизм. Синтаксический параллелизм обладает не менее действующей силой, чем единая временная система. Он охватывает целый фрагмент текста, ряд абзацев. В целях ясности и логичности изложения научной информации ученый-автор нередко прибегает к форме однотипного,

одноструктурного построения абзацев, в которых различные подтемы приобретают примерно одинаковую форму репрезентации.

Синтаксический параллелизм выполняет в научной статье следующие функции: перечисление ряда равнозначных логических суждений автора; развитие и уточнение мысли в ходе научного доказательства; создание ритмической организации текста в целях достижения связности отдельных его фрагментов.

В результате текст получает мощную движущую силу – временной континуум, отражающий последовательность фактов содержательной информации.

Наряду с одноструктурным построением абзацев текста научной статьи встречается и изменение традиционного порядка слов, что принято называть инверсией. Инвертированный порядок слов является реализацией потенциально возможного. Встречается довольно часто, особенно в текстах гуманитарного направления. Главной целью введения предложений с инверсией является привлечение внимания реципиента к факту научной информации, выдвигание этого факта из ряда подобных. Посредством использования данного средства автор предлагает реципиенту как бы присоединиться к его мнению о важности и особенности факта информации. При этом инверсия придает особый смысл тому или иному фрагменту текста, стилистически окрашивает его. Снимая однообразные научные изложения, инвертированные предложения часто передают авторскую оценку выделяемой информации. Подобное выделение одного факта из ряда других способствует сопоставлению смысловых фрагментов текста, их соотношению по степени значимости содержательной информации.

Следующим способом привлечения внимания реципиента является такое явление, как вопросительное предложение. Оно не должно отождествляться с риторическим вопросом, оно является синтаксической конструкцией, служащей в основном актуализатором внимания для реципиента, находится в определенных смысловых отношениях с последующим контекстом. Оно требует ответа на запрошенную информацию, открывая тем самым перспективу дальнейшего изложения научной информации.

Обобщая все изложенное, нужно отметить, что научный текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью. В связи с тем, что данная разновидность текста обладает такой особенностью, как функциональная направленность, т. е. научный текст ориентирован на воплощение какой-то заранее намеченной цели сообщения, неоспоримым является тот факт, что структура текста подчинена строгим законам построения, суть которых заключается именно в упорядочении лексических, а также грамматических средств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе изложения научной информации автор пытается обеспечить понимание читателем содержания текста, а также убедить его в истинности своей точки зрения. Это приводит к необходимости употребления определенных лингвистических средств. К ним относятся, прежде всего, средства дополнительной интерпретации автором сказанного ранее: синонимические замены, антонимические выражения с отрицанием (антонимы, гетеронимы и метафразовое противопоставление), перифразы, конкретизация, генерализация, сравнения и метатекстовый комментарий. Применение этих средств позволяет автору научного текста эффективно регулировать процесс понимания в сознании читателя, выделяя наиболее значимые фрагменты текста и привлекая к ним внимание.

Компоненты, содержащие дополнительную интерпретацию других фрагментов текста, можно рассматривать как метатекстовые. Такое понимание вполне соответствует традиционному: метатекст принято определять как текст, знакомство с которым необходимо реципиенту для понимания какого-либо другого текста.

Полученные результаты показали, что самыми частотными средствами толкования понятий и суждений в научном тексте являются перифраза и конкретизация. Это объясняется тем, что пояснение через конкретизацию и перифразу является наиболее удобным способом интерпретации текстового фрагмента. Так, конкретизация, раскрывая особенности какого-либо понятия или суждения, вводится за счет примеров и графического выделения через двоеточие, тире, скобки. Регулярное применение конкретизации обусловлено широкими возможностями этого средства предельно ясно толковать сказанное ранее, конкретизировать, иллюстрировать более абстрактное понятие или суждение, выраженное в интерпретируемом фрагменте.

Перифраза позволяет автору дополнительно остановиться на значимом смысловом отрезке путем повторного обращения к научной информации или введения научной дефиниции. С помощью перифразирования отдельного понятия или суждения автор стремится довести до сознания читателя наиболее важные фрагменты текста.

Что касается синонимических замен, языковые синонимы служат прежде всего для указания синонимичной терминологии, в то время как контекстуальные синонимы позволяют выделить иные аспекты рассматриваемого явления. Выявлено, что большинство синоними-

ческих замен в русских научных текстах осуществляется через контекстуальные синонимы, а в немецких научных текстах, наоборот, чаще употребляются толкования через языковые синонимы. Вероятно, для немецкого научного стиля характерна традиция указания синонимичных терминов, тогда как пояснение понятия через его контекстуальный синоним, очевидно, воспринимается как избыточная информация. Кроме того, в качестве синонимических замен может выступать также употребление термина как метатекстового компонента и соответствующей аббревиатуры как интерпретируемого фрагмента, что является весьма характерным для научного текста, так как сокращения способствуют экономии лексических средств и часто нуждаются в расшифровке.

В качестве метатекстовых компонентов в русских и немецких научных текстах выступают антонимические выражения с отрицанием, подавляющее большинство которых составляют гетеронимы и метафразовое противопоставление. С целью противопоставления двух понятий друг другу авторы употребляют гетеронимы. Маргинальный случай речевого противопоставления, примыкающий к употреблению гетеронимов, представляет собой использование идеографических синонимов, при котором подчеркивается именно незначительное различие их понятийного содержания. Кроме того, обнаружены случаи употребления метафразового противопоставления. Данное средство используется авторами научного текста с целью опровержения какого-либо мнения (обычно это происходит при рассмотрении научных концепций других исследователей) и приведения иной точки зрения (своей концепции), что является характерным для научных трудов.

При исследовании употребления генерализации и сравнения в научном тексте было установлено, что данные средства практически не применяются авторами немецких и русских научных текстов. Это можно объяснить тем, что употребление генерализации едва ли облегчает понимание, поскольку родовое понятие теряет некоторые признаки по сравнению с видовым. Применение же сравнения одного понятия с другим возможно, но, видимо, авторам удобнее толковать понятия с помощью других метатекстовых компонентов, например, конкретизации или перифразы; кроме того, в научном тексте редко возникает необходимость указания класса объектов, обладающих тем же признаком, что и объект, означенный в ИФ.

Излагая научную информацию, автор текста нередко дает собственный комментарий, явно имеющий метатекстовый характер. Метатекстовый комментарий представляет собой фрагмент метатекста, дополняющий содержание основного текста. Необходимость подоб-

ных авторских замечаний заключается прежде всего в том, что метатекстовый комментарий содержит дополнительную информацию о предмете обсуждения. Кроме того, это средство дает автору возможность вынести в скобки менее значимые в смысловом отношении фрагменты текста, что позволяет структурировать высказывание и привлечь внимание читателя к наиболее важной информации.

Исследование дополнительной интерпретации в научном тексте показало, что значительно чаще авторы прибегают к пояснению отдельных понятий, чем целых суждений, иначе говоря, в подавляющем большинстве случаев дается толкование слова или словосочетания, а не целого предложения. В пользу этого свидетельствует материал как русского, так и немецкого языков. Очевидно, именно неверная трактовка отдельных терминологических единиц представляется авторам основным препятствием для полного понимания научного текста читателем.

Характерно, что как метаязыковые средства используются синонимы, гетеронимы, сравнения и генерализация; метафразовое противопоставление употребляется исключительно в качестве метафразового средства; перифраза и конкретизация могут употребляться в качестве и метаязыковых, и метафразовых средств, т. е. для толкования как отдельных понятий, так целых суждений.

Метатекстовые компоненты употребляются в научных текстах не только изолированно друг от друга, но и совместно, создавая тем самым метакомплекс. Сущность метакомплекса, как уже было сказано, заключается в разъяснении одного фрагмента с помощью нескольких компонентов. Данное явление имеет место в научных текстах как русских, так и немецких авторов, так как позволяет дать развернутую характеристику рассматриваемого фрагмента.

Метаязыковые и метафразовые компоненты высказываний могут быть построены на основе метафорического переноса значений. Хотя существует убеждение, что метафоры могут препятствовать пониманию научного текста, значительное их число (по нашим данным, около 44 % от общего числа метафор в русских текстах, около 15 % – в немецких) употребляется авторами с целью пояснения сложных текстовых фрагментов, т. е. для облегчения восприятия текста реципиентом. Метафора в научном тексте зачастую связана с образным использованием слов и способна направлять внимание реципиента на смысловые фрагменты, которые представляются автору особенно важными.

Помимо метаязыковых и метафразовых средств в исследованном корпусе текстов выявлено большое количество вспомогательных метатекстовых средств, без активного применения которых изложе-

ние научной информации не представляется возможным. Самыми частотными вспомогательными средствами явились средства, указывающие на связи между отдельными фрагментами текста или содержащие межтекстовые ссылки. Частотное употребление этих средств обусловлено необходимостью, во-первых, подробного описания структуры высказываний, во-вторых, указания направления хода изложения материала и, наконец, необходимостью выводов. Относящиеся к этой группе межтекстовые ссылки на работы других ученых и на собственные исследования позволяют сформировать в сознании читателя общее представление о рассматриваемой проблеме. Средства этой группы упорядочивают информацию таким образом, чтобы сделать ее передачу логичной и последовательной.

Остальные группы вспомогательных метатекстовых средств также играют значительную роль при построении научного текста. Так, вспомогательные метатекстовые средства, привлекающие внимание реципиента к отдельным текстовым фрагментам, предварительно знакомят читателя с содержанием статьи или монографии с помощью заглавия, которое является эксплицитным указателем главной темы. Средства этой группы указывают на предмет рассуждений, фокусируя тем самым внимание реципиента на основных научных позициях.

Рассматривая вспомогательные метатекстовые средства, с помощью которых автор оценивает степень достоверности излагаемой информации, необходимо отметить, что с их помощью читатель может определить авторскую позицию в научном тексте. Эти средства разделяются на три подгруппы: средства высокой оценки достоверности научного факта, средства снижения категоричности своего мнения, а также средства выражения субъективности высказываемого мнения. Среди средств этой группы чаще всего используются средства высокой оценки достоверности научного факта и средства выражения субъективности высказываемого мнения, так как авторы предоставляют вниманию читателя именно те факты, в которых они твердо убеждены, а также выражают собственную точку зрения. Кроме того, по нашим наблюдениям, для русского научного стиля в несколько большей степени, чем для немецкого, характерны средства снижения категоричности высказываемого мнения.

К вспомогательным метатекстовым средствам, с помощью которых оценивается форма высказывания, относятся, прежде всего, вводные слова, выражающие неуверенность говорящего в том, что найдена оптимальная форма выражения мысли. Средства этой группы употребляются русскими и немецкими авторами в научных текстах, но не настолько активно. Это можно объяснить тем, что научный письменный текст является заранее подготовленным,

а формулировки тщательно продумываются автором. Употребление этих средств свидетельствует о том, что автор использует нестандартную форму выражения мысли, как правило, прибегая к метафоре, еще не ставшей научным штампом. В то же время некоторые из этих средств, напротив, указывают на то, что автор нашел более точную формулировку, или называют смежные дисциплины, из которых заимствуется используемый термин.

В ходе исследования выявлены закономерности употребления вспомогательных метатекстовых средств в сочетании с метатекстовыми компонентами. Выделены основные группы вспомогательных метатекстовых средств, способствующие введению метатекстовых компонентов в научном тексте, в частности, средства, сигнализирующие о (квази)эквивалентности двух текстовых фрагментов, предваряют перифразу и конкретизацию.

Таким образом, вспомогательные метатекстовые средства используются авторами с целью достижения понимания. С помощью этих средств автор определенным образом структурирует изложение научного текста, привлекает внимание читателя к наиболее важным фрагментам высказывания или определяет способ интерпретации воспринимаемой информации.

Помимо лингвистических средств, акцент сделан также на символично-графическом оформлении научных текстов как на еще одном способе достижения понимания. Автор подвергает текст определенной обработке, используя графические средства. К ним относятся выделение курсивом, жирным шрифтом, подчеркивание, изменение размера шрифта, применение символов, наличие таблиц, схем, графиков и т. п. Графика также включает оформление библиографических ссылок, постраничных сносок, примечаний. Рассмотрение структуры текста и графических средств его оформления явилось необходимым, так как роль внешней структуры также немаловажна при изучении проблемы речевого воздействия.

Таким образом, автором научного текста используются метатекстовые средства для формирования определенного концептуального содержания в сознании реципиента. Данные средства являются неотъемлемой частью структуры научного текста, т. к. они активизируют внимание читателя, эксплицируют для читателя ход изложения, акцентируют определенные моменты содержания. Метатекстовые средства дополнительной интерпретации, вспомогательные метатекстовые, а также символично-графические средства играют существенную роль в достижении понимания научной информации, образуя многоуровневую структуру метатекста, пронизывающего научный текст.

Библиографический список

1. Альтшулер М.С. О рациональной структуре журнальной научной статьи // НТИ. Серия 2. 1969. № 10. С. 3–5.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М. : Academia, 2003. 128 с.
3. Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста /К постановке проблемы/ // Филологические науки. 1996. № 5.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. 766 с.
5. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. М. : Высшая школа, 1991. 139 с.
6. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973. 137 с.
7. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 136–137.
8. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1998. 341 с.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
10. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1979. С. 147–143
11. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.
12. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1993. 182 с.
13. Барботько В.Г. Элементы теории дискурса. Грозный : Изд-во Чечено-Ингушетского ун-та, 1981. 113 с.
14. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 615 с.
15. Бархударов Л.С. Текст как единица языка и единица перевода // Лингвистика текста. Материалы научной конференции. Ч. 2. М., 1974. 212 с.
16. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.
17. Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М. : Прогресс, 1978. С. 172–207.
18. Белова А.Ю. Проблема мотивированности терминов (на материале русской и немецкой ботанических терминологий) : дис. ... канд. филол. наук / СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1993. 194 с.
19. Бельчиков Ю.А. Перифраза // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 371.
20. Бенвенист Э. Общая лингвистика / [пер. с франц.] под ред. с вступит. статьей и коммент. Ю.С. Степанова. М. : Прогресс, 1974. 447 с.

21. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. Гос. ун-т ; под ред. А.П. Сквородникова. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000.

22. Бойко М.А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) : автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 240 с.

23. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса. Грозный : Изд-во Чечено-Ингушетского ун-та, 1981. 113 с.

24. Большаянова Л.С. Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.

25. Булыгина Т.В. О границах между сложной единицей и сочетанием единиц // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М. : Наука, 1969. С. 223–230.

26. Бухбиндер В.А., Розанов В.Д. О целостности и структуре текста // Вопросы языкознания. 1975. № 6. С. 73–76.

27. Ванников Ю.В. К обоснованию общей типологии текстов, функционирующих в сфере научно-технического перевода // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. М. : Ин-т языкознания, 1984. С. 15–26.

28. Василенко Л.И. Модальные слова как средства авторизации текста // Филол. науки. 1984. № 4. С. 76–79.

29. Васильев Ю.А. О влиянии композиционно-смысловой организации научного текста на его языково-стилистические характеристики // Стиль научной речи. М. : Наука, 1978. С. 75–94.

30. Васильева А.В. О смысловой структуре текста // Текст, структура и семантика. Пятигорск : ПГУ, 1981. С. 70–77.

31. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976. 43 с.

32. Васильева В.Г. О синонимии в научно-технической терминологии и принципах расположения словарного материала // Вопросы теории и практики научно-технического перевода. Л., 1968. С. 64–75.

33. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М. : Прогресс, 1978. С. 402–421.

34. Виноградов В.В. Итог обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.

35. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. Т. 5. М., 1939. С. 3–41.

36. Волжина И.А. О специфике научного стиля // Особенности стиля научного изложения. М., 1976. С. 26–34.

37. Воробьева М.Б. Об устойчивых сочетаниях в языке научной прозы // Преподавание иностранных языков. Теория и практика. М. : Наука, 1971. С. 74–84.

38. Воробьева М.Б. Особенности реализации оценочных значений в научном тексте // Научная литература. Язык, стиль, жанры. М., 1985. С. 47–56.

39. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956. 519 с.

40. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 11–26.
41. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста // Изв. АН СССР, СЛЯ. 1977. Т. 36. № 6. 524 с.
42. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. М. : Высш. шк., 1974. 175 с.
43. Гальперин И.Р. О понятии текст // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 68–77.
44. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 131 с.
45. Гаузенблаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М. : Прогресс, 1978. С. 57–78.
46. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения. М., 1986. 279 с.
47. Головин Б.Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 20–34.
48. Головин Б.Н. Проблемы предметной и понятийной отнесенности лингвистических терминов // Термины в языке и речи. Горький, 1985. С. 3–13.
49. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987. 127 с.
50. Гудмен Н. Метафора – работа по совместительству // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 194–200.
51. Даниленко В.П. Русская терминология. М. : Наука, 1977. 246 с.
52. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 173–193.
53. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н.М. Автономовой : Ad Marginem, 2000. 512 с.
54. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 310 с.
55. Долгова О.В. Семиотика неплавной речи. М. : Высшая школа, 1978. 264 с.
56. Дородных А.И. Грамматика речевого произведения. Харьков : ХГУ, 1987. 108 с.
57. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М. : Прогресс, 1978. С. 111–137.
58. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М. : Наука, 1984. 268 с.
59. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология / под ред. А.А. Леонтьева. М. : Высшая школа, 1980. 224 с.
60. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. М., 1981. 137 с.
61. Зильберт Б.А. Социопсихолингвистические исследования текстов радио, телевидения, газеты. Саратов : Изд-во СГУ, 1986. 210 с.
62. Змиевская Н.А. Сопряженность текстовых категорий как принцип их функционирования // МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 228. М., 1984. С. 127–136.

63. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : МГУ, 1998. 528 с.
64. Казыро Г.Н. К проблеме лингвистического термина (на материале лексикографической и семасиологической терминологии французского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 30 с.
65. Калмыкова Е.И. О динамике метафоры в научном стиле. МДВШ, сер. «Филологические науки». 1974. № 2. 84 с.
66. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М. : Высшая школа, 1990. 150 с.
67. Канделаки Т.Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М. : Наука, 1970. С. 3–15.
68. Кандинский Б.С. Коммуникативная организация текста // Сб. науч. тр. МГЛУ. Вып. 189. М., 1982. С. 22–37.
69. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. С. 185–192.
70. Карасик В.И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: Аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград : Перемена, 1999. С. 3–17.
71. Карпович В.Н. Термины в структуре теорий (логический анализ). Новосибирск : Наука, 1978. 128 с.
72. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
73. Кирилов А.Г. Факторы воздействия новостей в политических нарративах на адресата // Обучение иностранным языкам: настоящее и будущее: Сб. материалов XII Международной научно-практической конференции. Самара, 2006.
74. Кириллова И.А. Метаэлементы научной речи (на материале русских лингвистических трудов XVIII–XX вв.) : дис. ... канд. филол. наук / СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1993. 205 с.
75. Киселевский Л.И. Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. Минск, 1977. 173 с.
76. Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М. : Прогресс, 1986. С. 337–370.
77. Климовицкий Я.А. Некоторые вопросы развития и методологии терминологических работ в СССР. М. ; Л., 1967. 134 с.
78. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979. С. 49–67.
79. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986. 91 с.
80. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими : учеб. пособие. Пермь, 1972. 395 с.
81. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966. 213 с.

82. Кожина М.Н., Дускаева П.Р. Выражение диалогичности в естественнонаучных текстах // Стилистика текста в коммуникативном аспекте: Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького. Пермь : ПГУ, 1987. С. 146–152.

83. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М. : Наука, 1984. 175 с.

84. Комарова З.И. О сущности термина // Термин и слово: Горьковский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Горький : ГГУ, 1979. С. 3–13.

85. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима (О соотношении логического и языкового в семасиологии) // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 49–58.

86. Комиссаров В.Н. Прагматические аспекты перевода // Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. М., 1982. Вып. 193. С. 3–14.

87. Котюрова М.П. Смысловая структура русского научного текста и ее экстралингвистические основания : дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 1983. 324 с.

88. Котюрова М.П. О выражении субъекта в научной речи // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М. : Наука, 1986. С. 43–58.

89. Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста: (Функцион.-стилист. аспект). Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1988. 171 с.

90. Красавцева Н.А. О различии функционирования средств диалогичности и метаткоммуникации (на материале английских научных текстов) // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь, 1984. С. 153–158.

91. Красных Д.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М. : Диалог : МГУ, 1998. 352 с.

92. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М. : РОССПЭИ, 2004. 652 с.

93. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М. : Изд-во Российск. ун-та дружбы народов, 1992. 172 с.

94. Кудасова О.К. Роль стилистического приема в организации научного оценочного текста // Язык и стиль научного изложения. М. : Наука, 1983. С. 56–68.

95. Кукля Е.Г. Сопоставительное исследование терминосистем лингвистической семантики (на материале концепций языкового значения Лондонской лингвистической школы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 25 с.

96. Кухаренко В.А. Информативность вводящего абзаца научного филологического текста // Функциональные стили: Лингвометодические аспекты. М. : Наука, 1985. С. 49–62.

97. Лаврентьева Е.А. Коммуникативно-прагматические параметры текста научной статьи (на материале англоязычной медицинской научной обзорной статьи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1993. 27 с.

98. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 387–415.

99. Лаптева О.А. Внутрителивая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М. : Наука, 1968. С. 126–185.

100. Левицкий Ю.А. Структура связного текста. Пермь : Пермский гос. ун-т, 1978. 64 с.

101. Лейчик В.Н. Основные проблемы теоретического терминоведения // Терминология и перевод в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве. Тезисы докладов международного круглого стола. Омск, 1991. С. 28–39.

102. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М., 1979. С. 18–36.

103. Лобачев Б.З. О категориях эго- и альтерэгоцентризма // Проблемы структурной лингвистики. 1983. С. 23–37.

104. Локомцев Ю.К. Введение в формальный язык лингвистики. М. : Наука, 1983. 264 с.

105. Лосева Л.М. Как строится текст. М. : Просвещение, 1980. 96 с.

106. Лосева Л.М. Основные функциональные типы сложных синтаксических целых (ССЦ) // Рус. яз. в школе. 1977. № 311. С. 90–94.

107. Лотман Ю.М. Мозг текст культура искусственный интеллект // Семиотика и информатика. Вып. 17. М., 1981. С. 23–45.

108. Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск : Изд-во Мордовского гос. университета, 1973. С. 20–36.

109. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Учен. зап. Тартуского ун-та, 1981. Вып. 567. С. 3–18.

110. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. 158с.

111. Лук А.Н. Эмоции и чувства. М., 1972. 79 с.

112. Лунева В.П. Синтаксис связной речи (сложное синтаксическое целое). Пермь, 1982. 87 с.

113. Лурия А.Р. Язык и сознание. Под ред. Е.Д. Хомской. Ростов н/Д : Фелин, 1998. 416 с.

114. Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. М. : Наука, 1989. С. 24–34.

115. Магеррамов И.А. О структурно-семантической неоднородности научного текста // Вопросы стилистики. Вып. 21. Саратов, 1986. С. 37–52.

116. Макаров М.Л. Коммуникативная структура текста. Конспект лекций / науч. ред. И.П. Сусов. Тверь, 1990. 52 с.

117. Макаров М.Л. Языковой дискурс и психология // Язык и дискурс: Когнитивные и коммуникативные аспекты. Тверь, 1997. С. 43–53.

118. Макаров М.Л. Языковое общение в малой группе: Опыт интерпретативного анализа дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1998. 43 с.

119. Мальчевская Т.Н. Специфика научных текстов и принципы их классификации (на материале английских биологических текстов) // Особенности стиля научного изложения. М. : Наука, 1976. С. 104–116.

120. Маркусова В.А. Лоции информационных морей // Химия и жизнь. 1983. № 1. С. 72–75.
121. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 168 с.
122. Медведев А.Р. К вопросу о микрокомпозиции научно-технических текстов // Стилль научной речи. М. : Наука, 1978. С. 95–106.
123. Мельников Г.П. О типах дуализмов языкового знака // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М. : Высшая школа, 1971. №5. С. 54–69.
124. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М. : Наука, 1974. 314 с.
125. Мецлер А.А. Понятие текстового блока // Филол. науки. 1984. № 6. С. 48–53.
126. Мецлер А.А. Структурные связи в тексте (парантезные конструкции). Кишинев, 1987. 141 с.
127. Молчанова Г.П. Проблемы семантических и структурных связей предложений в тексте // Лингвистические средства текстообразования. Барнаул : АГУ, 1985. С. 75–83.
128. Москальская О.И. Грамматика текста. М. : Высшая школа, 1981. 183 с.
129. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.
130. Наер В.Л. Прагматика научных текстов // Функциональные стили: Лингвометодические аспекты. М. : Наука, 1985. С. 14–25.
131. Николаева Т.М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1974. Т. 36. 306 с.
132. Николаева Т.М. Метатекст и его функция в тексте (на материале Мариинского евангелия) // Исследования по структуре текста. М. : Наука, 1987. С. 27–57.
133. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. М., 1987. 141 с.
134. Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978. 375 с.
135. Новиков А.И. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистики теории текста. М. : Наука, 1983. С. 10–27.
136. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. М. : Изд-во МГУ, 1973. 290 с.
137. Омеляненко Т.Н. Терминологизация общеупотребительной лексики в истории английского языка // Язык и стиль научного изложения. М. : Наука, 1983. С. 88–95.
138. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 68–82.
139. Осокин В.В. Логическое ударение. Томск, 1968. 145 с.
140. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М. : Наука, 1985. 271 с.

141. Падучева Е.В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке). М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
142. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М. : Изд-во МГУ, 1988. 208 с.
143. Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск : Наука, 1985. С. 196–220.
144. Погудина Э.Б. Выразительные авторского «я» в немецкой научной речи (диахронический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1983. 120 с.
145. Почепцов ГГ. Теория коммуникации. М. : Центр, 1998. 352 с.
146. Прохорова В.Н. Лексико-семантические образования русской терминологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983. 134 с.
147. Прохорова В.Н. Синонимия в терминологии // Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». Ч. 2. М. : Изд-во МГУ, 1971. С. 57–68.
148. Радзиевская Т.В. Научный текст как представитель особого типа коммуникации // НТИ. Сер. 2. 1969. № 10. С. 10–12.
149. Разинкина Н.М. Библиографические ссылки и их роль в организации научного текста (на материале английского языка) // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986. С. 115–129.
150. Разинкина Н.М. О понятии стереотипа в языке научной литературы (к постановке вопроса) // Научная литература: язык, стиль, жанры. М. : Наука, 1985. С. 33–47.
151. Разинкина Н.М. Стилистика английской научной речи. М., 1972. 168 с.
152. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970. 191 с.
153. Рейман Е.А. О нетерминологической лексике научных текстов // Особенности стиля научного изложения. М. : Наука, 1976. С. 178–188.
154. Реферовская Е.А. лингвистические исследования структуры текста. Л. : Наука, 1983. 215 с.
155. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. М., 1961. С. 46–54.
156. Ризель Э.Г. Стилистическое значение выбора слов // Иностранные языки в школе. 1957. № 6. С. 3–11.
157. Ризель Э.Г. Теория и практика интерпретации текста : учеб. пособие для языковых вузов. М. : Высшая школа, 1974. 184 с.
158. Ризель Э.Г., Шендельс Е.И. Стилистика немецкого языка : учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М. : Высшая школа, 1975. 316 с.
159. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры : под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 44–67.
160. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979. 224 с.
161. Розенталь Д.Е., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Просвещение, 1976. 543 с.
162. Розина Р.И. О комментариях // Проблемы структурной лингвистики. М. : Наука, 1988. 259–267 с.

163. Рябцева Н.К. Ментальные перформативы в научном дискурсе // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 12–28.
164. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистический аспекты. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 180 с.
165. Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М. : Высшая школа, 1984. 319 с.
166. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М. : Прогресс, 1986. С. 242–263.
167. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М. : Прогресс, 1986. С. 170–194.
168. Сиротинина О.Б. Тексты, текстоды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек Текст Культура. Екатеринбург, 1994. С. 105–125.
169. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1985. 211 с.
170. Славгородская Л.В. Научный диалог. Л. : Наука, 1986. 166 с.
171. Славгородская Л.В. Об исследовании образных средств в языке современной физики // Функциональный стиль научной прозы. М., 1980. 189 с.
172. Слюсарева Н.А. О типах терминов (на материале грамматики) // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 21–29.
173. Слюсарева Н.А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // Вопросы языкознания. 1979. № 4. С. 69–76.
174. Солганик Г.Я. О способах объединения самостоятельных предложений в прозаические строфы (сложные синтаксические целые) на материале современной публицистики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 20 с.
175. Соловьева З.В. Проникновение терминологической лексики в общезыковое употребление (к вопросу о взаимодействии научного и публицистического стилей современного английского языка) // Функциональный стиль научной прозы: Проблемы лингвистики и методики преподавания. М. : Наука, 1980. С. 162–177.
176. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
177. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М. : Наука, 1981. 360 с.
178. Стронсон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М. : Прогресс, 1986. С. 130–150.
179. Ступин Л.П., Кукля Е.Г. О сопоставительном изучении терминосистем лингвистических теорий // Вестник ЛГУ, сер. история язык литература. 1984. Вып. 3. № 14. С. 84–94.
180. Сулимов В.А. Текстовая деятельность в системе общения. Сыктывкар, 1995. 84 с.
181. Сушков Ю.А. О специфике термина в процессе научно-технического перевода // Язык научной литературы. М. : Наука, 1975. С. 245–265.

182. Табанакова В.Д. Понятие научно-технического термина и требования к его определению // Термин и слово. Горький : ГГУ, 1982. С. 24–28.
183. Тарский А. Истина и доказательство // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 136–145.
184. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М. : Наука, 1977. С. 129–221.
185. Тельнова А.А. Категория авторского «я» в научной речи в разных языках // Проблемы и методы сопоставительного языкознания и преподавания иностранных языков. Вып. 336. М., 1991. С. 67–77.
186. Тимофеева Н.П. Основы семантической трансформации устойчивых словосочетаний при изменении сферы их употребления (на материале юридической и компьютерной терминологии русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1997. 190 с.
187. Тороп П.Х. Проблемы интекста // Учен. зап. Тартутского ун-та. 1981. Вып. 567. С. 33–44.
188. Троянская Е.С. «Безличность» изложения важный лингвистический признак научной речи // Лингвометодические основы преподавания иностранных языков. М. : Наука, 1979. С. 185–205.
189. Троянская Е.С. К вопросу о лингвистических признаках функциональных стилей // Стиль научной речи. М. : Наука, 1978. С. 43–58.
190. Троянская Е.С. К общей концепции понимания функциональных стилей // Особенности стиля научного изложения. М. : Наука, 1976. С. 23–82.
191. Троянская Е.С. Научное произведение в оценке автора рецензии / к вопросу о специфике жанров научной литературы // Научная литература: язык, стиль, жанры. М., 1985. С. 67–81.
192. Тураева З.Я. Лингвистика текста. М., 1986. 127 с.
193. Федосюк М.Ю. О законах построения текста: [Лингв. заметки] // Русская речь. 1982. № 6. С. 63–69.
194. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс, 1986. 543 с.
188. Фигуровский И.А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М. : Изд-во Учпедгиз, 1961. 171 с.
189. Филиппов К.А. Лингвистика текста и проблемы анализа устной речи. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. 96 с.
190. Фреге Г. Смысл и денотат // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М. : Прогресс, 1986. С. 172–207.
191. Фрумкина Р.М. Применение статистических методов в изучении языка // Ахманова О.С., Мельчук И.А., Падучева Е.В., Фрумкина Р.М. О точных методах исследования языка. М. : Изд-во МГУ, 1961. С. 67–97.
192. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1977. 488 с.
193. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 377 с.
194. Харламова Т.В. Текстобразующие средства в устной речи (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 241 с.

195. Хижняк С.П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии) : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1998. 357 с.
196. Цвиллинг М.Я. Специфика общественно-научного текста // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности: М., 1989. С. 27–36.
197. Чепурных В.И. О коммуникативно-прагматическом подходе к исследованию графических стилистических средств в художественной тексте // Семантика и прагматика единиц языка в тексте Л. : ЛГПИ, 1988. С. 147–152.
198. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. СПб. : Наука, 2004.
199. Чупилина В.И. Синонимия в медицинской терминологии современного английского языка // Актуальные вопросы лексикологии. Тез. докл. Ч. 2. Вып. 2. Новосибирск, 1969. С. 103–113.
200. Чулкова В.С. Проблема интеграции научного текста // Функциональный стиль научной прозы: Проблемы лингвистики и методики преподавания. М. : Наука, 1980. 286 с.
201. Шаповалова О.Н. Гендерный аспект управления коммуникативным поведением собеседника // Доклады Первой Международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация» 25–26 ноября 1999 года. М. : Изд-во МГЛУ, 2001. С. 333–342.
202. Шаповалова О.Н. Управление коммуникативным поведением в общении : дис. ... канд. филолог. наук. М., 2002. 543 с.
203. Шаповалова О.Н. Метатекстовые толкования как способ достижения понимания в ситуации межкультурного общения // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. Саратов : Научная книга, 2003. С. 64–69.
204. Шаповалова О.Н. Метакомплексы как средство достижения понимания (на материале интервью с менеджерами) // Язык и культура в современном экономическом пространстве. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию образования СГСЭУ, Саратов, 24 апреля 2006. Саратов : Научная книга, 2006. С. 120–125.
205. Шаповалова О.Н. Конкретизация и генерализация в повседневном общении // Современные лингвистические, психолингвистические и методические аспекты языка и речи: материалы межвузовской научно-практической конференции, Саратов, 10 октября 2006. Саратов : ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. С. 110–116.
206. Шаповалова О.Н. Средства достижения понимания в разговорной речи и в научных текстах // Язык и мир изучаемого языка. Саратов, 2014. С. 166–171.
207. Шварцкопф Б.С. Проблема индивидуальных и общественных групповых оценок речи // Актуальность проблемы культуры речи. М. : Наука, 1970. С. 89–99.
208. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М. : Изд-во АН СССР, Наука, 1960. 377 с.

209. Швецова О.А. К проблеме становления научного стиля в английском языке // Язык научной литературы. М. : Наука, 1975. С. 3–26.
210. Шемякова В.Е. Функции графического слововыделения в научных и художественных текстах на англ. яз. // Лингвостилистические исследования научной речи. М. : Наука, 1979. С. 189–201.
211. Шелов С.Д. Опыт семантического анализа лингвистической терминологии при построении информационно-поискового тезауруса : дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 154 с.
212. Якобсон Р.К. языковедческой проблематике сознания и бессознательности // Бессознательность. Т. 3. 1978. 796 с.
213. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.
214. Beaugrande R.A. de, Dressler W.U. Introduction to Text Linguistics. London ; N.Y. : Longman, 1981. 270 p.
215. Dijk T. van. Textwissenschaft. Eine interdisziplinäre Einführung. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1980. 135 S.
216. Fairclough M. Discourse and Social Change. Polity Press, 1992. 259 p.
217. Fairclough M. Media Discourse. New York, 1995. 214 p.
218. Fraas C. Bedeutungskonstitution im Diskurs Intertextualität über variierende Wiederaufnahme discursive zentraler Konzepte. In: Textbeziehungen, 1997. S. 219–234.
219. Girnth H. Text im politischen Diskurs. Ein Vorschlag zur diskursorientierten Beschreibung von Textorten // Muttersprache. 1996. S. 66–80.
220. Hoffman M. Diskurstypisierungen im kommunikativen Raum der literarischen Erzählung // Textbeziehungen. Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. Tübingen, 1997. S. 303–326.
221. Rath R. Kommunikationspraxis: Analysen zur Textbildung und Textgliederung im gesprochenen Deutsch. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. 252 S.
222. Schippan Th. Einführung in die Semaseologie. Leipzig, 1972. 246 S.
223. Schmidt W. Pragmatische Aspekte der Steuerung von Kommunikationsvorgängen. Deutschunterricht. 1971. № 27. 167 S.
224. Sinclair J., Coulthard M. Advances in Spoken Discourse Analyses // Towards an Analysis of Discourse. London ; N.Y., 1992. 266 p.

Литература, послужившая материалом исследования

225. Баранникова Л.И. Основные сведения о языке. Саратов : СГАП, 1998. С. 52–62.
226. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 250–260.
227. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Введение в языковедение : хрестоматия : учеб. пособие для вузов / сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 204–224.

228. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Введение в языковедение : хрестоматия : учеб. пособие для вузов / сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М. : Аспект Пресс, 2001 С. 293–303.
229. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : 1981. С. 26–36.
230. Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности: психолингв. основы искусственного интеллекта / Тарт. гос. ун-т. Таллин : Валгус, 1987. С. 145–155.
231. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С. 153–163.
232. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982. С. 78–88.
233. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистические исследования. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1990. С. 59–70.
234. Канделаки Т.Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка, науки и техники (Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии). М. : Наука, 1970. С. 3–15.
235. Кожина М.Н., Котюрова М.П. О некоторых тенденциях функционирования единиц синтаксиса в русской научной речи (к вопросу об эволюции научного стиля) // Стиль научной речи. М. : Наука, 1978. С. 3–13.
236. Кубрякова Е.С., Соболева П.А. О понятии парадигмы в словообразовании и словообразовании // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. Пермь : ПГУ, 1987. С. 5–19.
237. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Учен. зап. Тартутского ун-та. 1981. Вып. 567. С. 3–14.
238. Макаров М.Л. Языковой дискурс и психология // Язык и дискурс: Когнитивные и коммуникативные аспекты. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1997. С. 43–53.
239. Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск : Наука, 1985. С. 196–207.
240. Разинкина Н.М. Библиографические ссылки и их роль в организации научного текста (на материале английского языка) // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986. С. 115–125.
241. Рейман Е.А. О нетерминологической лексике научных текстов // Особенности стиля научного изложения. М. : Наука, 1976. С. 178–188.
242. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. М. : Высшая школа, 1981. С. 202–212.
243. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуация в странах романской речи // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. М. : Высшая школа, 1981. С. 79–89.
244. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. М. : Наука, 1987. С. 105–115.

245. Тороп П.Х. Проблема интекста // Учен. зап. Тартутского ун-та. 1981. Вып. 567. С. 33–43.
246. Трубецкой Н.С. Основы фонологии // Введение в языковедение : хрестоматия : учеб. пособие для вузов / сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 92–102.
247. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты общения. 1988. С. 62–72.
248. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс // Введение в языковедение : хрестоматия : учеб. пособие для вузов / сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 158–168.
249. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Введение в языковедение : хрестоматия : учеб. пособие для вузов / сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 184–194.
250. Ammer, K. Einführung in die Sprachwissenschaft, Band 1. Halle (Saale): Veb. Max Niemeyer Verlag. 1958. S. 1–11.
251. Becker H. Das Vertrautheitserlebnis // Sprache und Gesellschaft. Hrsg. von H. Spitzbardt. Jena: Fr.-Schiller Univ., 1970. S. 41–51.
252. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2., durchges. und erg. Aufl. Tübingen. Niemeyer, 1997. S. 63–73.
253. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliografisches Institut, 1971. S. 115–125.
254. Essen O. Allgemeine und angewandte Phonetik. Berlin: Akademie Verlag, 1966. S. 2–13.
255. Graf A.E. Russische und deutsche idiomatische Redewendungen. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1978. S. 127–137.
256. Heinemann W. Zur Semantik der privativen Verben // Aspekte und Probleme semasiologischer Sprachbetrachtung in synchronischer Sicht / Wissenschaftliche Konferenz. Neubrandenburg, 1982. S. 36–46.
257. Helbig G. Geschichte der neueren Sprachwissenschaft VEB. Leipzig : Bibliografisches Institut, 1970. S. 99–111.
258. Heller K. Das Fremdwort in der deutschen Sprache der Gegenwart. Leipzig : VEB Bibliografisches Institut, 1966. S. 135–145.
259. Kron F. W. Grundwissen Pädagogik. 5, verb. Aufl. München, Basel: E. Reinhardt, 1966. S. 16–26.
260. Lerchner G. Klassifizierungskriterien ästhetischer und poetischer Textqualität // Sprachliche Wirkung poetischer Texte. Hrsg. von W. Steinberg. Halle (Saale), 1978. S. 7–17.
261. Löffler D. Über die Bevorzugung linearer Beziehungsweise chronologischer Erzählweisen // Theorie, Methoden und Ergebnisse literaturbezogener Wirkungsforschung Hrsg. von D. Sommer. Haale (Saale), 1982. S. 63–73.
262. Meinhold G. Kommunikationspraxis und Sprachkörper // Sprache und Gesellschaft. Hrsg. von H. Spitzbardt. Jena: Fr.-Schiller Univ., 1970. S. 77–87.
263. Meinhold G., Stock, E. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig : VEB Bibliografisches Institut, 1982. S. 13–23.

264. Müller W. Fremdwortbegriff und Fremdwörterbuch // Fremdwort-Diskussion. München, 1979. S. 59–70.
265. Rohrer C. Funktionelle Sprachwissenschaft und Transformationelle Grammatik. München : Wilhelm Fink Verlag, 1971. S. 110–120.
266. Schippan Th. Einführung in die Semaseologie. Leipzig : VEB Bibliografisches Institut, 1972. S. 108–118.
267. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. Volk und Wissen. Berlin : Volkseigener Verlag, 1967. S. 23–33.
268. Schmidt W. Pragmatische Aspekte der Steuerung von Kommunikationsvorgängen // Deutschunterricht. 1971. № 27. S. 34–44.
269. Sowinski B. Stilistik: Stiltheorien und Stilanalysen. Stuttgart: Metzler, 1999. S. 2-12.
270. Spiewok W. Gibt es eine stilistische Bedeutung? // Aspekte und Probleme semasiologischer Sprachbetrachtung in synchronischer Sicht / Wissenschaftliche Konferenz. Neubrandenburg. 1982. S. 48–58.
271. Spiewok W. Linguistik und Poetik. Gefährdungen und Chancen // Sprachliche Wirkung poetischer Texte. Hrsg. von W. Steinberg. Halle (Saale), 1978. S. 21–31.
272. Steinberg W. Probleme der Ermittlung von Autorenstrategie und Autorenintentionen poetischer Texte // Sprachliche Wirkung poetischer Texte. Hrsg. von W. Steinberg. Halle (Saale), 1978. S. 55–65.
273. Walter A. Soziale Determinanten des Leseverhaltens // Theorie, Methoden und Ergebnisse literaturbezogener Wirkungsforschung Hrsg. von D. Sommer. Halle (Saale), 1982. S. 79–89.
274. Wandruszka U. Post- oder Prädetermination in den romanischen Sprachen? // Romanistisches Jahrbuch. № 31. S. 56–72.
275. Weise G. Textarten und Kommunikationsverfahren in der englischen Wissenschaftssprache // Linguistische und methodische Grundlagen des fachbezogenen Fremdsprachunterrichts: Beiträge zur Internationalen Konferenz «Angewandte Sprachwissenschaft und fachsprachliche Ausbildung» im September 1977 in Berlin. Berlin: Humboldt-Universität, 1979. S. 125–135.

Приложения

Приложение 1

Мини-словарь вспомогательных метатекстовых средств на материале русских научных текстов.

В минисловаре приводится список встретившихся в исследованных научных текстах вспомогательных метатекстовых средств. В словаре не отображены метатекстовые компоненты дополнительной интерпретации, так как они не представляют собой стандартных клише и их выбор зависит от предмета речи и от логики изложения.

Номенклатура большего числа ВМТК стандартизирована, наиболее частотные из них представляют собой клише, так что возможно их представление в форме списка. Отсутствие некоторых групп ВМТК в минисловаре связано либо с их бесконечным многообразием (например, ВМТК 2.1 – название статей, глав и т. д.; ВМТК 2.2 – вопрос, вводящий вопросно-ответный комплекс), либо, напротив, с однообразными формами их выражения (например, ВМТК 2.3 – анафорические местоимения и наречия).

ВМТС, указывающие на связи между отдельными фрагментами текста или содержащие межтекстовые ссылки (ВМТС 1)

ВМТС 1.1. Ссылки.

1. Ссылки на собственные высказывания.

выше мы уже не раз упоминали...

как уже упоминалось...

как уже отмечалось...

как было отмечено выше...

я сказал...

2. Межтекстовые ссылки на работы других исследователей, отсылочные конституенты.

Как показал [Н.И. Жинкин]...

По удачному определению [Э.В. Ильенкова]...

Термином [«знак»] охотно и широко пользовался [Ф.Ф. Фортунатов], который писал...

Очень важные различия в области [теории знака] указывает в [«Логических исследованиях»] [немецкий логик Эдмунд Гуссерль]...

Развивая идеи [Э. Гуссерля], [австрийский психолог, философ и лингвист Карл Бюллер], описывая в своей книге [«Теория языка»] [различные направленности знаков языка], определяет [основные функции языка]...

[Датский лингвист Л. Ельмслев] пишет о [знаках]...

[Маркс] писал, что...

Последние несколько лет отмечены значительным повышением исследовательской активности [жанроведов] (см. работы: [Багдасарян 2000; Баранов 1997а; 1997б; 1999; Богин 1997; Борисова 1997; ...Карасик 1997; 1998; 2000; Китайгородская, Розанова 1999...])

...Основная задача [Ричардса] состояла в [трактовке метафоры как результата определенного взаимодействия]: [«Когда мы используем метафору, мы останавливаемся на двух мыслях о двух разных вещах. Причем эти мысли, возникая одновременно, выражаются с помощью одного слова или выражения, значение которого есть результат их взаимодействия»].

ВМТС 1.2. Описания структуры научного текста.

В главе [II] будет показано, как...

Мы остановимся сперва на...

Мы должны прежде всего определить, что...

Наряду с функциями языка в целом выделяются и функции его единиц, что будет рассмотрено в следующем разделе...

Настоящая глава посвящена рассмотрению...

Предлагаемые заметки имеют целью поставить вопрос о том, каким образом...

Теперь рассмотрим, как...

ВМТС 1.3. Указание на направление хода мысли автора.

во-первых... во-вторых... в-третьих... в-четвертых...

главным образом...

к слову...

кстати (говоря)...

между прочим...

прежде всего...

причем...

(с одной стороны...) с другой стороны...

ВМТС 1.4. Установление (квази)эквивалентности внутри текста.

именно...

в общем... (вообще...)

другими словами...

иными словами...

иначе говоря...

(это) значит...

например...

соответственно...

то есть (т. е.)...

ВМТС 1.5. Указания на противоположности.

в отличие от...

все же

наоборот

напротив

однако

ВМТС 1.6. Указание наличия причинно-следственных связей.

следовательно...

из этого следует, что...

из этого вытекает, что...

исходя из этого...

(это) значит...

ВМТС 1.7. Подытоживание.

итак...

таким образом...

в общем...

в целом...

ВМТС, привлекающие внимание реципиента к отдельным компонентам научного текста (ВМТС 2).

ВМТС 2.3. Эксплицитное указание на тему или предмет рассуждений с помощью специальных клише.

Что касается...

Говоря о...

Затрагивая...

ВМТС 2.5. Остальные средства привлечения внимания.

можно сказать, что...

необходимо отметить, что...

дело в том, что...

всегда надо помнить, что...

следует подчеркнуть, что...

ВМТС, с помощью которых автор оценивает степень достоверности излагаемой информации (ВМТС 3).

ВМТС 3.1. Средства выражения высокой оценки достоверности научного факта.

безусловно

действительно

естественно
конечно
несомненно
разумеется
совершенно очевидно
совершенно ясно

ВМТС 3.2. Средства снижения категоричности.

по-видимому
может быть
видимо
вероятно

ВМТС 3.3. Средства выражения субъективности высказываемого мнения.

думается
по-моему
по нашему мнению
предполагается
представляется

ВМТС оценки формы высказывания (ВМТС 4).

как бы
так называемый
так сказать
точнее (сказать)

Приложение 2

Мини-словарь вспомогательных метатекстовых средств на материале немецких научных текстов

ВМТС, указывающие на связи между отдельными фрагментами текста (ВМТС 1).

ВМТС 1.1. Ссылки.

1. Ссылки на собственные высказывания.

in dem oben erwähnten Fall...

В ранее упомянутом примере...

vgl. meine Untersuchung in [ZPSK 19 (1966) 309–320]...

по сравнению с моим исследованием в [указывается периодическое издание]...

wenn wir oben davon sprachen...

когда мы говорили об этом ранее...

wie ich diese Strukturen andernorts genannt habe...

как я называл эти структуры в других источниках...

2. Межтекстовые ссылки на работы других исследователей.

wie es [Benedetto Croce] sah...

как это рассматривал [имя исследователя]...

ВМТС 1.2. Описания структуры научного текста.

Im folgenden Beitrag wird der Versuch unternommen...

В следующей статье будут предприняты попытка...

Im Mittelpunkt der nachfolgenden Bemerkungen stehen...

В центре следующих тезисов находятся...

Theoretischer Ausgangspunkt der folgenden Überlegungen ist...

Теоретической предпосылкой следующих размышлений является...

Wir wollen uns hier mit ... beschäftigen...

Здесь мы хотели бы заняться...

Ziel dieser Untersuchung ist es...

Целью этого исследования является...

ВМТС 1.3. Указание на направление хода мысли автора.

dabei...

При этом

damit...

Вместе с этим/ так...

erstens..., zweitens..., drittens...

во-первых..., во-вторых..., в-третьих

einerseits..., andererseits...

с одной стороны..., с другой стороны

in erster Linie...

в первую очередь

vor allem...

прежде всего

vorerst

пока, в настоящее время

zunächst

первоначально

ВМТС 1.4. Установление (квази)эквивалентности внутри текста.

also...

таким образом

das heisst (d.h.)...

то есть (т. е.)

nämlich...

именно

und zwar...

а именно

ВМТС 1.5. Указания на противоположности.

dagegen...

наоборот

jedoch...

однако

ВМТС 1.6. Указание наличия или отсутствия причинно-следственных связей.

daher...

следовательно

demnach...

поэтому

dementsprechend...

соответственно

ВМТС 1.7. Подытоживание.

also...

итак, таким образом

so...

итак, таким образом

verallgemeinernd...

обобщая

zusammenfassend...

резюмируя

abschliessend

в заключение

Darauf möchte ich auf die Schlussfolgerung für die Rezeption verweisen...

С целью повтора материала мне хотелось бы сделать следующие выводы...

Ich darf daher kurz zusammenfassen...

Я могу сделать краткие выводы...

ВМТС, привлекающие внимание собеседника к отдельным компонентам научного текста (ВМТС 2).

ВМТС 2.3. Эксплицитное указание на тему или предмет рассуждений с помощью специальных клише.

Nehmen wir [einen Funktionalstil der Wissenschaften].

Рассмотрим [научный стиль]...

Wir wollen uns hier mit ... beschäftigen.

Здесь нам хотелось бы заняться...

Hier haben wir es mit ... zu tun.

Здесь мы имеем дело с...

ВМТС 2.5. Остальные средства привлечения внимания.

Aus den wenigen Problemandeutungen lässt sich unschwer erkennen, dass...

Основываясь на перечисленных задачах без труда можно признать, что...

Das ist ein nötiger Hinweis, dass...
Это необходимая ссылка на то, что...

Es ist doch bemerkenswert, dass...
Примечательно, что...

Man darf heute wohl von der Erkenntnis ausgehen, dass...
На сегодняшний день в полной мере можно осознать, что...

Zunächst ist hier nur festzuhalten, dass...
В первую очередь здесь нужно придерживаться...

ВМТС, с помощью которых говорящий оценивает степень достоверности излагаемой информации (ВМТС 3).

ВМТС 3.1. Средства высокой оценки достоверности научного факта.

Es liegt auf der Hand...
очевидно

freilich...
конечно

ganz und gar...
совершенно, несомненно

natürlich...
конечно

offenkundig...
ясно

selbstverständlich...
само собой

sicher...
точно

zweifellos...
несомненно

ВМТС 3.2 Средства снижения категоричности.

Wohl
вероятно

ВМТС 3.3. Средства выражения субъективности высказываемого мнения.

Es ist uns bekannt, dass...
Нам известно, что...

Es ist auch möglich...
Также возможно, что...

m.E. (meines Erachtens)...
по-моему, на мой взгляд

Wir nehmen an, dass...
Мы считаем, что...

Wir wissen, dass...
Мы знаем, что ...

ВМТС оценки формы высказывания (ВМТС4).

allgemeiner gesprochen...
в общем...

genauer (gesagt)...
точнее (сказать)...

In Termini [der Ästhetik] ausgedrückt...
Выражаясь термином [эстетики]

Приложение 3

Рекомендации для написания реферирования, аннотации, научной статьи на немецком языке

С законами письменной речи студент сталкивается на протяжении всего обучения в вузе. Ему приходится работать с такими жанрами научной прозы, как статья, тезис, реферат, аннотация, курсовая и дипломная работа. Приступая к написанию научной работы, каждый исследователь, а особенно студент, стоит перед задачей что и как писать. Характерные черты научного стиля проявляются в отборе языкового материала и специфических особенностях композиции текста.

Письменный характер речи обязывает автора работы строго соблюдать требования, предъявляемые к текстам научного стиля. Любое произведение является целенаправленным. Поэтому при создании текста необходимо помнить о том, что его высказывание имеет определенную цель – представление положения вещей, аргументацию фактов, доказательство своего мнения и, в конце концов, воздействие на читателя. Коммуникативное намерение должно быть направлено не просто на оптимальное построение высказывания, оно устремлено и на достижение понимания содержания статьи читателем.

Ниже приведены вспомогательные средства, которые можно использовать в написании аннотации, реферирования или статьи на немецком языке. Использование данных средств поможет предельно ясно и логично построить письменный текст.

1. Im folgenden Beitrag wird der Versuch unternommen...
Im Mittelpunkt der nachfolgenden Bemerkungen stehen...
Theoretischer Ausgangspunkt der folgenden Überlegungen ist...
Wir wollen uns hier mit ... beschäftigen...
Ziel dieser Untersuchung ist es...

2. Nehmen wir...
Hier haben wir es mit ... zu tun.
erstens..., zweitens..., drittens.../ einerseits..., andererseits...
in erster Linie.../ vor allem...
vorerst/ zunächst
das heisst (d.h.)...
nämlich.../ und zwar...
dementsprechend...
Es liegt auf der Hand...
selbstverständlich...

3. also...

Verallgemeinernd/zusammenfassend/ abschliessend

Darauf möchte ich auf die Schlussfolgerung für die Rezeption
verweisen...

Ich darf daher kurz zusammenfassen...

Научное издание

Гаврилова Алла Александровна

**МЕТАТЕКСТОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ**

Редактор *Ю.В. Семенова*
Компьютерная верстка *А.А. Угланов*

Подписано в печать 22.02.2017. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Уч-изд. л. 10,0. Усл. печ л. 10,5.
Тираж 500. Заказ 32.

Саратовский социально-экономический институт (филиал)
РЭУ им. Г. В. Плеханова
410003, г. Саратов, ул. Радищева, 89.